ЛАРРИ КИНГ

А что это я здесь делаю?

ПУТЬ ЖУРНАЛИСТА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ларри Кинг, ведущий ток-шоу на канале CNN, за свою жизнь взял более 40 000 интервью. Гостями его шоу были самые известные люди планеты: президенты и конгрессмены, дипломаты и военные, спортсмены, актеры и религиозные деятели. И впервые он подробно рассказывает о своей удивительной жизни: о том, как Ларри Зайгер из Бруклина, сын еврейских эмигрантов, стал Ларри Кингом, «королем репортажа»; о людях, с которыми встречался в эфире; о событиях, которые изменили мир. Для широкого круга читателей.

- Ларри Кинг
  -
  -
  - Воспоминания
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Благодарности
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89

- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133

- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177

- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181

Ларри Кинг
А что это я здесь делаю? Путь журналиста

© Larry King, 2009. Впервые издано Weinstein Books, США
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишерз», 2010
Перевод с английского Мария Кульнева

* * *

Женщинам в моей жизни:
моей жене Шон Саусвик-Кинг, заслужившей «Пурпурное сердце» в мирное время,
и Венди Уолкер, моему исполнительному продюсеру и другу

Нет большей радости, чем отцовство, благодаря тому, что оно дает. Мне оно дало Энди, Ларри-младшего, Хаю, Чанса и Кэннона. В них моя жизнь

Воспоминания

Странная вещь – воспоминания. Бывает, помнишь то, что случилось с тобой полвека назад, но при этом забываешь, где вчера обедал.

И главное – чем дольше живешь, тем больше у тебя воспоминаний. Так что вполне логично, что у человека в тридцать лет память лучше, чем в семьдесят пять. У меня больше семидесяти пяти лет воспоминаний. Вчера к ним прибавился еще один день. Сегодня добавится новый.

Иногда воспоминания можно оживить фотографиями. Но порой они сами превращаются в воспоминания. Однажды с Джоном Кеннеди-младшим мы разговаривали о его знаменитой детской фотографии, на которой он, трехлетний, отдает честь на похоронах своего отца. Он не помнил, как это было в действительности, он помнил только фотографию. Он видел ее не раз на протяжении своей жизни. И фотография превратилась в воспоминание.

Рассказы, как и фотокарточки, тоже могут консервировать воспоминания. Правда, порой могут и подправлять их. Рассказывая какую-нибудь историю из жизни, вы обязательно подправляете реальные события. А как же иначе? Вы можете забыть, какая в точности фраза прозвучала, и заменяете ее другой, придуманной вами, которая может оказаться более остроумной. И если ваша история вызывает у слушателей смех, вы используете эту фразу и в следующий раз, вновь рассказывая ту же историю. И через какое-то время ваш вариант рассказа становится единственным и так сохраняется в памяти.

И вероятно, мои воспоминания, изложенные в этой книге, не соответствуют в точности тому, как происходила моя жизнь. Многие из них приправлены шуткой. Однако по сути здесь все верно.

Иногда я расстраиваюсь из-за того, что не могу чего-то вспомнить. Как в том анекдоте: «Я только что прочел замечательную книгу “Десять шагов к идеальной памяти”, ее написал… ну этот, как его…»

Но вот шутки и забавные случаи я не забываю никогда. Мое чувство юмора пока мне не изменяет. Я помню все, над чем смеялся, даже в детстве. И мне кажется, что именно шутки и забавные случаи я буду помнить до самого конца, даже если забуду все остальное.

Если вы знаете меня только по телепрограммам CNN, вас это, наверное, удивляет. Но если бы я не занялся тележурналистикой,

то, скорее всего, стал бы комиком. До сих пор я получаю больше всего удовольствия, если мне удается кого-то рассмешить.

Воспоминания – это все, что у нас есть. Если их потерять, останешься ни с чем. Но самые лучшие из них – те, что тронуты шуткой.

Эта книга не ограничивается только моими воспоминаниями. Здесь есть и воспоминания моих родных и друзей – тех, кто знает меня лучше всего. И в них наверняка окажется что-то такое, чего я никогда не сказал бы о себе сам. Но для полноты образа они необходимы. Я не буду заглядывать в них, пока книга не выйдет в свет. Мне не хочется никого редактировать и диктовать людям, что говорить.

Как ни забавно, не исключено, что когда я открою книгу, то буду удивлен не меньше вашего.

Глава 1
А что это я здесь делаю?

Если бы вам пришлось сиживать со мной за завтраком в Nate ‘n Al Deli, вы бы взглянули на меня совсем другими глазами. Вопервых, туда я прихожу без подтяжек. Во-вторых, вы бы узнали, что я ненавижу яйца. А в-третьих, вам бы пришлось представить меня в багажнике автомобиля, поскольку рано или поздно всплыла бы история об «интервью века».

Это произошло не так давно. В моем шоу был один продюсер – назову его Боб. В общем, неплохой парень, но чересчур импульсивный. Как-то ему позвонила какая-то шишка из CNN International:

«Боб! Намечается нечто невероятное!» Боб сразу заволновался:

«Что? Что? Что такое?»

«Есть возможность взять интервью у Усамы бен Ладена».

«Ни хрена себе!»

Реакцию Боба можно понять. Спецслужбы США пытались найти бен Ладена с 11 сентября 2001 года. Трудно было придумать более удивительное телеинтервью, разве что встречу с инопланетянами.

«Нужно будет выехать в Пакистан». Боб чуть не задохнулся от волнения.

«Но интервью состоится при определенных условиях. Вы с Ларри полетите в отдаленный район. Съемочной группы с вами не будет. Мы не имеем права привозить свое оборудование. Они предоставят нам съемочную группу. И звукооператоров. И переводчиков. И сами сделают запись. А когда интервью закончится, отдадут нам пленку. Таковы их условия.

И еще кое-что. В Пакистане вас с Ларри отвезут на машине в определенное место. Потом вы выйдете из машины, и ты, Боб, останешься ждать на месте, а Ларри посадят в багажник другого автомобиля, чтобы довезти до Усамы. Иначе нельзя. Они не могут допустить, чтобы кто-нибудь хотя бы примерно мог догадаться, где он находится.

Ларри возьмет интервью. Получит запись, потом вновь залезет в багажник. Машина вернется к тому месту, где ты будешь его ждать. Вы с Ларри сядете обратно в самолет и полетите домой».

По окончании разговора Боба уже трясло от возбуждения. Ему очень хотелось сделать это интервью века, но в то же время

он страшно переживал из-за возможных последствий: *Ларри перенес уже несколько операций на сердце. А вдруг, когда он будет ехать в багажнике, с ним что-нибудь случится? А что, если его убьют? Или возьмут в заложники? И меня тоже? Но разве можно упустить такой шанс!*

Боб позвонил матери.

«Мам, посоветуй, как быть?» Мать заинтересовалась:

«А как долго Ларри придется просидеть в багажнике?»

«Они не сказали».

Боб просто с ума сходил. Он достал всех. Он так разволновался, что уже не мог держать себя в руках. Моему исполнительному продюсеру Венди Уолкер пришлось в конце концов сказать ему, что это первоапрельская шутка, иначе Боб попросту спятил бы или кого-нибудь прикончил.

На самом деле, если бы Боб зашел позавтракать в Nate ‘n Al Deli, ему сразу бы стало ясно, что совершенно незачем так нервничать. Джордж, обычно занимающий место с краю, все бы ему разъяснил.

«Да ты не успеешь спросить у Ларри, хочет ли он ехать, как он уже будет в багажнике, – мог бы сказать ему Джордж. – И готов спорить, что, когда Ларри соберется в обратный путь, Усама залезет в багажник вместе с ним, чтобы продолжить разговор».

Конечно, это преувеличение. Но одно могу сказать точно: просьба ехать в багажнике меня бы не удивила. Скорее я воспринял бы ее как нечто обычное. Разве что задал бы себе тот самый вопрос, который крутится у меня в голове вот уже пять десятков лет: *А что это я здесь делаю?*

Этими словами описывается вся моя жизнь.

Ей-богу, временами я чувствую, будто попал в сказку. Хочется ущипнуть себя, чтобы заставить поверить в то, что малыша Ларри Зайгера из Бруклина передают на 22 300 миль в космос, где он отражается от спутника, чтобы потом какой-нибудь житель Тайваня или любой из 200 стран и территорий мира мог наблюдать, как я пристаю к людям с вопросами.

Неужели это я, никогда не учившийся в колледже, учредил стипендиальный фонд на миллион долларов в Университете Джорджа Вашингтона? Это я попал в аварию с Джоном Кеннеди[1] и хорошо знаком со всеми президентами, начиная с Никсона[2]? Это мне пел Фрэнк Синатра в артистическом фойе? И это я гулял с Мартином Лютером Кингом-младшим[3], а потом беседовал с его убийцей? Это мне звонил король Иордании, когда я обедал в Беверли-Хиллз в ресторане мистера Чау? И это мои сыновья, которые родились, когда мне было уже под семьдесят, нарядились на Хеллоуин в «костюм Ларри Кинга» с подтяжками?

Не-е-ет. Тот малыш Ларри Зайгер, которого я помню, сидел дома и слушал в 1949-м по радио репортаж об игре «Всех звезд» на стадионе Эббетс-филд, потому что у него не было денег на билет. И как так получилось, что сорок лет спустя я гулял по стадиону во время тренировки «Всех звезд», а игроки просили автограф… у меня?

Нет, такого просто не могло быть. Ларри Зайгер, который видел, как народ на бруклинских улицах плакал, узнав о смерти Франклина Рузвельта[4], никогда и не мечтал о том, чтобы попасть в Овальный зал. Но Ларри Кинг был там не раз. И однажды в Белом доме, когда я беседовал с Хиллари Клинтон[5], сидя под портретом Элеоноры Рузвельт[6], и вскользь упомянул о том, что брал у Элеоноры интервью, именно Хиллари была этим приятно поражена.

Неужели правда, что Михаил Горбачев пришел на встречу со мной в подтяжках? И толпа студентов во Флориде скандировала: «Лар-ри! Лар-ри! Лар-ри!», когда я брал интервью у Джона Маккейна[7] во время последней президентской кампании? А агент Секретной службы действительно повернулся ко мне и спросил:

«Может быть, нам стоит охранять *вас*?»

И я до сих пор удивляюсь, когда нас с моим самым давним другом Гербом приглашают на обед в губернаторский особняк в НьюЙорке. Представьте: входит дворецкий и интересуется: «Не желают ли господа аперитив, прежде чем отправиться отдыхать?»

Аперитив? Кто вообще знал такие слова в кондитерской лавке Мальца?

Хотя, думаю, Марио Куомо[8], который нас приглашал, понимал, насколько все это невероятно. Может, поэтому, вручая мне награду на острове Эллис, которая дается потомкам иммигрантов, он рассказал такой анекдот:

«Как-то раз Ларри Кингу подарили отрез на костюм. Ларри отправился к портному в Майами и попросил сшить костюм с двумя парами брюк.

– Простите, Ларри, – сказал портной, – но этого материала не хватит на двое брюк.

Тогда Ларри отправился к другому портному, в Вашингтон. Портной измерил ткань и покачал головой.

– Извините, – сказал он, – на вторые брюки здесь не хватит. Ларри попытался добиться того же в Лос-Анджелесе. С тем же результатом.

В конце концов Ларри поехал на родину, к своему старому бруклинскому портному.

– Да, конечно, – сказал старый бруклинский портной. – Я

сошью вам костюм с двумя парами брюк и жилеткой.

– Но как это у вас получится? – спросил Ларри.

– Знаете, – ответил портной, – здесь, в Бруклине, вы не настолько большой человек».

Глава 2
Девять книжек

Я возвращался домой из библиотеки и нес девять книг. По крайней мере так это сохранилось в моей памяти. На самом деле я не уверен, что книг было именно девять. Может быть, мне просто так кажется, потому что мне тогда было девять. А это я знаю точно, потому что точно помню дату – 9 июня 1943 года. В тот летний день я нес под мышкой внушительную стопку книг, потому что любил читать. Не знаю, что стало потом с этими книгами…

Перед нашим многоквартирным домом стояло три полицейских автомобиля. Мы называли их «жестянками». Не помню в точности, в какой момент я услышал крики своей матери. Но, когда я уже спешил вверх по лестнице, мне навстречу вышел полицейский. Он поднял меня на руки, книги разлетелись.

Я не уверен, был ли знаком с этим полицейским. Но это вполне возможно. Долгое время, до того как началась война и отец отправился работать на оборонный завод, он владел маленьким баром и закусочной по соседству. Все местные полицейские были его приятелями. Они любили моего отца, как и любого другого владельца бара с хорошим чувством юмора. У меня появилась собственная полицейская форма, когда я был еще совсем маленьким. С жетоном и дубинкой. Я изображал, что несу ночное дежурство.

Полицейский посадил меня в машину и сообщил, что мой отец умер. От сердечного приступа.

Я не плакал. Это я хорошо помню. Я был будто в тумане. Наверное, полицейский не знал, что ему делать. Он завел двигатель и повез меня куда-то. Мы колесили по улицам Браунсвилля и в конце концов оказались в кинотеатре.

Никогда не забуду фильм, который мы смотрели тогда, – «Батаан» с Робертом Тейлором в роли сержанта Билла Дейна. В фильме рассказывалось о горстке американских солдат, которые пытались противостоять японскому вторжению на Филиппины.

Отряд сержанта Дейна должен был подорвать мост, чтобы остановить вражеское наступление. Солдаты гибли один за одним, пока не остались только сержант и еще двое. Первого подстрелил снайпер. На второго бросился японский солдат, притворявшийся мертвым. Фильм заканчивался кадрами, в которых сержант Дейн расстреливал из автомата приближающихся японцев в последнем порыве героизма, и пули

летели прямо в камеру.

Не помню, что я чувствовал, когда наконец оказался дома в тот день. Из памяти стерлось многое, что произошло в тот день. Точно так же, как и у моего младшего брата Марти. Ему тогда и было-то всего шесть лет. Но кое-что, связанное с этими событиями, я все же помню.

Я не пошел на похороны. Я очень любил отца, но на похороны идти отказался. Я остался дома. Наверное, кто-то остался присматривать за мной, но я помню, что был один. Помню, что играл у подъезда, стуча мячиком по ступенькам.

Точно помню еще две вещи. Я больше никогда не ходил в ту библиотеку, и с тех пор вид полицейских машин около нашего дома заставлял мое сердце подпрыгивать. Если я видел хоть одну из них у подъезда, я бросался домой со всех ног в ужасе, что умерла моя мать.

Глава 3
Мама и радио

Помните старый анекдот? Мальчик застает мать и отца за занятиями любовью.

Мальчик кричит: «О, Господи!» – и выбегает из комнаты. Отец говорит матери: «Пойду-ка я успокою его».

И вот отец идет следом за мальчиком, но не находит того в своей комнате. Вместо этого сын оказывается в комнате у бабушки, в постели вместе с ней.

«О, Господи!» – восклицает отец.

На что мальчик отвечает: «Ну, теперь ты понимаешь, каково это – видеть, как кто-то спит с твоей матерью».

Любому ребенку трудно увидеть в своей матери молодую женщину. Моя мать была для меня *мамой*, а не Дженни Зайгер. Хотя я знал, что матери приходится тяжело после смерти отца, но лишь много лет спустя я смог на самом деле понять это. Жизнь у Дженни была очень тяжелой.

Я помню, как она рассказывала мне о своем самом раннем воспоминании. Это был страх – страх перед проверкой глаз на острове Эллис[9].

В музее острова Эллис я видел снимки набитых людьми кораблей, прибывавших в Америку. Но я все равно не могу себе представить, что чувствовала она, впервые увидев статую Свободы. Ей было семь лет, и она была самой младшей из семи сестер. Они с матерью прибыли в Штаты на пароходе «Аравия», а был ли с ними их отец, я точно не знаю. Шел 1907 год. Что мог знать о проверке у офтальмолога семилетний ребенок? Наверное, она и не знала, что за болезнь со странным названием ищут доктора. А они искали трахому.

Это очень заразное заболевание глаз часто возникало при большом скоплении народа в антисанитарных условиях. Нередко оно приводило к слепоте, и доктора обнаруживали его по небольшим узелкам на внутренней поверхности века. Но, наверное, семилетняя Шейн Гитлиц знала все, что ей нужно было знать в ее положении: если она не пройдет проверку, ее отправят обратно в Россию.

Как мне объяснить сегодня моим сыновьям, которым восемь и девять лет, через что ей пришлось пройти? Наверняка в ее голове роились тысячи мыслей. *А что, если мои мама и сестры пройдут проверку, а я – нет? Что будет тогда с нами?* Наверняка это было очень тяжело для нее, так же, как и для них. Никто не мог

предугадать, что их ждет. Теперь-то мы все знаем. Тех, кто не прошли проверку и были отосланы обратно в Европу, через несколько десятилетий ждало худшее. Сотни евреев из Коломии – города, который в те времена принадлежал Австро-Венгрии, а сейчас принадлежит Украине, того самого города, из которого уехал мой отец, – в 1941 г. были арестованы и уничтожены нацистами. Еще четырнадцать тысяч были сосланы в концлагерь Бельцег.

Не знаю, было ли для семьи моей матери праздником, когда выяснилось, что все они прошли осмотр, или они лишь испытали облегчение. Шейн Гитлиц, прибыв в Бруклин, превратилась в Дженни. Арон Зайгер, прибывший в Америку шестнадцатью годами позже, в 1923 г., на пароходе «Миннекада», превратился в Эдди.

Эдди снял комнату в том же самом доме, где жила семья моей матери. Так они и познакомились. У них не осталось ни одной свадебной фотографии. Единственный факт, который сохранился для истории от дня их свадьбы, – Эдди и Дженни посетили в этот день постановку «Нет, нет, Нанетт». Думаю, это имеет большее значение для фанатов New York Yankees: владелец Boston Red Sox так мечтал скорее поставить эту пьесу, что продал Бейба Рута[10] Yankees.

Дженни и Эдди поженились в 1927 г. Через год Дженни родила сына. А потом обрушилась Депрессия – причем со всех сторон сразу. Их сын, Ирвин, был очень одаренным ребенком. Помню, что мне рассказывали, как Ирвин еще совсем маленьким начал осваивать программу второго класса. В его свидетельстве о смерти указано, что он умер в четыре года. Я даже не могу представить, что было с моими родителями. Ирвин пожаловался, что у него болит живот, но они не успели вовремя отвезти его в больницу, и он умер от аппендицита.

Я родился на следующий год – 19 ноября 1933 года. Я ни разу не видел в доме фотографий Ирвина. Родители никогда не говорили о нем. Потрясение от его смерти выражалось по-другому. Когда мне было три года, я почувствовал себя плохо, у меня разболелось ухо. Я помню, как сидел на заднем сиденье автомобиля, а отец орал шоферу: «Быстрее, быстрее!»

Мои родители вложили всю жизнь в нас с братом. Мать защищала нас сверх всякой меры. Если бы она когда-нибудь написала книгу, то обязательно назвала бы ее «Одевайтесь потеплее». Отец днем и ночью трудился в баре, чтобы как-то подняться и осуществить свою мечту – переехать в Бенсонхерст. Ах, Бенсонхерст! В пяти минутах от Кони-Айленда! Рядом с морем! *Такая* тогда была жизнь. В те времена переезд из

Браунсвилла в Бенсонхерст[11] был равнозначен разнице между годовым доходом в пять и шесть тысяч долларов. И все-таки он оставался мечтой.

Мой отец так и не попал в Бенсонхерст. Вместо этого был ПёрлХарбор. Не знаю, как отреагировала мать на его решение пойти добровольцем после нападения японцев. Все равно это не имело значения. Отца не взяли на фронт по возрасту. Поэтому он продал бар и предложил свои рабочие руки истинного патриота оборонному заводу в Нью-Джерси. Говорят, он упал и умер, не успев досказать какой-то шутки своим товарищам по цеху.

Через две недели после того появления полицейских у нашего подъезда семью ждал новый удар. Умерла бабушка – мать моей матери. Дженни Зайгер в 43 года осталась совсем одна: домохозяйка с двумя детьми. Эдди не оставил никаких сбережений.

По иронии судьбы вскоре после смерти отца его мечта обрела реальность. Одна из сестер матери помогла нам найти маленькую квартирку на чердаке в Бенсонхерсте. Арендная плата составляла, кажется, 34 долл. в месяц. Была лишь одна маленькая проблема: у нас не было доходов, из которых мы могли бы платить за жилье.

Мы выживали на то, что потом назвали пособием. К нам в квартиру приходили инспектора и проверяли, что за мясо лежит у нас в холодильнике. Предполагалось, что на наши доходы мы не можем позволить себе мясо приличного качества. Если вы жили на пособие, ваша бедность постоянно подвергалась проверке.

Моя мать была великолепной портнихой. За небольшие деньги она перешивала одежду нашим соседям. Но мы не должны были иметь дополнительного дохода. Если соседи снизу видели, что приближаются инспектора, они бежали к нам, чтобы предупредить, и мы поспешно прятали одежду, которую перешивала мать. Такие мелочи прекрасно запоминаются, когда растешь в бедности.

Вскоре после смерти отца я заметил, что плохо вижу. Вначале учитель пересадил меня на первую парту. Потом мне проверили зрение. Город Нью-Йорк приобрел для меня мою первую пару очков. Осуществлялось это так: в учреждении, которое тогда играло роль нынешнего департамента здравоохранения, тебе выдавали бумагу, с которой нужно было пойти в магазин оптики на 14-й улице в Манхэттене и получить очки бесплатно.

На пособие можно было получить только очки с проволочной оправой. Прозвище «Четырехглазый» и так было достаточно обидным. А проволочная оправа лишь ухудшала положение. Это было клеймо. Каждый, кто видел тебя в этой оправе, знал, что ты из бедных. Я ненавидел эти очки. Много лет спустя подобные

оправы вошли в моду. Но вы не увидите ни одной моей фотографии в возрасте старше десяти в таких очках.

Теперь я осознаю, что нет ничего удивительного в том, что я не мог понять в полной мере все, через что пришлось пройти моей матери. Я был слишком занят тем, чтобы заставлять ее и всех остальных жалеть меня. Я потерял интерес к учебе – просто перестал читать. Вероятно, книги стали ассоциироваться у меня со смертью отца. Учился я хорошо, даже перескочил через третий класс. И вдруг моя мать стала просить учителей прощать меня за несделанные домашние задания, потому что я слишком подавлен семейной трагедией.

Все остальные плакальщики, читавшие молитвы по усопшим в синагоге Хопкинсона, были не моложе сорока. *Исгадаль в'искадаш ш'мэй рабо…* Я намеренно читал это так, чтобы вызывать жалость. Спустя много лет один мой товарищ-психолог предположил, что причиной этого могла быть обида – обида на отца за то, что он покинул меня. Но тогда я не проводил никакого анализа. Отец был мне другом, и все. Однако другого объяснения я сейчас найти не могу. Почему я не пошел на похороны? Почему не плакал? Ведь мы с отцом были очень близки. Я до сих пор помню, как сидел у него на плече на параде в День благодарения. Почему я стал использовать его смерть для того, чтобы получить какое-то преимущество в глазах других? Стараясь вызвать у окружающих жалость, я лишь проявлял еще большее возмущение его смертью.

Если какой-то мужчина приглашал нашу мать на свидание, мы с братом начинали швыряться вещами и драться, как только он заходил к нам в дом. Мы делали все, чтобы у него не возникло ни малейшего желания вернуться. Позже мы оба сильно об этом жалели. Дженни Зайгер могла бы вновь стать счастливой, и мы тоже получили бы свою долю счастья.

Молодая женщина, потерявшая сына, мужа и мать, не имеющая работы, она одна растила двух мальчишек. Мать научила меня не унывать – и научила на собственном примере. Через какое-то время она пошла работать на швейную фабрику. Денег стало ненамного больше, но мы теперь не зависели от пособия и перестали бояться социальных инспекций.

Я никогда не видел, чтобы мать покупала что-нибудь для себя. Она жила ради сыновей. Каждый день в одно и то же время она готовила и подавала нам обед. Бараньи отбивные, прожаренные, сочащиеся жирком. Телячьи котлетки в сухарях. Каша. Картофельный кугель, за который не жалко и жизнь отдать. Мать не знала, что ее блюда были «умело приготовленным путем к инфаркту». Если хотите понять, на что была похожа восточно-

европейская еврейская кухня, можете посетить Sammy's Roumanian Steak House на ЛауэрИст-Сайд в Нью-Йорке. Еда там замечательная. Но перед уходом вам обязательно дадут Bromo-Zeltzer.

Нетрудно догадаться, почему в еврейских ресторанах такие большие порции и почему в моей семье еда была всем. Много веков подряд в жизни евреев не было никакой стабильности. В любой момент у них могли отобрать и имущество, и жизнь, и любая трапеза могла оказаться последней. Поэтому еда должна была быть превосходной, и съедать ее было необходимо всю, до последней крошки. Таков был закон жизни. Второй причиной, по которой полагалось ничего не оставлять на тарелках, было существование людей, у которых не было возможности хорошо питаться. Выбрасывать пищу, когда кто-то голодает, считалось кощунством.

Мать воспринимала как личное оскорбление, если мы что-то оставляли на тарелках. Даже если весь обед был съеден, но оставался маленький кусочек вишневого пирога, она говорила: «Ешьте, не расстраивайте меня». Я не помню, чтобы мать когда-либо ела вместе с нами. Она готовила, накрывала на стол, садилась и смотрела, как мы едим. А потом уносила тарелки.

Самое яркое воспоминание о ней относится к тому времени, когда я уже стал звездой на радио и смог забрать ее в Майами. Может, причина в том, что мне хочется помнить ее счастливой. Я до сих пор вспоминаю, как мать подавала мне бараньи отбивные.

«Тебе понравилось?»

«Изумительно, мам».

«А спроси-ка, как мне достались эти отбивные».

«И как же, мам? Как они тебе достались?»

«Я пошла к мяснику, посмотрела на отбивные в витрине, и они мне не понравились. Какие-то, знаешь, совершенно невзрачные. Я спросила у мясника:

– Это все, что у вас есть? И он сказал:

– Да, госпожа. Не хотите, не берите. Тогда я сказала:

– Может быть, вы знаете моего сына?…

– А кто ваш сын?

– Ларри Кинг.

– Ваш сын – Ларри Кинг?!

И он повел меня в кладовку. Вот как достались мне эти бараньи отбивные».

Такая у меня мать! Она всегда находила чем гордиться и всегда доставала для меня самое лучшее, что только могла.

Когда я был ребенком, нам помогала еще одна женщина. Мы звали ее тетей Беллой. Но она не была нам родной теткой. Родом

она была из Шотландии. Мы звали ее тетей, потому что любили ее. Она была совсем старенькая. Ее отец участвовал в гражданской войне, и у нее сохранилось письмо, которое он получил от президента Линкольна. Тетя Белла готовила нам обед и присматривала за нами, пока мать была на работе. Однажды на Рождество какой-то ее родственник, одетый Санта-Клаусом, спустился по нашему дымоходу прямо у нас на глазах. В нашей «кошерной» квартире устраивалась рождественская елка, чтобы тетя Белла чувствовала себя как дома. Для нас она была членом семьи.

Но ни мать, ни тетя Белла, вместе взятые, не могли заменить мне отца. Да и подзатыльники давал мне только отец.

Вот одно из моих самых живых детских воспоминаний. Это случилось после того, как я свалился с забора с железными пиками у нашего дома. Я сломал руку и оставался дома. Однажды, когда я сидел перед подъездом, подъехала большая черная машина.

«Эй, малец, поди-ка сюда».

Меня, наверное, миллион раз предупреждали, чтобы я держался подальше от незнакомцев. А самым страшным грехом было подойти к незнакомцу в машине, который к тому же предлагал конфеты. Я приблизился на шаг, думая, что в любом случае еще смогу убежать.

Человек вышел из машины и открыл багажник. Если бы я увидел там конфеты, то тут же бы убежал. Но любопытство пересилило, и я заглянул внутрь. Конфет там не было. Там были комиксы. Полный багажник комиксов. А я так их любил!

«Я сказал сыну, что если он снова будет плохо себя вести, то отдам комиксы первому встречному мальчику, – сказал мужчина. – Ты – первый, кто мне встретился».

Я забрал комиксы и поднялся в квартиру.

«Папа, гляди!» – воскликнул я, зайдя домой.

«Откуда у тебя это?»

«Ко мне подъехал человек на машине».

«И ты подошел к машине?»

«Ага».

«Что я говорил тебе о незнакомых людях?»

«Но…» Хлоп!

В другой раз я прогулял школу. К обеду вернулся домой как ни в чем не бывало и присоединился к сидящим за столом домашним.

«Как дела в школе?» – спокойно спросил отец, зачерпывая ложкой суп.

«Хорошо». Хлоп!

Я так и полетел со стула.

«Эдди! – воскликнула мать. – Что ты делаешь?»

Кто-то видел меня на улице во время занятий и специально зашел к отцу в бар, чтобы рассказать ему об этом.

«Не ври!»

Говорили, что наказанием отец выражал свою любовь к нам. В моей жизни были и другие моменты, когда отцовские подзатыльники пришлись бы кстати. Но любовь матери не подкреплялась наказаниями. Самой большой ошибкой было то, что ей всегда было жаль меня, и этим она меня портила. Даже если бы я ограбил банк, она, вероятно, сказала бы в полиции: «Может быть, кто-то выписал ему неверный чек? Наверное, у моего сына была причина это сделать».

Она оправдывалась, извинялась и старалась вытащить меня из любых неприятностей, в которые я умудрялся попасть. В результате я попадал в новые, потому что знал, что она вытащит меня и из них. На протяжении многих лет рядом со мной появлялись люди, которые пытались заполнить пустоту, оставшуюся после смерти отца. Не знаю, чувствовали ли они всю глубину моей потери. Хороший вопрос. И все же эта пустота оказалась заполнена, но не человеком. Заполнило ее радио.

С радио начинался и заканчивался каждый мой день. У меня был темно-коричневый приемник «Эмерсон» с полукруглым верхом и динамиками с двух сторон. Иногда мы вместе с матерью и братом усаживались около него и смотрели на динамики, из которых лился звук. Сейчас это звучит нелепо. Что мы делали, включив радио? Да ничего. Мы просто на него смотрели.

Я порой воспроизводил разные шоу, делая свой голос как можно ниже. *Кто знает, какое зло таится в людских сердцах? Тень знает это…* Тень не была невидимкой. У нее была власть так затуманить разум человека, чтобы он не мог ее видеть. Она научилась этому искусству в Индии. Это была программа Капитана Полночь. Все мы, члены клуба Капитана Полночь, владели искусством расшифровки его посланий. *А теперь, парни, вот вам послание на завтрашний день. Тридцать шесть*. Мы начинали расшифровывать. Т – *пятнадцать*. Е… *Ужас ждет вас завтра у Кааааааапитана Полночь!*

Тогда еще не было телевидения. Но слушать радио более интересно, чем смотреть телевизор, потому что можно представить себе любые картины. Когда мы слышали, как опускается молоток судьи, то рисовали более захватывающие картины, чем если бы видели это. Я помню, как много лет спустя разговаривал об этом с Родом Серлингом, автором «Сумеречной зоны»[12].

«Часто думают, что на радио сценарии были лучше, чем на телевидении, – сказал он. – Это не так. Просто радио давало простор воображению. Например, я пишу сценарий радиопостановки. “На вершине холма высится темный, наводящий ужас замок”. Мысленно можно представить этот замок каким угодно. Если я напишу то же самое в телесценарии, ко мне обязательно кто-нибудь подойдет и спросит: “Мистер Серлинг, каким именно должен быть этот замок? На башнях должны быть острые шпили?”»

Я превратился в радиоманьяка. Я знал программы передач всех станций. В раннем возрасте одним из моих любимых было шоу «Дядюшка Дон». Это была прекрасная передача для детей. По воскресеньям он разыгрывал смешные сценки своим удивительным голосом. У меня даже была копилка дядюшки Дона – желто-зеленая, с его портретом: «Детишки, не забывайте копить денежки». Я любил дядюшку Дона. И его песенку:

Риппити-рипскар-хи-ло-зи,
Хомоньо-фиггиди-хи-ло-ди,
Роди-казолты с алаказоном!
Пой эту песенку с дядей Доном!
Спокойной ночи, мальчики и девочки!

Однажды вечером, когда мне было лет, наверное, десять, дядюшка Дон, как всегда, завершил передачу словами: «Спокойной ночи, мальчики и девочки!» – а потом мы услышали: «Хватит на сегодня этим мелким паразитам».

Я взял тогда копилку дядюшки Дона и выкинул ее в окно. Мать была в панике: «Что ты делаешь? Там же деньги!» Она бросилась по лестнице вниз, чтобы подобрать монетки.

Я никогда не придавал много значения психологической болтовне. Но мне будет нелегко доказать обратное, если какой-нибудь психолог решит связать этот случай с финансовыми проблемами, которые преследовали меня в более зрелом возрасте. «Еще в детстве Ларри швырялся деньгами в окно». Хотя, вспоминая об этом, думаю, что дело тут было не в деньгах. Дело было в любви.

Мы больше никогда не слушали дядюшку Дона. Но моя любовь к радио с возрастом только крепла. Я ходил на студию и смотрел, как специалисты по звуковым эффектам трут друг о друга куски целлофана, имитируя треск огня.

Лучше всех были Ред Барбер и Артур Годфри. Ред показал мне, что такое бейсбол. Он научил меня этой игре. Он рассказывал о матчах так, что слова проникали прямо в душу.

Ничто не могло сравниться с напряжением во время игры великих Brooklyn Dodgers. Я до сих пор помню репортаж Реда Барбера в день открытия чемпионата. «Весенние тренировки окончены, – сказал он. – Начинается нешуточная игра».

Реду исключительно удавались паузы. Он, как никто, умел заставить вас затаить дыхание и приникнуть к радиоприемнику. Во время войны комментаторы не могли путешествовать вместе с командой. Они озвучивали сообщения, доставленные телеграфом. Мы слушали постукивания телеграфного аппарата и думали, что знаем, что они означают. *Это дубль!* Иногда аппарат ломался. Рональд Рейган рассказывал, что однажды, когда он комментировал игру и аппарат сломался, ему пришлось сказать, что отбивающий пропустил одиннадцать прямых подач, пока телеграф вновь не начал работать. Бейсбол был спортом, созданным словно специально для радио. Но ничто не могло сравниться с походом на стадион. Никогда не забуду, как впервые попал на Эббетс-филд. Меня до глубины души потрясли зелень травы, чернота грязи и белизна разметки. Я сидел на открытой трибуне и, развернув турнирную таблицу, комментировал игру так, будто я был Редом.

Артур Годфри был совсем иным. Он первым начал нарушать правила, чем побуждал рисковать и меня. Как-то раз я остался дома один, не пошел в школу из-за болезни. Мать работала, брат учился. Годфри был в эфире и рекламировал арахисовое масло «Питер Пэн».

Он сказал: «Я каждый день говорю вам про арахисовое масло “Питер Пэн”. Когда я говорю о его качестве, вы можете мне верить или не верить. Но сегодня я скажу вам кое-что другое. Сегодня я не буду хвалить масло, а просто пойду и сам его попробую. Понимаю, что это не по правилам, что в рекламе так не говорят. Но я все равно пойду, возьму кусок масла “Питер Пэн” и отправлю его в… грхмдырдырдырррр».

И я вылез из постели, оделся, пошел в магазин и купил арахисовое масло «Питер Пэн». Я шел домой и ел его.

В старшем классе я уже знал точно, кем я буду. Вы можете убедиться в этом, заглянув в школьный альбом. Меня спросили, кем я хочу стать, и я ответил: радиокомментатором.

Другая точка зрения

Марти Зайгер
Брат

Не буду отрицать, что мы жили бы иначе, если бы был жив

наш отец. Нам не пришлось бы жить на пособие. В доме было бы больше стабильности и дисциплины. И нам не пришлось бы переезжать тогда, когда мы это сделали.

На детство Ларри большое влияние оказало то место, где мы стали жить, – Бенсонхерст. А место, где живешь, порой определяет всю дальнейшую жизнь.

Хая Кинг

Дочь

Меня там не было. Но когда я пытаюсь представить своего отца девятилетним, то вижу ребенка еврейских иммигрантов, который получал всю любовь своих родных. Мне представляется традиционная семья и чрезмерно заботливая мать. Мне кажется, он был очень близок с отцом. Я представляю, что семья столкнулась со значительными материальными трудностями, но главное, что у них было, – это очень сильное чувство дома. А потом вдруг не стало отца, и, по-моему, душа его оказалась раздавлена.

Наверное, он злился на отца за то, что тот оставил их. Но в итоге эта злость оказалась направлена на Бога, в храм которого приводила его молиться мать. Что-то в нем перевернулось в этот день. Я не слышала, чтобы он когда-нибудь оплакивал своего отца. И очень сочувствую ему, потому что невыплаканные горе и гнев навсегда остаются в душе. Все это трансформировалось в его деятельную кипучую натуру. В каком-то смысле он обратил свое горе в добро. Благодаря ему он выстроил блестящую карьеру, стал знаменит. Но это не избавило его от боли.

Глава 4
Дом там, где друзья

Пол Ньюмен однажды сказал мне, что, когда приезжает в какой-нибудь город на другом конце света, первым делом включает телевизор в номере отеля, чтобы увидеть меня. Я для него, по его словам, олицетворяю связь с Америкой, связь с домом.

За годы работы мне приходилось слышать нечто подобное от многих людей. Карта, служащая фоном в моей студии на CNN, стала одним из самых узнаваемых телеобразов в мире. Почти четверть века я выхожу по вечерам в эфир на фоне этой карты. Не исключено, что Вуди Аллен был прав, говоря, что 80 % успеха зависит от того, насколько часто ты мелькаешь на экране. Но чувство дома, о котором говорят люди, – все же нечто большее, чем просто мое появление перед микрофоном в студии. И мне кажется, это берет начало в Бруклине.

Не могу представить лучшего места для взросления, чем Бруклин 1940-х. В то время этот район обладал всеми преимуществами маленького городка. Владельцы и мясного, и кондитерского магазинчиков на вашей улице были нам чуть ли не родными. И вообще в укладе жизни было нечто патриархальное. Столько лет прошло, а за стеклом в Еврейском общественном центре Бенсонхерста до сих пор висит фотография моего приятеля Сида с его звездной баскетбольной командой. Однако Бруклин, в котором мы росли, был больше, чем целая Филадельфия. Чтобы полюбоваться на игру одной из трех бейсбольных команд на своем стадионе, нужно было ехать на метро. Бруклин стал домом для миллионов иммигрантов. И можно сказать, что постоянство здесь тесно соседствовало с изменчивостью. Говорят, что и сегодня каждый шестой в Америке так или иначе связан с Бруклином.

Я осознал великую роль этого места не только сейчас, после того как покинул Бруклин; я понимал это и в те годы. Любой, кто вырос в Бенсонхерсте, скажет, что это были лучшие годы его жизни. Никто не переезжал, никто не разводился, а друзья оставались друзьями навсегда. Даже через пятьдесят лет, встретив кого-нибудь, с кем поддерживал шапочное знакомство в старших классах, вы через пять минут становитесь самыми задушевными приятелями. Не исключено, что такое можно сказать и о других местах. Мне не с чем сравнивать, потому что мне не пришлось расти где-то еще. Но Марио Куомо как-то сказал

мне: «О Бенсонхерсте слышали все. Я знать не знаю, что это такое, я вырос в Квинсе. У меня была куча друзей и прекрасное детство, но там, где вырос *ты*, было что-то особенное. Даже в Квинсе об этом слышали».

Стоит завернуть за угол Восемьдесят шестой и Бэй-парквей, и все ваши друзья тут же обретают прозвища.

Был у нас Чернилка Каплан, который сказал учителю, что скорее выпьет чернила, которые стоят у него на парте, чем признается в какой-то шалости. Он ходил с синими зубами полгода… а потом стал стоматологом.

Еще был А-Бэ Горовиц. Когда при нем о чем-то рассказывали, он вечно переспрашивал: «А?» – как будто не слышал. И ему обязательно отвечали: «Бэ». Так и родилось прозвище А-Бэ.

Джо Беллена прозвали Джо Куст. По какой причине – не знаю. Сколько я его помню, он всегда был Джо Куст.

Меня звали Рупором, потому что мой рот никогда не закрывался. А моего лучшего друга Герба Коэна – Делягой Герби. Он постоянно втягивал всех в неприятности, а потом вытаскивал оттуда. Нас с ним сразу потянуло друг к другу. Я обожал всякого рода дурное влияние. А Герб был как раз таким.

Мы познакомились в старшей школе № 128, когда нам вручили знаки «стоп» и поставили регулировать дорожное движение перед школой. «Давай ты разрешишь проезд со своей стороны, а я – со своей», – предложил Герб. Мы направили машины точно лоб в лоб друг другу и создали пробку, которая растянулась на несколько кварталов.

Нас вызвали к директору… вместе с матерями. Это был не единственный раз, когда мою мать вызывали к нему в кабинет. Но по крайней мере на этот раз ей повезло: она подружились с мамой Герба.

Историй о Герби можно набрать миллион. Но круче всех, несомненно, история со Швабриком. Мы тогда учились в девятом классе. По нью-йоркской системе образования девятый класс был выпускным в этой ступени. На следующий год мы переходили в высшую школу Лафайета.

В середине учебного года куда-то пропал наш приятель по прозвищу Швабрик. На самом деле его звали Джил Мермельштейн. Но мы прозвали его Швабрик, потому что у него была буйная курчавая шевелюра, напоминающая насадки на швабры, которыми моют пол. Прошло несколько дней, но Швабрик не появлялся. И мы пошли к нему домой, чтобы выяснить, что с ним. Нас было трое: я, мечтающий стать радиокомментатором, Деляга Герби, который хотел быть адвокатом, и еще Брэззи Эббэйт, который планировал стать

доктором.

В доме у Швабрика были опущены все шторы. На ступенях у входа сидел его двоюродный брат, живший в Нью-Джерси, единственный родственник Швабрика на Северо-Востоке.

Он рассказал, что произошло нечто ужасное: Швабрик заболел туберкулезом, и его родители увезли его в Таксон, штат Аризона, надеясь, что в том климате он быстро поправится.

Кузен специально приехал из Нью-Джерси, чтобы сообщить в школе, что Швабрик переехал, а сейчас дожидался сотрудников телефонной компании, которые должны были отключить линию.

«Вам незачем задерживаться до завтра, чтобы сообщить об этом в школу, – сказал ему Герб. – Дождитесь телефонистов и возвращайтесь домой. А мы сами все расскажем директору».

«Вы действительно скажете об этом директору?» – спросил кузен.

«Ну конечно».

И двоюродный брат Швабрика уехал. Мы шли по улице. Я до сих пор хорошо помню, как это было, даже мурашки бегут по телу. Герб сказал:

«Есть идея».

«Что придумал?»

«Скажем в школе, что Швабрик помер. А потом, как его лучшие друзья, станем собирать деньги на венок. А сами пойдем к Натану и наедимся хот-догов и конфет. Уверен, у нас это выгорит! Из школы позвонят им домой, а там никого нет. Про кузена из Нью-Джерси в школе не знают».

«Да, а если Швабрик вернется?»

«Ну, к тому времени мы уже будем в Лафайете, – сказал Герби. – И все это превратится в шутку».

Мы решили, что так и сделаем. На следующий день, напустив на себя подобающий вид, мы пошли к миссис Дьюар.

«Швабрик умер».

Поднялся плач. Плакали девчонки, плакали его друзья.

Миссис Дьюар доложила о случившемся директору. Тот позвонил домой. Оператор с телефонной станции сообщил, что номер отключен. Секретарша записала «скончался» в личном деле Швабрика. Мы с Гербом и Брэззи собрали на цветы, а потом отправились в кафе мистера Натана и до отвала наелись там хот-догов и конфет.

Через пару дней, придя в школу, мы узнали, что нас вызывает директор. Пока мы шли по коридору, я чуть не плакал. Отец умер, а я в очередной раз попал в переплет. Брэззи лихорадочно повторял: «Мне никогда не стать врачом. Мне никогда не стать врачом». А Герб нас утешал: «Все в порядке. Ничего не случилось.

Мы просто скажем ему, что *слышали*, будто Швабрик умер. И сделаем вид, будто ужасно рады, что он оказался жив. Скажем, что деньги отдали на благотворительность и постараемся вернуть их обратно».

Мы пришли к директору, и мистер Коэн, увидев нас, просиял.

«Садитесь, мои юные друзья», – сказал он.

И начал рассказывать, что наша школа хочет вызвать интерес общественности и как-то проявить себя. Многие школы делают это, спонсируя спортивные команды, но у нас нет такой возможности. И вот на совете школы был поднят вопрос, что может сделать наша школа для того, чтобы показать себя в лучшем свете.

«Кто-то упомянул, что вы трое собирали деньги для родителей вашего покойного друга Джила Мермельштейна, – сказал он. – Это здорово. Но мы решили, что было бы неплохо провести конференцию памяти Джила Мермельштейна. Она состоится за пару недель до выпуска. Лучшему ученику школы мы вручим награду. А вы трое выступите как почетные гости. Будет также журналист из *New York Times*».

Это был самый подходящий момент, чтобы сознаться. Но мы были то ли слишком напуганы, то ли не успели ничего сообразить, а может и то и другое сразу.

Мы вышли из кабинета, и Герб заявил:

«Ну ведь Швабрик когда-то все равно помрет. Тогда награда *будет* иметь смысл».

Время шло, и настал день церемонии. Мы трое в парадных костюмах сидели в президиуме. Зал был полон. Ученик, завоевавший награду имени Джила Мермельштейна, поднялся на сцену, чтобы ее получить. Директор представил нас журналисту из *New York Times*.

И надо ж было так случиться, что в тот день, в тот самый проклятый день Швабрик вернулся в школу. В анналах истории лечения туберкулеза тот день должен был сохраниться как самый выдающийся. Швабрик выздоровел!

Когда Швабрик вошел в школу, коридоры были пусты. Он, естественно, ни о чем не подозревал. Он наткнулся на уборщика или кого-то в этом роде, спросил, что происходит, и ему сказали, что вся школа собралась на какую-то особую конференцию.

И Швабрик пошел в зал. Он мог войти в зал либо сбоку, из-за ширмы, либо через большие двери прямо.

Швабрик открыл двери, когда мы уже произнесли Клятву верности. И первое, что он увидел, была перетяжка с надписью: МЕМОРИАЛ ДЖИЛА МЕРМЕЛЬШТЕЙНА.

Герби тут же его заметил и подумал: «Швабрик не слишком

умен, однако и он знает, что такое “Мемориал”».

Швабрик застыл на месте. Ребята, сидевшие в задних рядах, увидели его и сразу все поняли: Швабрик жив, а Герби, Ларри и Брэззи просто развели их на деньги. Ребятня из Нью-Йорка быстро просекает такие вещи. По залу пошли смешки. Директор никак не мог понять, что происходит. Он не узнал Швабрика. Да и сидящий впереди репортер *New York Times* заставлял его нервничать. Герб поднялся, и – он до сих пор не может сказать, зачем он это сделал, – провозгласил: «Швабрик, катись домой, ты умер!»

Швабрик выскочил из дверей и убежал. В аудитории воцарилось черт знает что. И посреди всего этого хаоса ученик, завоевавший премию имени Джила Мермельштейна, завопил:

«Но награда-то у меня останется? Награда останется?»

Директор глянул на нас и рявкнул: «Немедленно ко мне в кабинет!» Мы в ужасе проследовали за ним. Я чуть не плакал. Бедная моя мама! Сможет ли она вытащить меня на этот раз? Брэззи вновь завелся: «Мне никогда не стать врачом. Мне никогда не стать врачом».

Но Герби сказал: «Я со всем разберусь».

Когда мы оказались у директора в кабинете, он заявил: «Я никогда в жизни не испытывал такого унижения. Я выгоняю вас из школы. Соберите свои вещи, и вон отсюда. Чтоб глаза мои больше вас не видели!»

И тут Герби вдруг заявил: «Вы делаете большую ошибку».

«Как это понимать?»

«Да, мы действительно придумали, что Швабрик умер. И вы поступаете совершенно правильно, выгоняя нас из школы. Но подумайте о последствиях. Вам же придется подать докладную в Управление. И кто-нибудь там обязательно скажет: “Директор Коэн, объясните нам, как так случилось. Трое молокососов приходят в школу и заявляют, что ваш ученик скончался. Вы лишь раз позвонили к нему домой, узнали, что линия отключена, и на основании этого записали, что ученик мертв, а потом еще и учредили премию в его честь?”

О да, – Герби был в ударе, – нас выгонят. Но не думаю, что после этого вы сможете стать директором хоть какой-нибудь из ньюйоркских школ. – Однако на этом он не остановился. – Пока слухи не разошлись, – продолжил он, – может, об этом лучше просто… забыть?»

Доктор Коэн выглядел как побитый пес. Потом вздохнул и вышел, чтобы переговорить с репортером *New York Times*, который и сам уже понял, что этот случай больше подходит для *Daily News*, поэтому согласился ничего не публиковать.

Герб впоследствии стал давать советы президентам и принимал участие в переговорах по сокращению стратегических наступательных вооружений с Советским Союзом. Брэззи работает нейрохирургом в Баффало. Швабрик жив до сих пор и переехал во Флориду. И мы все вместе получали свои аттестаты.

Оглядываясь назад, я могу назвать наше детство в Бруклине театром импровизаций. Но тогда, конечно, это нам и в голову не приходило. Мы просто развлекались, как могли. Мы с Герби сочинили чудесный водевиль под названием «Искра и штепсель», который в один прекрасный день поставил на уши всю нашу школу. Но все-таки лучшей сценой для наших представлений был кондитерский магазинчик Сэма Мальца на углу Восемьдесят пятой и Двадцать первой авеню.

Мальц, вечно недовольный мужичонка, по облику чем-то напоминал снеговика. Изо рта у него всегда торчала сигарета, хотя я не помню, чтобы он когда-либо курил. У двери его лавки стоял автомат, который за монетку в один цент насыпал горсть подсолнечных семечек. Вдоль одной стены стояли отгороженные от зала столики, еще там был музыкальный автомат, лоток с газетами и сластями. А еще стойка, за которой можно было получить самый замечательный в мире напиток – шоколадный гоголь-моголь.

Понятия не имею, почему он так назывался. Никакие яйца в его состав не входили. Он делался из молока, шоколадного сиропа и минеральной воды. Чтобы правильно его приготовить, нужно было сделать так: вначале в стакан наливали молоко, потом сироп. Все это слегка перемешивалось. А потом надо было долить минералки, так, чтобы появилась пена, и взболтать, чтобы получилась шапка, как на пивной кружке.

Иногда, когда у меня не было семи центов или я просто хотел поиздеваться над Мальцем, то заказывал простую минералку за два цента. Брал стакан, делал глоток, перегибался через стойку и просил: «Мальц, может быть, плеснешь хоть чуть-чуть сиропа?»

Мальц, ворча, капал в стакан сироп. Я делал еще глоток и продолжал канючить: «Мальц, а может, найдется немножечко молока?» Удовольствие было не столько в напитке, сколько в ожидании, когда Мальц взорвется.

Однажды мы заметили, что автомат с семечками работает без монетки. Достаточно было повернуть за ручку, и семечки сыпались. Мы просидели перед магазином весь день, грызя семечки. И более того. Если кто-нибудь шел мимо, мы шептали ему на ухо: «Здесь халявные семечки…» Мальц весь день с удовольствием поглядывал, как работает автомат. Когда мы вечером оттуда ушли, семечек в нем не осталось.

На следующий день Мальц впал в бешенство, и все свои громы и молнии обрушил на нас.

«Вы меня обокрали! Я видел, что вы целый день щелкали семечки! Я думал, у меня в автомате будет не меньше пятисот монет! А там их не оказалось вообще! Мои мечты пошли прахом! Вы меня обокрали!»

«Ну-ну, потише! – остановил его Герб. – Вы можете доказать это на суде, Мальц? У вас есть свидетели?»

Вскоре после этого случая Мальц продал свою лавку, и все стали говорить, что это мы выгнали его из Бруклина.

Парень, который купил его лавку, был очень вспыльчивым, и нам нравилось выводить его из себя. Его звали Мо. Как-то раз мы крутили в музыкальном автомате песенку Фрэнки Лейна «Крик дикого гуся».

Сердце мое знает то, что знают дикие гуси, Мне пора туда, куда летят дикие гуси. Братец гусь, вольный гусь, ты скажи мне, Дома оставаться мне иль скитаться на чужбине?

Такие песенки, как эта, привязываются надолго. Она крутится в голове, даже если услышишь ее один раз, но мы прокрутили ее, наверное, чуть ли не сорок раз подряд. Для Мо, вероятно, это было чересчур, и он попытался заставить нас прекратить пытку. Однако Герб ему возразил:

«Мы добропорядочные платежеспособные посетители. И у нас есть право слушать все, что нам захочется!»

Тут Мо окончательно вышел из себя. Двинув кулаком по стойке, он, чуть не перепрыгнув через нее, выдрал вилку из сети и пинком вышвырнул автомат за дверь с криком:

«Хотите знать, куда улетают дикие гуси? Вот куда улетают ваши гуси! И теперь попробуйте послушать то, что вы хотите, маленькие ученые негодяи! Вон отсюда!»

Есть еще одна история, которую я должен рассказать, хотя произошла она несколько позже. Мне очень нравится эта история про Carvel. Так что лучше я расскажу ее сейчас.

Шел ноябрь 1951 года. Мне уже исполнилось восемнадцать. Мы с Гербом и Хауи Вайссом заспорили о мороженом. Речь шла о вкусе и цене. Мы спорили, спорили и никак не могли остановиться.

Герб заявил:

«Мороженое лучше всего в Breyers, да и цена там хорошая». Я утверждал, что в Borden мороженое лучше.

На что Хауи заметил:

«Да, ну а Carvel?»

Carvel – это сеть кафе-мороженых, которые в те времена были повсюду. Там подавали молочные коктейли и мороженое в

рожках. Основателем компании был Том Карвел. Позже я познакомился с ним. Через много лет в моем шоу мы вспомнили эту историю.

Хауи сказал, что в Carvel в Нью-Хейвене, в штате Коннектикут, можно купить три рожка за пятнадцать центов. Герб не поверил. Такого просто не могло быть. И мы заключили с Хауи пари, что в Carvel в Нью-Хейвене нельзя купить три рожка за пятнадцать центов.

Была лишь одна возможность разрешить наш спор: поехать туда и проверить все самим. Так что мы сказали родителям, что едем в Нью-Хейвен. Но, конечно же, мы не могли отправиться туда без А-Бэ. Его нужно было взять обязательно. Он был незаменим в любом деле, которое мы затевали.

Наш приятель не был смешным. Или, скорее, он был смешным, но не знал об этом – совсем как Йоджи Берра[13]. Ведь Йоджи Берра никогда специально не смешит людей. Когда кто-нибудь спрашивает у него: «Вы не знаете, сколько сейчас времени?» – то он просто уточняет: «Вы хотите сказать сейчас?» – а вовсе не шутит. Дальняя часть поля стадиона Jankees была в тени. Так что когда Йоджи заявил:

«На стадионе Jankees рано становится темно», – это была просто констатация факта. Все, что он говорил, было абсолютно точным:

«В этот ресторан больше никто не ходит, потому что там всегда куча народу».

Один лишь голос А-Бэ делал его слова во много раз лучше. Его уморительно низкий и, как бы так сказать, честный голос описать трудно, но достаточно легко сымитировать. Если вы слышали его хотя бы раз, то никогда бы уж не забыли. Я как-нибудь попытаюсь воспроизвести звучание его голоса в аудиокниге. Герб всегда пародировал его для детей. И его дети выросли в убеждении, что Герб сам выдумал А-Бэ. И когда в один прекрасный день А-Бэ заглянул к ним в дом, то дети были потрясены, так как оказалось, что А-Бэ – настоящий!

Когда в тот день мы пришли к А-Бэ, он только что сел обедать.

«А-Бэ, поедешь с нами в Carvel?»

Мы с тем же успехом могли спросить его: «А-Бэ, хочешь с нами в Афганистан?» – он все равно бы согласился.

Но его мать – она, кстати, тоже звала его А-Бэ – возразила:

«Мы сели обедать». На что А-Бэ заявил:

«Мам, это же Carvel. Они продают молочные продукты, а мы их тоже едим. Все в порядке. – Его семья соблюдала кашрут. – Carvel в двух кварталах отсюда. Я быстро вернусь».

Мы сели в машину. Он устроился на заднем сиденье. Мы ему ничего не сказали. Просто поехали. Мы свернули на Белт-парквей, а потом в туннель Бруклин-Баттери. А-Бэ не возражал. Мы болтали о футболе, о бейсболе и вообще.

Затем выехали на Вест-Сайдское шоссе. Потом на магистраль Маджор Диган. Проехали знак, на котором было написано: «Массачусетс/Коннектикут».

Тут А-Бэ заявил:

«Мне очень не хочется прекращать наш замечательный разговор. Но часа три назад, когда вы пришли ко мне домой, вы предложили сходить в Carvel. Однако мы едем то ли в Массачусетс, то ли в Коннектикут. Может быть, кто-нибудь объяснит, что происходит?»

Герб сказал:

«Понимаешь, А-Бэ, Хауи утверждает, что в Carvel в Нью-Хейвене можно купить три рожка за пятнадцать центов».

Тут А-Бэ забыл про свою матушку. И про батюшку. Он заявил:

«Да такого просто не может быть. Никто не будет продавать три рожка за пятнадцать центов».

И присоединился к нашему пари. Теперь Хауи мог выиграть долларов двадцать.

Когда мы въехали в Нью-Хейвен, пошел снег. Началась настоящая снежная буря.

Хауи командовал:

«Притормози! Вот здесь! Нет, там! Поверни! Вот, вот, приехали!» Через витрину мы увидели, что парень внутри собирается закрывать кафе. Мы заехали на парковку. И тут Герб сказал:

«Подождите. А вдруг он нас надует. Вдруг Хауи знает этого парня. – Такой был ход мыслей у Герба. – Он зайдет, скажет ему о пари, и мы останемся в дураках. Ларри, пойди закажи три рожка и посмотри, сколько это будет стоить».

«Ладно», – сказал я. Я вышел из машины и зашел в кафе. Подойдя к стойке, я попросил: «Три рожка, пожалуйста».

«Пятнадцать центов», – ответил парень.

Я пошел к машине и объявил Гербу и А-Бэ, что мы проиграли. Но тут же мы решили, что проигрыш не должен быть полным. Раз уж такое дело, нажремся в этом Carvel до отвала.

А-Бэ сказал:

«Если я съем двадцать рожков, то буду считать, что ничего не потерял».

Мы сели в кафе и заказали еще. Мы заказывали и заказывали. В конце концов продавец не выдержал и поинтересовался:

«Парни, можно кое-что у вас спросить?»

«Конечно», – ответили мы.

«У меня не было такой выручки с четвертого июля… А сегодня идет снег. Что происходит?»

«Ну, мы просто пришли к вам в Carvel».

«Вы живете неподалеку?»

«Нет».

«А где?»

«В Бруклине».

«В Бруклине?… Но там же куча Carvel!»

«Да, но мы специально поехали к *вам* в Carvel».

«Почему?»

«Потому что Хауи сказал, что у вас можно взять три рожка за пятнадцать центов».

Парень удивился:

«А что, так не везде?»

«Нет».

И тут он заявил:

«Ну ясно, почему у меня одни убытки».

С этого момента история приобрела, надо сказать, несколько безумный характер. Мы никогда не бывали в Нью-Хейвене, поэтому перед отъездом решили прокатиться по городу. Господи, я вижу все как сейчас! Мы ехали по улице, и неожиданно машины перед нами остановились, сзади образовалась пробка, появились какие-то люди и стали вешать на машины эмблемы. На них было написано: «ПЕРЕИЗБЕРЕМ МЭРА ЛИ». Они навесили эмблемы на машины перед нами. И на машины сзади нас. И на нашу машину тоже.

Оказалось, был канун выборов. И мы попали на митинг в поддержку мэра Ли, проводимый Высшей школой Нью-Хейвена. Причем оказались в самой его середине.

Герби оставил эмблему на машине. Так что в тот день у мэра Ли появились сторонники из Бруклина.

Потом вместе с другими участниками митинга мы отправились в спортзал школы. Все сидячие места были заняты. На сцене были установлены кресла для выступающих. Присутствующим раздавали кофе и пончики. А-Бэ складывал пончики в карман: он извлекал из всего максимум пользы. Теперь у него были пончики, чтобы угостить родных дома.

Тут кто-то подошел ко мне и сказал:

«Знаете, что говорит ваш друг Герб? Он рассказывает людям, как упорно вы трудились. И сделали больше всех для переизбрания мэра Ли среди всей молодежи Нью-Хейвена».

«Правда?»

Ну ладно, тогда и я скажу кое-что про него. Я тоже стал

ходить по залу и рассказывать всем о Герби.

И ей-богу, не вру, тут к нам подошел пиар-директор кампании.

«Ребята, подите-ка сюда. Сейчас мэр будет произносить речь. Нам хотелось бы, чтобы вы тоже поднялись на сцену как символ молодежи, активно интересующейся политикой».

И мы поднялись на сцену. Хауи давно так не хохотал. А-Бэ оставался с ним рядом в задних рядах.

Мы же встали рядом с пиар-директором и мэром. Мы никогда в жизни не видели ни того ни другого. Но с достоинством пожали им руки. И Герб заявил:

«У меня есть предложение. Давайте Ларри представит мэра. Помоему, это будет замечательно».

Народу в зале было полным-полно. Наш пиарщик встал и произнес:

«Здесь с нами сегодня два очень активных молодых человека. Герб и Ларри. И сейчас Ларри представит вам мэра».

Я поднялся. Думаю, это был мой первый опыт общения с микрофоном. Да, кажется, именно так. Я огляделся и подумал: «Что я здесь делаю?»

«Ухххх. Меня попросили представить мэра Ли. Ухххх. Но мне кажется, лучше предоставить эту честь моему приятелю Гербу». – Я повернул микрофон к нему.

Герб встал и трещал без умолку минут двадцать.

Он помянул Декларацию независимости, но на этом не остановился.

«Я представляю вам не просто очередного мэра. Нет. И не просто будущего сенатора. Нет. Леди и джентльмены, я представляю вам… кто знает… может быть, будущего президента Соединенных Штатов!»

Толпа безумствовала.

Мэр встал и начал свою речь. Потом митинг закончился.

Было уже, наверное, около часа ночи. Все расходились по домам. Свет начал гаснуть. В конце концов зал освещала только вставшая за окнами луна. Я вижу это как сейчас. Мэр Ли сказал:

«Ребята, можно вас на пару слов?»

И попросил всех выйти, чтобы поговорить с нами наедине.

Мэр запомнил этот вечер на всю жизнь. Через много лет, когда ему было уже под девяносто, в память о том вечере он пригласил меня вновь посетить Нью-Хейвен. Люди знают эту историю, потому что я рассказывал ее на национальном радио. После того как я рассказал ее впервые, мне стали звонить и просить повторить ее еще раз. Так что примерно раз в полгода мне приходилось вспоминать этот случай.

Мы с Гербом, А-Бэ и Хауи стояли перед мэром. Он сказал:

«Ребята, я слышал, как вы упорно трудились. Но все-таки мне хотелось бы кое-что уточнить».

А-Бэ сказал:

«Валяйте, мэр, не держите это в себе». Мэр сказал:

«Я прожил в Нью-Хейвене всю жизнь. Я каждый день встречаюсь с избирателями. Не сочтите за обиду, ничего личного, но я ни разу не видел ни тебя, – он посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Герба: – ни тебя».

Тут А-Бэ заметил:

«Да и мы вас видим впервые в жизни».

«Что?» – не понял мэр. А-Бэ пояснил:

«Мы никогда раньше не бывали тут. Мы первый раз в НьюХейвене. Не считая Хауи. Он тут уже был».

«Так откуда же вы?»

«Из Бруклина».

«Из Бруклина? У вас что, здесь родственники?»

«Нет».

«Вы поступаете в Йель?»

«Нет, – честно сказали мы. – Мы не поступаем в Йель». Мэр спросил:

«Так что вам тут понадобилось?» И тогда Герб пояснил:

«Понимаете, господин мэр, Хауи сказал, что в Нью-Хейвене есть Carvel, где можно купить три рожка за пятнадцать центов».

На что мэр Ли ответил:

«Это невозможно! Не могут три рожка столько стоить!»

Тогда мы рассказали мэру, где находится этот Carvel, попрощались с ним и поехали домой, в Бруклин. Первым делом мы добрались до улицы, где жил А-Бэ. Он так и не удосужился позвонить домой. В Бруклине к тому времени тоже начался снегопад.

Перед домом, где жил А-Бэ, стояли его мать и отец. Это был такой своеобразный еврейский мазохизм. *Наш сын не вернулся домой. Мы будем стоять здесь под снегом. Мы заработаем пневмонию. Мы будем страдать. Мы умрем. И он будет мучиться этим всю оставшуюся жизнь.*

Мы вышли из машины. Валил снег. Мать А-Бэ бросилась к нему с криком:

«Не лги мне! Только не лги! Честно ответь мне! Где ты был?»

«В Carvel», – ответил А-Бэ.

«Не лги. Не лги! Не лги! Я заставила твоего отца надеть галоши. Я заставила его пойти в Carvel. Хозяин сказал, что моего Берни там не было. Так где же ты был? Где? В каком таком Carvel ты был?»

«В Нью-Хейвене, штат Коннектикут». Тут она закричала:

«Нет, это невозможно! Он меня уморит, он меня просто хочет свести меня с ума!»

Люди высовывались из окон и смотрели на нас.

Мистер Горовиц подошел к нам, схватил Герба за грудки и начал орать:

«За каким хреном вы поперлись в этот Нью-Хейвен? Чего вы там потеряли? Ты, придурок! Какого черта вас туда понесло?»

И Герб честно ответил:

«Ну понимаете, Хауи сказал, что в Нью-Хейвене есть Carvel, где можно взять три рожка за пятнадцать центов».

И тут, ей-богу, не вру, мистер Горовиц воскликнул:

«Этого не может быть!»

Другая точка зрения

Герб «Деляга» Коэн

Друг

Друзей каждый выбирает сам. Вы дружите с человеком потому, что рядом с ним чувствуете себя лучше.

Мы с Ларри вместе уже шестьдесят пять лет. Я знаю его дольше, чем свою супругу. Она как-то спросила меня: «Кто для тебя самыйсамый?» Я ответил: «Ну давай посчитаем. Если рассматривать вопрос с позиций длительности и близости отношений, то первый человек для меня – это Ларри, второй – А-Бэ, ну а ты – на третьем месте и уверенно движешься наверх».

Можете представить, *что* она мне сказала…

Детство, проведенное в Бенсонхерсте, определило наши главные жизненные ценности. Первая из них – сознание того, что все люди уникальны и непохожи. Если бы где-то существовал человек, полностью повторяющий тебя, в твоем существовании не было бы смысла. Такого, как Ларри, больше нет, и это хорошо. Ларри может встать на углу и рассказывать о проезжающих мимо автомобилях. Мы звали его Рупор, потому что рот у него никогда не закрывался.

Одна из моих любимых поговорок звучит так: «Один нос, который умеет слышать, стоит двух, которые умеют нюхать». По правде говоря, сам не совсем понимаю, что это означает, но часто ее повторяю. Какое отношение это имеет к Ларри? Он интуитивно всегда понимал, что выделяться из толпы – выгодно. А теперь стоит вам включить радио и услышать из приемника характерный бруклинский хрип, вы сразу понимаете, что это может быть только он, Ларри.

Марти Зайгер

Брат

Ларри не слишком хорошо учился. Он с трудом закончил школу и даже не пытался поступить в колледж. «А ты знаешь, что у твоего брата – синдром дефицита внимания?» – несколько лет назад заметил мой сын. Меня потрясло это замечание.

Но потом я задумался об этом всерьез. Мою мать – мир ее праху! – постоянно вызывали в школу. И что же ей там говорили? Что Ларри никогда не сидит на месте. Что он невнимателен. Что не может ни на чем сосредоточиться. Что постоянно болтает с другими учениками. Если бы в те времена существовал «Риталин», не исключено, что никакого Ларри Кинга на свете не было бы. Вот представьте: он бы успокоился, и из него сделали бы хорошего ученика, потому что с интеллектом у него все в порядке. Это могло бы изменить всю его жизнь.

Помню, как-то Ларри спросил:

«Марти, ты каждый день по восемь часов сидишь в офисе?» Я ответил:

«Ну не все время. Иногда я все же выхожу – пообедать, в туалет, пройтись немного».

И тут он сказал:

«Я ни за что на свете так бы не смог».

Как-то давно я говорил о своем брате с одной дамой – детским психологом. И она мне сказала:

«Когда умный взрослый человек с синдромом дефицита внимания вынужден на чем-то сосредоточиться, обычно он достигает в этом деле значительных успехов».

Если вы видели Ларри в студии, то наверняка согласитесь с тем, что во время передачи он полностью поглощен своим делом. Даже если ему приходится общаться в эфире одновременно с четырьмя людьми, он чувствует себя как дома.

Глава 5
Бейсбол, девчонки и чувства

Теперь, после Нью-Хейвена, позвольте ненадолго вернуться назад. Вообще мне это совершенно не свойственно: я не люблю останавливаться и оглядываться. С детства я жил исключительно по принципу «Вперед! Вперед!». Помню, как перед играми Dodgers я с утра пораньше приходил к друзьям и орал под окнами: «Давай! Вперед!» Если игра начиналась в 1.05, я начинал тащить их на стадион уже в девять утра.

Никогда-никогда в жизни я не опаздывал на игры Dodgers. И никогда не опаздывал к разминке. Чтобы добраться до стадиона ЭббетсФилд, надо было сделать пересадку на метро. Обычно перед входом на открытые трибуны стояла длинная очередь, и нам, конечно, хотелось попасть в первую десятку или двадцатку. До сих пор вспоминаю дни, проведенные в этой очереди, и наши крики: «Открывайте ворота, вы, черепахи! У нас скоро бутерброды испортятся!»

Ворота открывались, мы бросались через вертушки, и каждый пытался захватить место в первых рядах. Там были лучшие места для тех, кто, как мы, платил мелочью. Я был не слишком шустрым. И Герб тоже. Да и А-Бэ слишком шустрым не был. Самым шустрым среди нас был Нейти Тернер, поэтому он пробивался вперед и занимал места на всех.

С того самого дня, как я стал слушать репортажи об играх Dodgers по радио, моим героем стал самый яркий игрок на поле – Лео Дюроше. Говорили, что играть против Лео – все равно что играть против десяти обычных игроков. Он был порывистым и горячим, первым начинал спорить с арбитром или поддерживать других игроков своей команды. Когда-то давно, в начале карьеры, когда он еще играл за Yankees, он даже подрался с Бейбом Рутом. Но таким уж был Лео – азартным, пробивным, беспощадным – человеком лас-вегасского типа. И женился он на голливудской актрисе.

Я сам не блистал в игре, но всегда носил майку с номером 2 – как у Лео.

В те дни был еще один замечательный игрок – Джо Торр. Однако, глядя на него, было нельзя сказать, выигрывает его команда или проигрывает. Лео был полной ему противоположностью. Он всегда открыто выражал свои чувства.

Именно это было необходимо, чтобы противостоять моему врагу – Дэйви Фриду из банды фанатов New York Giants. Или

Гербу, Сиду и Эшеру, которые болели за Yankees. Найдите иллюстрацию к слову «злорадство» – и это будет портрет Герба. Фанаты Yankees были надменными самодовольными индюками и ни в грош не ставили остальных. У них на лицах было написано: «Зачем вы вообще утруждаете себя спорами, чья команда лучше? Наши все равно побьют любую команду, если даже она выиграет у остальных». И как правило, они выигрывали. Dodgers были неплохи. Но Yankees всегда оказывались чуть лучше или… чуть-чуть удачливее.

Среди фанатов Dodgers были и те, которые искренне верили, будто работники стадиона Yankees нарочно подкладывают в покрытие газона какие-то мелкие предметы типа гвоздей. Так что, когда игрок Yankees ударяет по мячу, тот отскакивает от такого металлического предмета и пролетает у принимающего игрока над головой. Это был настоящий заговор! За период с 1947 по 1953 год Yankees выиграли чемпионат шесть раз. Четырежды они громили Dodgers в финале, и нам оставалось только негодовать и грозиться: «Ладно-ладно, в будущем сезоне мы вам покажем!»

В эти годы и мои лозунги поменялись. Если раньше я кричал:

«Вперед, а то опоздаем к разминке!», – то теперь я взывал к любимой команде: «Вперед, дурни, вы разбиваете мое сердце!»

Но было то, что всегда отличало Dodgers в глазах фанатов. В Dodgers играл тот самый парень, который разрушал расовые барьеры. Это был Джеки Робинсон. Мы с Аароном Собелем сохранили альбом с газетными вырезками сезона 1947 года. Сейчас я не уверен, что тогда мы полностью понимали значимость достижений Джеки. В нашем доме не было места для предрассудков. Помню, как одна наша родственница вышла замуж за черного и ее родители отказались от нее. Моя мать приютила их с мужем у нас и всегда относилась к ним по-доброму. Так что я воспринимал Джеки точно так же, как Лео, которого отстранили от игры за сговор с букмекерами в начале сезона 1947 года. «Мне плевать, будь этот парень черный, желтый или полосатый, как зебра, – говорил Лео. – Я – капитан этой команды и вижу, как он играет».

Мы, конечно, знали, что происходит. Мы знали, что играющий тренер команды Phillies заставлял своих игроков, сидящих на скамейке запасных, наставлять на Джеки биты, словно автоматы, и делать вид, что они расстреливают его, когда он выходил на поле. Мы знали, что Джеки приходится сдерживаться, чтобы не броситься на игроков, которые постоянно издевались над ним и обзывали его «ниггером». Мы слышали, как наш капитан, Пи Ви Риз из Кентукки, защищал Джеки от толпы зрителей в Цинциннати, которые во время розыгрыша подач

прямо с трибун всячески его оскорбляли. Все это стало нам известно от Реда Барбера, который и сам был с Юга. Мы узнали и о том, как Джеки, Дон Ньюкомб и другие черные игроки Dodgers пытались попасть в отель Chase Park Plaza в Сент-Луисе. Но только много лет спустя, беседуя с доктором Мартином Лютером Кингом, я понял, чего на самом деле достиг Джеки. Именно Джеки, по словам Кинга, начал движение за гражданские свободы. Именно Джеки, как говорил Кинг, значительно облегчил его труд.

Но для пацана, который спорил с Гербом в кондитерской Мальца, Джеки был вторым базовым игроком, который в сезоне 1949 года выбил 0,342 из 593 ударов с 38 дублями и 37 осаленными базами. Статистика была еще одним преимуществом, которое дал мне бейсбол, и это сильно помогло мне в будущем, когда я стал комментатором. В спорах с Гербом помнить наизусть все цифры было необходимо. Стоило ему поймать тебя на неточностях, и с тобой можно было не считаться. Как после этого можно было верить тому, что ты говорил? Там, где я вырос, точные цифры были мощным оружием. Я один-единственный раз в жизни по-настоящему подрался с Гербом, когда он осмелился заявить, что Снаффи Стернвейсс, игрок второй базы Yankees, лучше Джеки.

Только теперь, оглядываясь назад, я осознаю, как же мне повезло, что я рос на трибунах Эббетс-Филд, и вспоминаю бейсбольные карточки, которые можно было приобрести за 10 центов. Я своими глазами видел Билли Кокса на третьей базе с его потрепанной старой перчаткой. Пока питчер подавал, он держал эту перчатку в правой руке, но потом неуловимым движением набрасывал ее на левую как раз в тот момент, когда нужно было взять мяч, летящий прямо в него с огромной скоростью. Он ловил этот мяч, кидал на него быстрый взгляд и тут же бросал на первую базу. Как мне повезло, что я видел Дюка Снайдера, Вилли Мейса и Стэна Мьюжала по прозвищу «Мужичок», любимого игрока моего брата. Я ездил не раз на стадион Yankees и любовался Джо ДиМаджио. И как бы вы ни ненавидели Yankees, ненавидеть ДиМаджио было невозможно. Смотреть на него всегда было в радость, даже если игра была отвратительной.

Самый печальный момент в моей жизни настал в 1951 году. Этот день стал для меня даже более печальным, чем день смерти моего отца. Дело в том, что, когда умер отец, я не грустил. Я был *зол* на него за то, что он оставил меня. По степени чистого горя ничто не могло сравниться с «крахом» Dodgers в 1951-м.

В августе мы были первыми в турнире, и оставалось всего

лишь полтора месяца игр. Но с каждым днем Giants все больше догоняли нас. Самое ужасное, что их менеджером был не кто иной, как Лео Дюроше – тот самый, который покинул Dodgers и перебрался на другой конец города. И мы должны были сохранить лидерство. Но Dodgers выигрывали в двух случаях из трех, а Лео со своими Giants – в трех из трех.

Giants нас догнали и перегнали, но Dodgers сравнялись в последней игре, когда Джеки сделал хоум-ран в четырнадцатом иннинге игры с Phillies. Был назначен плей-офф из трех игр. Даже если вы не увлекаетесь бейсболом, вы, возможно, знаете, что это такое. Первую игру выиграли Giants. Вторую – Dodgers. Никогда не забуду спортивную колонку Дика Янга накануне финальной игры. Вся колонка была занята словом «первые», кажется, на всех известных языках в мире.

В девятом иннинге мы вели 4: 1. Мы были в одном иннинге от выхода в Мировую серию. Я был на работе в тот момент и слушал репортаж по радио. Естественно, Giants стали нервничать. На место питчера был поставлен Ральф Бранка. На площадку вышел Бобби Томсон. Мы вели 4: 2, и у Giants было два игрока на базе. Все встали по местам. Но никто не мог подумать, что Лео и Giants заметили и расшифровали знаки кетчера с центра поля. А потом Томсон пустил флайбол. Стадион Polo Grounds был не совсем обычным. У него навес слева. Поэтому мяч просто перелетел через крышу. Лео лишь подпрыгнул на своей третьей базе.

Люди услышали голос Расса Ходжеса: «Giants выиграли пенальти! Giants выиграли пенальти!» Но я слушал Реда Барбера, который, должно быть, приготовился к любым неприятностям, поскольку тут же начал говорить о семьях, что потеряли сыновей в Корее. «Для фанатов Dodgers, – сказал он, – завтра снова взойдет солнце», – но я уже погрузился во тьму и не видел в ней просвета. Я ушел с работы, сел в метро на Бэй-парквей и наткнулся на последнего человека, которого хотел в тот момент видеть, – на Дэйви Фрида. Этот сукин сын хохотал. Он не сказал мне ни слова. Он просто ржал – отвратительно, унизительно, так, что я сгорбился и прошел мимо. Никогда этого не забуду.

Через много лет после этого и после того, как Dodgers наконец победили Yankees во «Всемирной серии» 1955 года, я развлекал гостей на банкете, где присутствовали многие игроки Yankees, Dodgers и Giants. Под конец мероприятия я попросил подняться Бранку и Томсона. Я посмотрел на Бранку, потом – на Томсона. И сказал ему: «Я до сих пор вас ненавижу».

Другая точка зрения

Герб «Деляга» Коэн

В 1951-м, в год великих побед Giants, Ларри постоянно вступал в перебранки с фанатами этой команды. Причем не только с нашими приятелями, но и с их отцами. Ларри тогда был ходячей энциклопедией бейсбола. Он швырялся цифрами направо и налево, чем приводил 50-летних мужиков в такое бешенство, что они готовы были удавить его.

После хоум-рана Бобби Томсона Ларри целых три дня никто не видел. Каждый фанат Giants, живущий по соседству, недоумевал, куда же подевался Ларри? Они не могли дождаться, когда же смогут поиздеваться над ним.

Но Giants попали во «Всемирную серию» и стали проигрывать Yankees. И тут Ларри внезапно объявился и вновь начал издеваться над фанатами Giants, говоря, что их команда позорит Национальную лигу. Он доводил стариков до безумия.

Хотя нам хватало страстей и в бейсболе, и в кондитерской Мальца, примерно в шестнадцать мы начали интересоваться женским полом. Женщины всегда были для меня загадкой. Чем больше я о них узнавал, тем больше понимал, что ничего не знаю. Как-то раз я беседовал со Стивеном Хокингом, физиком, специалистом по черным дырам в космосе. В конце интервью я спросил у него: «Вас называют самым умным человеком на Земле. Есть ли что-то, чего вы не знаете? Что вас до сих пор продолжает поражать?» И он ответил: «Женщины».

Лично для меня это всегда чем-то напоминало песенку из «Моей прекрасной леди».

Почему женщина не может быть больше похожа на мужчину? Ты действительно обидишься, если я забуду про твой дурацкий день рождения?

Я никогда всерьез не обсуждал девушек со своей матерью. Ведь мать – это не женщина, это мать. Мои отношения с противоположным полом в школе Лафайета начались не слишком хорошо. Мы с Гербом поспорили на пять долларов, что я смогу проводить Айрис Зигель. Айрис была самой очаровательной девушкой из команды поддержки, недосягаемой мечтой, но я мог бы выиграть пари, потому что все, что от меня требовалось, – спуститься вместе с ней по школьной лестнице.

«И я не должен буду держать ее за руку и все такое?»

«Ладно, – согласился Герб. – Пять баксов».

Я прямо направился к Айрис и попытался напроситься проводить ее. Но она сказала, что очень торопится на тренировку. Я признался, что поспорил с приятелем на пять баксов и даже пообещал отдать эти деньги ей. Но она была непреклонна и отправилась, куда собиралась. Не было большего унижения, чем

отдавать Гербу эти пять баксов на глазах у всех наших приятелей, собравшихся у этой чертовой лестницы.

По крайней мере тогда мне так казалось. Но мой первый поцелуй был еще хуже. Был прохладный вечер, и я только что начал курить. Подружка А-Бэ жила на одном конце квартала, подружка Герба – на другом. А моя – посередине. Ее звали Джуди. Мне было, наверное, лет семнадцать. Я провожал ее домой с сигаретой, торчащей в зубах, потому что считал, что так я похож на Хемфри Богарта. Мы начали подниматься по ступенькам. Она обернулась ко мне, прикрыла глаза и выпятила губки. Черт побери, меня хотят поцеловать! И я ответил на поцелуй… с сигаретой в зубах. Она заорала так, что вспыхнули все огни в квартале. Примчались Герб и А-Бэ. По лестнице сбежал отец Джуди. Она плакала. Я оправдывался от чистого сердца: «Я только что начал курить. Я сам не знал, что делаю, прости, прости меня, пожалуйста!»

Герб присмотрелся к губе Джуди и сказал: «Не переживай. Дырка через пару лет зарастет…»

Примерно тогда же человек двадцать парней из нашего района объединились в клуб под названием Warriors. У нас были куртки с буквой W на левой стороне груди. Мы собирались в подвале у А-Бэ, заводили проигрыватель и крутили пластинки. Как-то раз мы с Гербом затащили в наш клуб девчонок – Терезу и Анджелу. Тереза сказала: «Я не буду с тобой целоваться, если не будет музыки».

Но наш проигрыватель был сломан. Поэтому Герб сказал: «Поди наверх и принеси радио А-Бэ. Приемник у него в спальне».

Я добыл приемник. Но когда я проходил через кухню, чтобы спуститься обратно в подвал, то наткнулся на мать А-Бэ, Дору, которая готовила печенку.

«Куда это ты направился с приемником моего сына?»

«Вниз».

«Зачем это?»

«Хочу послушать бейсбольную трансляцию». Она пристально посмотрела мне в глаза.

«А мне кажется, что вы там внизу с девчонками».

«Миссис Горовиц, позвольте, я пойду».

«Нет, никуда ты не пойдешь!» – заявила она и загородила дверь. И как раз в тот момент кто-то из девчонок прокричал:

«Ну где ты там со своей музыкой?»

И тут миссис Горовиц действительно встала насмерть. Мне ничего не оставалось, как броситься прямо на нее. Она упала, печенка, миску с которой она держала в руках, подскочила к потолку, а потом плюхнулась на пол. Вся кухня оказалась

заляпанной, так что нам пришлось быстренько сматываться.

Не знаю, что сказал бы об этом профессиональный психоаналитик. Я же был просто семнадцатилетним пацаном, сгоравшим от желания пообщаться с девушками поближе. На следующий день, когда я стоял на углу с Гербом, появился разгневанный А-Бэ.

«Ты, гад, ударил мою мать?»

«А-Бэ, послушай, все вышло случайно».

«Ты ударил мою мать. И знаешь, что я теперь сделаю?»

«Что?»

«Я пойду к тебе домой и врежу твоей матери, прямо в лицо».

«А-Бэ, если ты пойдешь ко мне и ударишь мою мать по лицу, я пойду к тебе и ударю твою мать в живот».

«Если ты пойдешь и ударишь мою мать в живот, то я…» Так мы препирались, пока Герб не заметил:

«Нет, вы только посмотрите на этих парней. Они собираются поубивать матерей, но друг друга они даже пальцем не тронут!»

Эллен Дэвид

Жена брата

Можете себе представить, что должен испытать человек, выросший в бедности в Бруклине, когда много лет спустя вдруг окажется за одним столом с Энджи Дикинсон, секс-символом того времени? Мне кажется, он сам не мог до конца в это поверить.

Наверное, я был не лучшим кандидатом для призыва на службу во время войны в Корее. К тому же меня брали на флот, а я не умел даже плавать. Однажды, когда я был еще маленьким, мы гуляли у океанского побережья, и меня Зыольше меня к воде не тянуло. Однако по окончании школы перспектив попасть в колледж у меня не было. С тех пор как умер отец, на учебу мне стало наплевать. Когда пришла повестка, Warriors устроили мне прощальную вечеринку, и я отправился на медкомиссию. На осмотре у офтальмолога меня поставили в самый конец очереди – видимо, не хотели, чтобы ребята в очках задерживали остальных. Потом, когда мы ждали присяги, я вдруг услышал: «Зайгер, отправляйтесь домой».

«Домой?»

«Вы не прошли по зрению. У вас оно настолько плохое, что если на войне вы потеряете очки, то начнете палить во что попало. Если же мы приведем вас к присяге, то должны будем потом вас демобилизовать по состоянию здоровья и выплачивать вам пенсию».

И я пошел домой. Рассказал обо всем матери. Она была в

восторге. Я вышел на улицу, повернул за угол и увидел всю свою компанию.

«Что случилось?» – потребовал объяснений А-Бэ.

«Признан негодным».

«Ага, а я подарил тебе бумажник… – Это был его прощальный подарок. – Верни мне его обратно».

«Но послушай, А-Бэ, ведь я им уже пользуюсь».

«Ну и что! – возразил он. – Это же бумажник для моряка!» Если честно, я чувствовал себя потерянным. Детство кончилось.

Герб ушел в армию, да и остальные тоже разъезжались кто куда. Моей матери приходилось постоянно выслушивать соболезнования от родных и друзей, сыновья которых отправились за блестящим будущим в колледж или за славой в вооруженные силы. Наверное, ей действительно было тяжело смотреть на меня, бьющего баклуши дома.

Когда мой брат, прекрасно учившийся, поступил в школу Лафайета, декан подошел к нему и спросил:

«Мартин Зайгер? Ларри Зайгер – это ваш брат?»

«Да», – ответил Марти.

Декан приобнял моего брата за плечи и крайне сочувственным тоном поинтересовался:

«А как поживает ваша матушка?»

Как-то отец Герба пригласил меня пройтись, чтобы поучить жизни. Я на протяжении многих лет мечтал быть на месте Герба. У него был отец. У них были деньги. У них был телевизор. Отец Герба спрашивал, что я собираюсь делать.

Я сказал ему, что хочу работать на радио.

«Да ты что? – сказал он. – Это же дурацкие мечты. Ты что, возомнил себя Артуром Годфри?[14] Это же глупость! Тебе нужна нормальная работа».

У отца Герба была маленькая мастерская, где делали шляпы.

«Я возьму тебя к себе на работу, – сказал он. – Научишься обтягивать шляпы. Со временем сможешь стать мастером. А у мастеров бывает трехнедельный отпуск. Так ты сможешь выбиться в люди».

Я занимался всем чем угодно. Мой дядя Лу устроил меня в фирму по доставке посылок. Я был помощником на грузовике. Наш водитель – мы звали его Сумасшедший Краусс – любил, проезжая по улице, сшибать боковые зеркала у припаркованных автомобилей. Одно время я продавал молоко в компании Бордена. Но лучше всего у меня получилось работать на телефоне в кредитном отделе универмага.

Здесь я изобрел слово «*конгилировать*». Такого слова, конечно же, нет в языке. Но звучало оно вполне убедительно. И

очень мне помогало. Я звонил кому-нибудь из клиентов и говорил: «Если вы не внесете свой взнос до вторника, мы можем полностью конгилировать ваш счет». Или: «Не исключено, что я буду вынужден рекомендовать конгилирование», «Тогда шериф конгилирует ваш счет».

Я помню, как один человек умолял меня: «Пожалуйста, не конгилируйте меня! Пожалуйста, не надо!»

Я как раз был на работе и слушал радио, когда Dodgers наконец сделали Yankees во «Всемирной серии». Шел 1955 год. Самое удивительное было то, насколько разрядилось напряжение в конце игры. Yankees держались до последнего, и все фанаты Dodgers считали, что *сделали ошибку, что Yankees выиграют три пробежки*. Но этого не произошло. Это было здорово, но совсем не так, как могло было бы быть, потому что Герб был в армии.

После того как Герб ушел в армию, в жизни было несколько приятных моментов, но все же я чувствовал себя одиноким. Большинство друзей разъехались. Я остался один. Через мою двоюродную сестру Джули я познакомился с девушкой, которую звали Фрада. Это была самая обычная девчонка, из тех, что не пользуются косметикой.

Знаете анекдот про еврейского парня, который собрался жениться? Он пришел к своей матушке и сказал: «Хочу проверить твою интуицию. Я приведу домой трех девушек. Мою будущую жену и двух ее подружек. Посмотрим, сможешь ли ты угадать, на которой из них я женюсь. За обедом я не буду говорить ничего, что помогло бы тебе догадаться».

Они пообедали. Потом девушки ушли. Парень спросил мать: «Ну, так какая?» Она ответила: «Вторая».

«Откуда ты узнала?»

«Потому что сразу ее невзлюбила».

В моем случае анекдот был не в тему. Во Фраде не было ничего, за что ее можно было бы невзлюбить. Но нас с ней связывало в первую очередь то, что она была так же одинока, как и я. Шафером на свадьбе был мой брат. Мы с Фрадой сняли в Квинсе квартирку с белым диваном. Но ничего из этого не вышло. Мы прожили вместе, кажется, около полугода. Я так и не знаю, что с ней стало потом.

Другая точка зрения

Марти Зайгер

Я был шафером на свадьбе Ларри с Фрадой. Кажется, это было сто лет назад. Фрада была милой девушкой. У нее был

звонкий смех. Странно, что эти вещи так запоминаются. Еще помню, что, кажется, все решилось как-то слишком поспешно.

Герб «Деляга» Коэн

Я вернулся из армии, а Ларри уже женат. Я спросил: «Зачем ты женился?» И он ответил: «Ну, все разъехались, никого рядом не осталось. А зимой было холодно. Вот я и женился». Так прямо и ответил.

Марти Зайгер

Не помню, из-за чего они расстались. Но я не удивился, когда это произошло.

Иногда я ездил в центр Нью-Йорка, подходил к зданию CBS или радио WNEW и… надеялся. То, чего я желал, находилось так близко и вместе с тем так далеко. Но те, кто знал меня, понимали, что у меня есть все, что нужно для успеха на радио. Это было заложено и моими родителями, и моим бруклинским детством. Я был веселым и приятным в общении, как мой отец. Я был открытым и спокойным, как моя мать. У меня было множество друзей. Было огромное желание делиться новостями со всеми, и, сколько я себя помню, людям всегда нравился мой голос. Я научился, благодаря бейсболу, обращать внимание на мелочи и знал, что надо, чтобы победить в споре. Более того, Бруклин научил меня задавать правильные вопросы. Например, можно ли называть ресторан знаменитым, если он только что открылся?

Однажды я встретил Джеймса Сермонса, штатного комментатора CBS.

«Мистер Сермонс, – обратился я к нему, – мне двадцать четыре. Я всегда хотел работать на радио. Но никогда не пробовал. Что бы вы мне посоветовали?»

«Поезжай в Майами, парень, и попробуй устроиться там, – сказал он. – Там полно станций. В Майами легче начинать, потому что там нет никакого профсоюза. В Майами можно либо прогореть, либо подняться».

В Майами-Бич жил мой дядя Джек. Было пора отправляться в путь.

Глава 6
Привет, Майами, прощай, Ямайка

Я сел на поезд в Майами, а когда сошел с него, у меня оставалось что-то около 18 долларов. До сих пор помню первое, что я увидел: два фонтанчика с питьевой водой. На одном было написано:

«Для цветных». На другом: «Для белых». Я подошел к фонтанчику для цветных и напился.

Потом я отправился к дяде Джеку в Майами-Бич. Я был в таком воодушевлении, что пошел обивать пороги уже на следующий день. Я набрел на маленькую радиостанцию WAHR на Первой улице. Парню, к которому я обратился, очень понравился мой голос. «К нам приходит куча народу, но многие уходят, – сказал он мне. – Пооколачивайся тут какое-то время и получишь первую вакансию, что освободится».

В течение нескольких недель я ходил и смотрел на все, открыв рот. Затаив дыхание, я смотрел, как из телетайпа ползут ленты новостей агентств UPI и AP, и возникало ощущение, что я присутствую при чем-то очень значительном. Майами-Бич был похож на сон. Пальмы, океан… Я помню, как ходил мимо ресторана Joe's Stone Crab. Это был не просто ресторан, это была главная местная достопримечательность. Когда я приехал туда в 1957-м, он всегда был полон, и люди занимали очередь, чтобы заказать столик на следующий вечер. Я нередко останавливался под окнами, имея лишь несколько долларов в кармане, без всякой надежды поужинать здесь, смотрел на счастливые лица и совершенно не знал, что нужно, чтобы хоть раз попасть туда.

А потом пришел мой звездный час. Утренний эфир вел Том Баэр. Он получал 60 долларов в неделю, но при этом должен был платить 65 долларов алиментов. Он утверждал, что питается кокосами, что падают с деревьев. В конце концов как-то в пятницу он уволился, и директор заявил, что с понедельника я могу приступать к работе.

Мне кажется, все выходные я репетировал. И даже не спал. В понедельник утром я пришел на радиостанцию с записью, которая должна была стать музыкальной заставкой моей передачи:

«Swingin' Down the Lane» («Вразвалочку по дорожке»).

Директор пригласил меня в кабинет и пожелал удачи.

«Кстати, – сказал он, – под каким именем ты будешь работать?»

«В каком смысле?»

«Ну, ты не можешь быть Ларри Зайгером, – объяснил он. – Это слишком сложно. Люди не смогут ни написать, ни запомнить твое имя. Надо что-то поярче».

У меня не было времени, чтобы понять, плохо это или хорошо и что сказала бы на это моя мать. Эфир начинался через несколько минут. На столе у шефа лежал последний выпуск *Miami Herald*. На открытой странице была реклама оптовой продажи алкоголя на складе Кинга. Директор бросил на нее взгляд и сказал:

«Кинг! Как тебе Ларри Кинг?»

«Нормально», – ответил я. Я получил шанс, которого не имел права упускать.

«Значит, решили. Назовем “Шоу Ларри Кинга”».

Было почти девять. В девять начинались новости. А через несколько минут должен был состояться дебют «Шоу Ларри Кинга». Я прошел в студию, сел и поставил запись. Новости кончились. Я включил песню, потом сделал музыку тише, чтобы представиться. Открыл рот и… первый раз в жизни не смог выговорить ни слова.

Я вновь прибавил звук… и снова убавил его. Но рот пересох, и с моих губ опять не слетело ни звука.

Не знаю, слышали ли радиослушатели, как стучит мое сердце. Этого момента я ждал всю свою жизнь. И что же? Я снова убавил звук. И вновь не смог выговорить ни слова.

Тут в студию ворвался директор.

«Тут надо *говорить*!» – прорычал он так, как умеют это делать только начальники. Повернулся, вышел и захлопнул за собой дверь.

Весь дрожа, я склонился к микрофону и проговорил:

«Доброе утро. Это мой самый первый день на радио. Я всегда мечтал попасть в эфир. Я тренировался все выходные. Несколько минут назад я получил свое новое имя. Я заготовил все, но от волнения у меня пересохло в горле. Я очень переживаю. А директор только что ворвался сюда и заявил, что тут надо говорить!»

Вот так 1 мая 1957 года и началась моя карьера. Много лет спустя Артур Годфри сказал мне:

«Единственный секрет в этом деле… что никакого секрета нет!» И он был прав. В тот первый день я получил серьезный урок. Нет никакой хитрости в том, чтобы просто быть самим собой. Кажется, с тех пор я больше никогда не нервничал, выходя в эфир.

Не помню, слышал ли меня тогда дядя Джек и встречался ли

я хоть с кем-нибудь, кто слышал мою первую передачу. Это, в общем-то, и неважно. Я был в полном восторге. Мои мечты воплощались. Я не мог дождаться следующего дня, чтобы вернуться в студию, и так продолжалось день ото дня. Я так полюбил эфир, что был готов на всё. И все на станции об этом знали. Что бы ни потребовалось – спорт, новости, все что угодно, – кто-нибудь всегда говорил: «Ларри справится».

Как-то раз заболел ведущий ночного шоу.

«Хочешь поработать всю ночь?» – спросил директор.

«Конечно. С удовольствием».

«Ну ладно, тогда твое время с полуночи до шести утра. Тебе нужно будет проигрывать музыку, немножко поболтать и сказать, что ведущий вернется завтра».

Я заступил на ночную работу. WAHR была маленькой радиостанцией. Ночью здесь никого, кроме меня, не было. Я начал крутить записи, и тут зазвонил телефон.

«WAHR».

Послышался женский голос. Я помню его, как сейчас. Она проговорила:

«Я хочу тебя».

«Простите, что вы сказали?»

«Я хочу тебя!»

Прошло уже много времени с тех пор, как я проиграл Гербу пари, когда не смог выйти с Айрис Зигель из школы Лафайета. Так что в тот момент я подумал: «Вот и парочка дополнительных плюсов, которые дает этот бизнес». И сказал ей: «Я освобождаюсь в шесть!»

Но она заявила: «Нет, так не пойдет. Мне с утра на работу. Ты должен приехать сейчас».

«Но я в эфире!»

«Я живу в одиннадцати кварталах от радиостанции, – она назвала свой адрес. – И я *действительно* хочу тебя прямо сейчас!»

И не было никакой миссис Горовиц в дверях. Поэтому мои слушатели услышали следующее:

«Ребята, я здесь только на сегодняшнюю ночь. И у меня для вас есть кое-что действительно интересное. Сейчас вы услышите полностью концерт Гарри Белафонте из Карнеги-Холла».

Я поставил пластинку, вскочил в свой потрепанный «Плимут» выпуска 1955 года и помчался к ее дому. У нее горел свет. Она сказала, что дверь будет открыта, и дверь действительно была открыта. Она сидела в комнате в белом белье. Была включена маленькая настольная лампа, так что я с трудом мог различить ее лицо. Радио передавало концерт Гарри Белафонте из Карнеги-Холла. Она распахнула мне свои объятья. Я бросился к ней и

прижался к ее щеке, а Белафонте пел «Прощай, Ямайка».

«Туда, где ночи… где ночи… где ночи… где ночи… где ночи…» – Пластинку заело.

Я оттолкнул женщину, вскочил в машину и помчался на станцию. И – это было явно проявление еврейского мазохизма – всю дорогу держал радио включенным. «Где ночи… где ночи… где ночи… где ночи…»

Я был в ужасе. Я ворвался в студию и остановил пластинку. Телефон разрывался от звонков. Я извинялся перед людьми беспрестанно. Но последний звонок мне не забыть никогда. Это был какой-то старый еврей.

«Это WAHR. Я вас слушаю». Он заорал:

«Где ночи! Где ночи! Где ночи! Я чуть с ума не сошел! Я чуть с ума не сошел! Я чуть с ума не сошел!»

Я сказал:

«Сэр, прошу прощения. Но разве вы не могли просто переключить станцию?»

И он ответил:

«Я инвалид. Они поставили эту станцию, а сам я не могу дотянуться до ручки».

Может быть, теперь это и смешно, но тогда мне было не до смеха. Когда я на следующий день пришел на работу, то думал, что мне конец. Но иногда в жизни случаются чудеса.

Сам не знаю, почему мне тогда повезло. Наверное, никто из начальства просто не слушал радио. Я очень на это надеялся, но все-таки не мог поверить до конца. Но наша станция была совсем маленькой. И сигнал у нее был не слишком сильный. Может быть, управляющий жил слишком далеко, и у него дома нашу станцию не принимало. К тому же было три часа ночи. Никто не сказал мне ни слова насчет «Прощания с Ямайкой». Мне показалось, что солнце сразу засияло ярче. И действительно с того дня все пошло как по маслу. Я получил вторую работу, стал комментировать по вечерам собачьи бега. И завел интрижку с настоящей красоткой лет на десять старше меня. И вообще, что может быть лучше, чем оказаться во Флориде в начале бейсбольного сезона?!

В 1958 году Dodgers приезжали в Майами на показательный матч, и меня вызвал к себе директор спортивных программ нашей станции. Он спросил, не хочу ли я отправиться на стадион и взять интервью у одного из игроков Dodgers. *Хочу ли я?!* Все детство я с упоением носил майку с номером 2 и теперь звонил своему кумиру Лео Дюроше, чтобы договориться об интервью!

Лео тогда вновь стал работать с Dodgers. Конечно, обо мне он ничего не знал. И когда я позвонил, его поблизости не оказалось. Поэтому я оставил ему сообщение, что звонил Ларри Кинг, и

пошел вести передачу. Когда я закончил эфир, меня ждало ответное сообщение о звонке Лео Дюроше. Мой *герой* перезвонил мне! Я долгие годы хранил бумажку с этим сообщением. Я снова позвонил Лео и вновь его не застал. Потом он перезвонил и тоже не застал меня. Так мы перезванивались все утро, но никак не могли состыковаться. У меня было целых пять бумажек с сообщениями о звонках Лео Дюроше.

В конце концов я отправился на стадион с огромным переносным магнитофоном, которыми все пользовались в те дни. Он был тяжеленный, и его нужно было носить на ремне через плечо. Хотя я храню тот образ в памяти, я не отказался бы посмотреть на себя в видеозаписи. На стадионе в тот момент находились тысячи людей, пришедших посмотреть на разминку спортсменов. Я вышел на поле, и там был он, мой герой со вторым номером, отрабатывающий удары по земле.

Я подошел к нему и произнес:

«Мистер Дюроше?»

«Чего тебе, пацан?»

«Меня зовут Ларри Кинг».

Он поднял на меня глаза и заорал так громко, что его, наверное, было слышно на самой верхней трибуне:

«Какого *черта* тебе тут надо?»

Я отлетел, кажется, футов на десять, вместе со своим магнитофоном и прочей техникой.

«Ларри Кинг! – возмущенно орал он. – Да *кто* ты вообще такой?! И *зачем* ты мне названивал?»

Не забывайте, что я был еще очень молод и это было мое первое интервью, так что я волновался. Но если бы Лео обратился ко мне со словами: «Чем могу быть вам полезен, сэр?», – это бы было более странно. И я наверняка удивился бы не меньше. Но никому не нравится, когда на него кричат перед глазами у кучи народу.

Я не сказал ему: «Простите, до свидания». Я умудрился как-то его успокоить, и мы пошли поговорить на скамейку запасных. Это была первая из многих бесед, которые были у нас впоследствии. У Лео всегда приятно брать интервью, потому что он очень эмоционален и прекрасно выражает свои мысли. Спустя годы после того первого разговора он вел репортаж об игре недели на NBC и был настолько искренен, что руководство телекомпании не знало, что с ним делать. Он, например, мог заявить: «Видите того питчера? Я и сейчас легко с ним справлюсь, а мне уже шестьдесят».

Нельзя было и представить себе лучшего героя первого интервью. Некоторые люди испытывают разочарование,

встречаясь со своими кумирами, поскольку те не соответствуют их ожиданиям. Но тот Лео, с которым я познакомился, оказался тем самым Лео, которого я обожал. В конце интервью я сказал: «Лео, я только одного не понимаю. Вы меня не знали. Если вы не хотели со мной разговаривать, зачем вы мне перезванивали?»

И Лео ответил: «Ваше имя звучало так, будто это кто-то важный». Нет смысла рассуждать о том, стал бы я тем, кто я есть, если бы остался Зайгером. Стал бы Тони Кертис[15] столь широко известен, если бы остался Бернардом Шварцем? Висели бы всюду афиши с Фредериком Аустерлицем и Вирджинией Макмасс, если бы они не стали Фредом Астером[16] и Джинджер Роджерс[17]? Нам никогда этого не узнать. Только одно могу вам сказать. Если бы я был афроамериканцем или выходцем из Латинской Америки, вряд ли я смог в то время сделать карьеру.

И еще кое о чем стоит сказать, хотя объяснить я этого не могу. Я всегда умудрялся каким-то образом оказываться рядом со знаменитыми людьми или сталкиваться с чем-то интересным. Так было всегда, даже если это не имело ни малейшего отношения к моей работе. Вот вам пример. Вскоре после того, как я переехал в Майами, мы с тремя диджеями нашей станции отправились посмотреть на Палм-Бич. У нас была старая тачка с откидным верхом. Я сидел за рулем. Мы ехали по дороге A1A вдоль побережья, мимо прекрасных вилл, замечательным воскресным утром. Воздух был прозрачен, как хрусталь. Машин почти не было; мы повернули на Уортавеню и ехали очень медленно, разглядывая витрины. Когда мы подъехали к светофору, я не успел вовремя затормозить, засмотревшись на что-то. И врезался в другой автомобиль, тоже с откидным верхом, остановившийся перед нами. Удар был не сильным, но водителя той машины все же тряхнуло. Он вышел из машины, и тут я узнал Джона Кеннеди[18].

Это точно был он. Всего два года назад Эдлай Стивенсон[19] оставил на съезде демократов открытую вакансию на пост вице-президента, за которую боролись Кеннеди и Эстес Кефовер[20]. Кефовер победил, что, как потом оказалось, стало для Кеннеди большой удачей. Потому что он не вытащил проигрышный билет и оказался в лучшем положении, и это позволило ему выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1960 года.

Я никогда не забуду того дня. Кеннеди подошел к нам и спросил:

«Ну и как вы умудрились в меня врезаться? Сейчас десять утра. Дорога свободна! Видимость прекрасная! Машин вообще нет, кроме моей. И вы в меня врезались!»

Я ответил:

«Простите, сенатор, может быть, хотите взглянуть на наши права?» А он ответил:

«Вот что я вам скажу. Давайте-ка поднимите правую руку и скажите: “Обещаю два следующих года голосовать за Джона Кеннеди”».

Мы подчинились, и он с улыбкой уехал прочь. Но прежде, чем уехать, сказал:

«Только держитесь от меня подальше».

Не могу сказать, догадался ли владелец одного местного ресторанчика о моей способности привлекать знаменитостей, или ему просто нравилась моя программа, но у Чарли Букбайндера родилась мысль, которая резко изменила мою жизнь. Чарли держал еврейский ресторанчик под названием Pumpernik’s. Он был открыт круглосуточно. Но после завтрака, приблизительно между десятью и одиннадцатью, посетителей, как правило, не было. И Чарли придумал устроить прямой эфир из ресторана. Я заканчивал свою утреннюю программу на студии WKAT в девять часов и во время передачи рекламировал живое шоу в Pumpernik’s, которое шло там с десяти до одиннадцати.

Не знаю, насколько смена радиостанции улучшила мой стиль. Меня лично в тот момент привлекала лишь разница в зарплате. WKAT предложила мне сотню долларов в неделю!

Когда я в первый день появился в Pumpernik’s, то увидел в витрине афишу: «Шоу Ларри Кинга», а в зале – сцену. Это было нечто! Никаких продюсеров. Только я один. Как оказалось, задумка была плодотворной. Но кто тогда мог это знать? Я никогда толком не брал ни одного интервью, кроме как у Лео Дюроше. А теперь я беседовал с любым, кто подходил ко мне, – с официантками, с праздными посетителями, с участниками различных съездов, проходивших в Майами. Беседовал обо всем. Могло случиться все что угодно, и не было никакой возможности хоть как-то подготовиться заранее, потому что я понятия не имел, кто будет моим следующим собеседником. Это заставляло соображать на ходу.

Ну сами посудите, когда вы последний раз слышали интервью с сантехником? А я до сих пор помню, как расспрашивал одного из них в течение сорока пяти минут. Он сказал мне буквально следующее: «Люди обычно об этом не думают, но главное в доме – это сантехника. Без нее ваш дом не будет функционировать. Если у вас сломается кровать, вы сможете спать на полу. Но если у вас что-то не в порядке с трубами, вы тут же броситесь звонить мне. Это благодаря мне ваш дом становится пригодным для жилья».

«Есть ли в сантехнических работах элемент высокого

искусства?» – спросил я.

«Конечно. Почему один хомут лучше другого? Все должно четко подходить одно к другому. Знаете, почему в Нью-Йорке лучшая в мире вода? Потому что давным-давно, проводя водопровод, здесь использовали медные трубы. Медь – лучший материал для труб. Она не ржавеет. Вода всегда остается чистой. Если у вас в ванной медь, то проблем будет значительно меньше…»

Главная хитрость такого интервью – именно в отсутствии конкретности задачи. Это вообще смысл всей моей работы. Я – обычный человек, и мои интервью должны привлекать обычных людей. Но, кроме того, они привлекают часть души и тех людей, которые чем-то отличаются от прочих.

Примерно через две недели, после того как я начал работать в Pumpernik's, туда зашел певец Бобби Дарин[21]. Он плохо спал этой ночью, и с шести утра слушал мою программу, где я рекламировал свое «ресторанное» шоу. Мне нравилась «Mack the Knife» («Мекки Нож») и другие песни Бобби, но у меня, как всегда, не было никакой возможности подготовиться. Я разговаривал с ним четыре часа, и все прошло просто великолепно. Он сказал, что ему стыдно за то, что он написал «Splish Splash» («Шлеп-шлеп»)[22]. После программы мы долго бродили с ним по Коллинз-авеню. Для меня это был действительно ценный опыт. Ларри Зайгер из Бруклина гулял по Коллинз-авеню с певцом, занимавшим первые места в хитпарадах, и он поверял мне свои сердечные тайны! Бобби родился с пороком сердца. Он сказал, что всегда знал, что должен умереть молодым. Поэтому он так упорно работает и старается успеть сделать в жизни как можно больше. Он знал, что его срок скоро наступит. И хотел все сделать, как говорится, вчера.

В одной из газет написали, что Бобби Дарин был у Ларри Кинга в Pumpernik's. А вскоре ко мне зашел Джимми Хоффа[23]. Когда беседуешь с сантехниками, заводишь друзей и среди водителей грузовиков. В это время их профсоюз проводил в городе собрание. И вот мои знакомые из профсоюза привели ко мне в гости Хоффу. Едва он начал говорить, как ресторан стал заполняться людьми. Это был особенный человек. Именно таких называют людьми с железным характером.

Я спросил Хоффу о его работе водителем, но оказалось, что он вообще никогда не был водителем. Он был грузчиком. Вот поэтому-то, сказал он, когда он собирается заключать с кем-то контракт, то первым делом выясняет, будут ли подогреваться погрузочные платформы. Работая грузчиком в Детройте, он достаточно поморозил задницу на ночных работах.

«Если у вас погрузочные площадки без подогрева, – говорил он, – мы с вами дел иметь не будем».

Вот что можно узнать, когда у тебя нет времени на подготовку к разговору.

Хоффа сказал, что он никогда не мечтал ездить на заднем сиденье лимузина. Он считал, что те профсоюзные лидеры, которые только ходят вокруг да около и дергают за веревочки, ничем не лучше тех, кто управляет корпорациями. А вот он, например, всегда ездит на переднем сиденье «Шевроле». У него была забавная привычка говорить о себе в третьем лице. Это звучало так: «Хоффа говорит». И я отвечал ему: «Кинг понимает». У него было превосходное чувство юмора. Когда шоу закончилось, я обратил внимание, что Pumpernik's забит народом.

Вскоре между десятью и одиннадцатью к нам стали захаживать знаменитости, в их числе был и Дэнни Томас[24]. Суббота была детским днем. Люди специально приводили детей, чтобы я говорил с ними.

Pumpernik's стал модным *местечком*, а я превратился в Мистера Майами. Я не рассчитывал на это. У меня не было агента. Я просто нравился людям. Ко мне на шоу любили заходить Ленни Брюс[25] и Дон Риклс[26]. Как-то Ленни заявился в униформе заключенного тюрьмы штата.

Майами было одним из немногих мест, где у Ленни не было неприятностей с полицией. Я спросил:

«Ленни, зачем ты это надел?» Он ответил:

«Мне нравится ходить в тюремной одежде».

«Почему?»

«Мне интересно подходить к полицейским на улице и спрашивать у них дорогу».

«Зачем?»

«Чтобы поглядеть на их реакцию. Потому что понятно, что происходит у них в голове. Первое, о чем они думают: "*Может быть, этот тип – сбежавший зэк?"* Но потом им приходит в голову, что *этого не может быть. Ну не стал бы сбежавший зэк спрашивать у них дорогу.* А потом: "*А вдруг это такой хитрый зэк, который решил, что я не подумаю, что он такое придумал специально?"*»

А Риклс заметил:

«Ну, Ленни, нашел ты себе работу».

Часовое шоу в Pumpernik's было веселым и свободным, и такое же настроение начало проникать и в мое утреннее шоу, которое шло с шести до девяти. Если бы я продолжал в том же духе, то в конце концов стал бы знаменитым утренним диджеем, как Аймас[27].

Однажды в своем утреннем шоу я слушал сообщение о пробках на дорогах. Парень, передававший сообщение, советовал водителям избегать трассы I-95, а вместо этого воспользоваться Седьмой авеню. Я подумал: ну допустим, благодаря этому сообщению I-95 освободится, но зато будет пробка на Седьмой авеню. И тут же придумал нового персонажа, капитана Вейнрайта, чтобы прояснить ситуацию.

Для этого персонажа я использовал специальный фильтр, чтобы голос звучал смешно. Капитан Вейнрайт вступал в разговор и начинал:

«Ларри, я только что прослушал сообщение о пробках. Уважаемые слушатели, я хочу сказать вам, что I-95 свободно. Возвращайтесь на него спокойно».

И хихикал.

Спустя пять минут он снова возвращался в эфир с тем же хихиканьем и говорил:

«Ну вот, я заставил их пятиться задним ходом до округа Броуард». Капитан Вейнрайт был моим альтер эго и воплощением того, чего не должно быть в полицейском. Когда открылся ипподром в Гольфстрим-парке, капитан Вейнрайт заявил:

«Не надо ездить в Гольфстрим. Лучше побейтесь об заклад с любым полицейским округа Дейд. Они с удовольствием примут ваши ставки. Оставляйте свои денежки там, где вы живете».

Когда мне звонил в эфир прокурор Майами Дик Герштейн, капитан Вейнрайт мог сказать что-нибудь вроде:

«Дики, душка, ну куда ты пропал? Сегодня день зарплаты, и, если ты не появишься в конторе через пять минут, я призову парней к забастовке».

Каждый раз когда я проезжал мимо знака объезда там, где велись дорожные работы, у меня появлялся свежий материал для капитана Вейнрайта.

«Если вы едете по I-95 и поворачиваете на Майами-Бич, вы увидите знак объезда, – заявлял капитан Вейнрайт. – Не обращайте на него внимания. Мы как раз собираемся убрать его».

Как-то мне позвонил кто-то из городских чиновников и сказал:

«Ларри, если бы мы тебя так не любили, мы бы тебя прикончили». Теперь я понимаю, что, наверное, мной руководило то же чувство, что и в те времена, когда мы с Гербом устроили затор перед школой. Только меня за это теперь не вызывали к директору. Теперь по городу ездили автомобили с наклейками на бамперах: «Не останавливайте меня, я знаком с капитаном Вейнрайтом».

Мне предложили выступить в Ротари-клубе[28]. Я был

диджеем на открытии каждого нового кинотеатра. Небольшая телекомпания выделила мне время для еженедельного ток-шоу, а *Miami Herald* колонку. Теперь я мог зайти в Joe's Stone Crab и встать у конца стойки в толпе посетителей, будто давно жду очереди на столик. Обычно приходилось ждать часа два с половиной. Но не проходило и пяти минут, как я слышал: «Это мистер Кинг. Ларри Кинг».

Но на следующий уровень я вышел благодаря водителю автобуса.

Глава 7
Джеки и Фрэнк

Иногда перед выходом в эфир на CNN я просматриваю какую-нибудь из серий популярного в 1950-е годы телесериала «Новобрачные»[29]. Этот сериал всегда поднимает мне настроение. И надо сказать, Джеки Глисон[30] понравился мне сразу, как только я с ним познакомился.

Один из моих любимых эпизодов называется «Улучшайте жизнь с помощью телевизора» – и, как ни странно, я познакомился с Джеки примерно тогда, когда стал вести шоу на местном телеканале в Майами. Сюжет этого эпизода таков: Ральф и Нортон случайно собирают кухонную машину, способную делать все что угодно – от чистки яблок до открывания консервных банок. Она называется «Легкоуправляемая помощница-домохозяйка». И Ральф с Нортоном решают выступить на телеэкране, одетые поварами, чтобы продать это изобретение. Наверное, это был первый в мире «магазин на диване», что доказывает, насколько Джеки опережал свое время. Ральф и Нортон со своей «Домохозяйкой» мечтали заработать кучу денег.

Но, увы, им не повезло – продюсеры сдвинули их выступление вперед в программе и сказали, что они должны уложиться в две минуты. Оказавшись перед камерой, Ральф от волнения растерялся. И в итоге почистить яблоко с помощью чудо-машины у него получилось даже медленнее, чем у Нортона обычным способом. А когда попытался открыть банку, то распорол себе палец. К концу демонстрации Ральф разнес в клочки всю кухню. Даже сейчас, спустя 50 лет, это очень смешно. И в этом суть самого Джеки. Помню, как на одном обеде в его честь выступал епископ Фултон Шин[31]. Он говорил о детях и о смешном, о том, как ребенок готов снова и снова смотреть понравившуюся ему пьеску. Ее можно повторить сотню раз, и он не устанет. Потом епископ повернулся к Джеки и сказал:

«Так вот что я хочу сказать, Джеки. Мы все – дети. Сделай это еще раз. И еще раз». В его герое, водителе автобуса Ральфе Крэмдене, было нечто такое, что трогало не только тех, кто принадлежал к той же социальной прослойке, а вообще всех без исключения.

Я познакомился с Джеки в поезде по дороге из Нью-Йорка. Джеки хотелось играть в гольф круглый год, и CBS согласилось на переезд «Шоу Джеки Глисона» в Майами. Присоединиться к

путешествию пригласили журналистов, и я был в их числе. *И мы поеха-а-а-ли!!!*

Когда мы прибыли на место, в Майами-Бич, там состоялся торжественный прием в честь Джеки. Я был распорядителем. С того вечера мы с Джеки подружились, и он начал слушать мое шоу по радио. Хотя он был на пятнадцать лет старше, нас многое сближало, в том числе и происхождение, и даже особое восприятие мира. Оба мы были детьми иммигрантов из Бруклина. Его отец сбежал от семьи. Мой – умер. У него в квартире не было телефона. У меня тоже, пока мне не исполнилось пятнадцать лет. И оба мы стремились завоевать внимание окружающих. Джеки однажды рассказал, как мать взяла его с собой на какой-то концерт. В конце, когда все аплодировали, Джеки повернулся спиной к сцене и посмотрел на публику. И тут он понял, что ему больше нравится смотреть не на сцену, а в зал.

«Понимаешь, – как-то сказал он мне, – не исключено, что в зале есть пятьдесят человек, которые гораздо смешнее меня. Но они не смогут быть смешными перед камерой. Потому что для этого мало быть просто смешным».

Я ответил:

«Это в тебе говорит твое невероятное самомнение».

«Конечно», – согласился он.

«Ты так тщеславен?»

«Нет, я просто уверен в себе».

По мнению Джеки, тщеславны те, кто жаждет славы, не имея ни капли таланта. Когда он вставал перед камерой, он просто оказывался в мире, будто специально созданном для него. Эти же качества он видел и во мне. Ему нравилось, как я контролирую ход своего шоу, а я научился очень многому, глядя, как работает Джеки.

Однажды вечером по окончании съемок его программы мы решили пойти поужинать. Пока он был в кадре, я ждал его за кулисами. Когда камеру перевели на Нортона с Трикси, он сошел с площадки и подошел ко мне.

«Позвони Раймундо, – сказал он, – и скажи, что сразу после съемок мы придем к нему ужинать».

«Пятнадцать секунд…» – предупредил его кто-то из съемочной группы.

«Скажи ему, что я буду крабов, с супом “мине…”»

«Десять секунд!»

«С супом “минестроне”, да, и, конечно, свежий хлеб».

«Джеки, пять секунд».

«И напомни им, что хлеб должен быть очень-очень хорошо пропеченным. НОРТОН!» – Он оказался перед камерами точно в

тот момент, когда было нужно.

И я подумал: «Вот это да, он действительно знает свое дело!» У меня в голове тоже всегда тикают такие же внутренние часы, как у Джеки. При работе на радио это просто необходимо. Попросите меня засечь время, я могу сказать, когда пройдут тридцать секунд, не глядя на секундомер. Но Джеки научил меня управлять временем. И заранее чувствовать нужный момент. Уверенность, которую я приобрел, глядя на то, как он работает, оказала мне неоценимую услугу, когда я начал вести свое телешоу.

Многие радиоведущие не имеют успеха на телевидении, потому что относятся к нему приблизительно так: «Телевидение! О боже, я попал на телевидение!» Они совершенно забывают, что ничего сверхъестественного тут нет. Вы так же сидите за одним столом с собеседником и задаете ему вопросы, просто вас еще снимают на камеру.

И если вы начнете смеяться, люди не только услышат, но и увидят вашу улыбку. Однажды во время радиопередачи мужчина, присутствовавший в студии, разделся донага и сидел, поедая банан. Я глянул на него и не смог сдержать хохота, хотя и был в эфире. Думаю, если бы это было в телестудии и он сидел бы голышом со своим бананом позади камеры, я бы смеялся точно так же. Основная разница между радио и телевидением в том, что никакой разницы нет.

Однако мое первое телешоу было достаточно странным. Оно выходило на 10-м канале в полночь по воскресеньям и не имело четких временных рамок. Шоу заканчивалось тогда, когда тема была исчерпана. Это давало мне возможность задавать такие вопросы, каких вы никогда не услышите в моем шоу на CNN. Сейчас, когда я беру интервью, я, как правило, рассчитываю на 15 или 30 минут разговора. Открытые рамки моей первой программы давали мне возможность для исследования. Например, я мог бы спросить Майкла Фелпса[32], завоевавшего восемь золотых медалей на Олимпийских играх 2008 года: «Когда вы занялись плаванием? Вам оно сразу понравилось? Вы когда-нибудь могли себе представить, что будете зарабатывать плаванием себе на жизнь? А как вы относитесь к морю?» Теперь, конечно, таких вопросов я не задаю. Сейчас все очень кратко: «Как вам далась сегодняшняя победа?»

Совсем разные вещи пригласить в эфир генерала Петреуса[33] и четко спросить у него: «Как начался мятеж[34]?», – или же задать ему целый ряд вопросов: «Почему вы решили избрать военную карьеру? Что вас в ней привлекает? Чем вам нравится стратегия? Насколько хорошо умеют воевать иракцы? Как вы поощряете

своих бойцов?»

Конечно, я бы с удовольствием задал все эти вопросы, будь у меня время. В этом и заключалась прелесть моего воскресного ночного шоу в Майами. Я мог забираться в любые дебри, куда заводило меня мое любопытство. Иногда программа продолжалась до двух часов ночи. Иногда до трех. Мы принимали звонки от зрителей, но тогда еще не было возможности выводить их в прямой эфир. Так что сообщения и звонки записывались и передавались мне.

На первом шоу обсуждался вопрос, стоит ли допускать Китай в ООН. Я сидел за столом между двумя мужчинами с противоположными точками зрения. Это было большой ошибкой. Крупным просчетом! Потому что сидел я во вращающемся кресле. И каждый раз, когда я оборачивался к кому-то из собеседников, кресло поворачивалось вместе со мной. На протяжении всей программы я то и дело пытался остановить его. Крутиться в кресле при обсуждении серьезного вопроса – что может быть более нелепым! Но знание, что все это еще и видят, делало мое поведение нелепым вдвойне. Я прекрасно осознавал проблему, потому что начал понимать силу телевидения еще во время президентских дебатов между Никсоном и Кеннеди.

Я слушал эти дебаты по радио. И у меня сложилось впечатление, что эти два умных человека в основном согласны друг с другом. Но когда я пришел на радиостанцию, чтобы вести эфир, все там только и говорили: «О, Кеннеди просто его размазал!»

«Что?»

«Кеннеди его уничтожил».

Им так показалось, потому что они смотрели дебаты по телевизору. Никсон выглядел уставшим и бледным, был не слишком элегантно одет. На Кеннеди был прекрасный костюм, и держался он великолепно. Это не имело ни малейшего отношения к сути того, о чем они говорили, но сыграло роль… то, что смотрелись они по-разному. Именно тогда я осознал силу воздействия телекартинки.

Поэтому-то я сразу понял, что мое «вращение» на пользу делу не пойдет. Позже *Miami Herald* ехидно это прокомментировала: «В наши дни, когда фигура ведущего телевизионных ток-шоу становится все более важной, мы увидели нечто новенькое: крутящийся и курящий ведущий». А на радиостанции мне кто-то заметил: «Никогда не видели ничего подобного. Собираешься продолжать в том же духе?»

Глисон просмотрел мою программу, а потом пришел на шоу в качестве гостя. Он приехал на студию раньше меня, накинулся на

главного менеджера и потребовал у него другой диванчик, кресло, лампу. Я живо представляю, что происходило на студийной площадке: «Чувак, так не пойдет. Вот это нужно сюда. А то – туда. А вот это давай-ка подвинем вот так». Потом он отправился к осветителям и проверил, как освещена площадка. И что с ним было делать, не пускать? Он был гением в эстетике. Не знаю, может ли сегодня кто-нибудь прийти на телешоу как гость и заставить сменить обстановку в студии?

Собеседником, кстати, он был превосходным. Он хорошо умел размышлять вслух, умел философствовать и ясно выражал свои мысли. Его волновали вопросы жизни и смерти. Он любил называть себя заблудшим католиком. Разрывался между мечтой о небесах, где все должно стать прекрасно, и логикой, которая это отрицала. Его интересовали религиозные лидеры и то, как они пришли к Богу. У него было много времени на размышления обо всем, потому что он страдал бессонницей. Он никогда не читал романов, только документалистику – мемуары, хроники и т. д. Такие умы, как у него, всегда радуются хорошим вопросам – может быть, на этом и была основана наша дружба.

Актер, режиссер и писатель Питер Устинов однажды сказал мне, что очень любит хорошие интервью. Когда я спросил у него почему, он ответил, что умные вопросы заставляют его задуматься о таких вещах, которые раньше не привлекали его внимания: именно в этом задача хорошего интервьюера. Моя манера вести беседу замечательно подходила стилю общения Джеки. В ту ночь, когда он был гостем моей программы, шоу шло *пять* часов.

Потом другой местный телеканал сделал мне более выгодное предложение, и я перешел туда. Джеки помог мне, сделав небольшую рекламу моего нового шоу. «Вам повезло, – говорил он. – Теперь Ларри Кинг на 4-м канале».

Но самое замечательное, что он сделал для меня, возникло в результате простого вопроса. Джеки любил играть с вопросами. Как-то вечером он задал вопрос: что вы считаете невозможным в своем деле?

В тот раз с нами был врач. И он сказал, что самое невозможное в медицине – изготовить кровь в лабораторных условиях. Он заявил, что это совершенно невозможно. И через десять миллионов лет, по его словам, возможным это не станет.

Джеки взглянул на меня и спросил: «А что ты считаешь невозможным в своем деле?»

«Ну, – начал я, – я веду радиошоу каждый вечер с девяти до полуночи. И совершенно невозможно, чтобы ко мне на шоу пришел Фрэнк Синатра и три часа отвечал на вопросы».

Шел 1964 год. В мире не было человека более знаменитого, чем Фрэнк Синатра, и он *никогда* не давал интервью. И пожалуй, он был единственным, кто в те времена не стал бы перезванивать даже в *New York Times*.

Джеки тут же сказал:

«На следующей неделе Фрэнк будет выступать в Fontainebleau[35]. Когда у него нет концерта?»

«В понедельник. Он не работает по понедельникам». Джеки заявил:

«Ты его получишь».

«Серьезно?»

«Конечно. В понедельник вечером в твоей программе будет Фрэнк Синатра».

Я сказал:

«Слушай, но если действительно в понедельник на передачу придет Фрэнк Синатра, я заранее должен объявить об этом. Мне же нужно рекламировать мое шоу».

«Да пожалуйста!» – заявил Джеки.

И в тот же вечер я, открывая программу, объявил:

«Дамы и господа, в следующий понедельник с нами проведет три часа Фрэнк Синатра».

На следующий день мне позвонил генеральный продюсер радиостанции и спросил:

«Это была шутка?»

Я прекрасно понимал, о чем он думает. Чтобы вы могли представить хотя бы приблизительно, насколько нереальным было мое заявление, вообразите такую ситуацию: допустим, что Владимир Путин никогда не давал интервью в Соединенных Штатах. Барбара Уолтерс, Кэйти Курик, Чарли Джибсон, Брайан Уильямс, Дайан Сойер и Ларри Кинг[36] обращались к нему, но получили отказ. И вдруг соглашается в течение трех часов выступать в вечернем эфире маленькой местной радиостанции.

Наш продюсер явно не был в курсе глисоновского определения влиятельности, которое я считаю наилучшим из всех возможных:

«Если вы думаете, что в вас это есть, – значит, в вас это есть. Если вы думаете, что в вас этого нет, – значит, в вас этого нет. А если вы думаете, что в вас этого нет, а на самом деле в вас это есть, то все равно в вас этого нет».

Я сказал генеральному продюсеру:

«Джеки Глисон обещал».

«Ну ладно…» – протянул он, но я точно знаю, что он мне не поверил.

Наступила пятница. Продюсер позвонил вновь. И сказал, что

они дают рекламу в *Miami Herald.*

«Берем целую страницу, – заметил он. – Стоит уйму денег. Но вот в чем проблема. Я позвонил в отель Fontainebleau и оставил сообщение с просьбой подтвердить участие Фрэнка в шоу. Но никто не отвечает на звонки. Я уже беспокоюсь».

Мне ничего не оставалось, как пообещать позвонить Джеки. Я набрал его номер и сказал:

«Джеки, начальство начинает дергаться». На что тот ответил:

«*Ты мне что, не веришь, парень?* Я сказал, что он будет, значит, будет!»

«Ладно, ладно, Джеки! – сказал я. – Извини, пожалуйста».

И реклама пошла в номер. Наступил вечер понедельника. Никто не пошел домой. Даже секретарши, которые всегда работали только до пяти, и те остались. Все ждали.

Без пяти девять. Никто не подъезжает. Ничего не происходит. Без четырех девять. Без трех. Ничего.

Я должен был начинать в пять минут десятого. Ровно в девять к зданию подкатил лимузин. Из машины вышел агент Синатры Джим Мэхони, а за ним – Фрэнк Синатра собственной персоной. Он поднялся по лестнице и спросил:

«И кто тут Ларри Кинг?» Я смущенно поднял руку.

«Хорошо, давайте начинать».

Когда мы входили в студию, агент Синатры оттащил меня в сторонку и сказал:

«Не знаю, как вы этого добились. Но хочу сказать: мне платят большие деньги за то, чтобы я такого *не* делал!»

Я попытался пройти, но он ухватил меня за руку и добавил:

«Еще одно. Не спрашивайте у него о похищении сына».

И я подумал, что мне лучше не спрашивать Фрэнка о похищении его сына, а то он уйдет.

«Ладно, – сказал я агенту. – Это вообще не мое дело».

И вот мы с Фрэнком вошли в студию. Сели. Зажегся свет. Мы были в эфире. Сейчас многие ведущие ток-шоу говорят что-нибудь вроде: «Сегодня у меня в гостях мой старый друг – Фрэнк Синатра. Рад снова видеть тебя, приятель».

Это все чушь. Я очень давно научился не врать радиослушателям и вообще любой аудитории.

Но вы должны понять, что тот эфир был совсем необычным. Слушатели у приемников недоумевали: Ларри. Фрэнк. Ларри? Фрэнк? Это выглядело бессмысленным. Фрэнк был на вершине мира. Ларри – парень с местного радио, который зарабатывал 120 баксов в неделю. Разве он может быть знаком с Фрэнком?

Я не собирался прикидываться, что мы хорошо знакомы. Поэтому я был честен. Я представил его и задал первый вопрос:

«Почему вы ко мне пришли?»

Это был удачный вопрос. Он ведь должен был мне что-то ответить. Я решил, что моя честность будет приятна Фрэнку.

Он сказал:

«Скажу тебе прямо. Примерно месяц назад, буквально накануне заключительного концерта, у меня разболелось горло. Я совершенно не мог петь. Я даже говорить не мог. Я вообще не знал, что делать. Билеты на концерт были проданы.

Поэтому я позвонил Джеки Глисону. И сказал: “Джеки, можешь приехать и спасти мое шоу?”

И он ответил: “О’кей”. Он приехал и спас мой концерт. Все было замечательно. После шоу я проводил его до машины, наклонился и шепнул: “Джеки, я твой должник”.

Когда я приехал в Fontainebleau, меня ждало сообщение от Джеки. Я позвонил и сказал: “Джеки, это Фрэнк”. И он ответил: “Фрэнк, можешь отдать должок?”»

И знаете, дальше все пошло совсем хорошо. Он оказался прекрасным собеседником. Элла Фитцджеральд понятия не имела, откуда у нее такой голос. Луи Армстронг говорил: «Я просто играю». Но Фрэнк мог объяснить все. Я помню, как он сказал: «Я как-то лежал и слушал, как Хейфец[37] играет на скрипке. Я не знал, что это за произведение. Я вообще не разбирался в классической музыке. Я никогда не слышал той мелодии. Но я плакал. И я сказал себе: что же он делает? Или вот еще: я видел, как Томми Дорси[38] играет на тромбоне. А его пиджак при этом даже не шевелится. Не шевелится! И только эти божественные звуки… Все дело в потрясающем контроле дыхания. Я попытался повторить это. Смогу ли я имитировать эти звуки? Смогу ли я повторить такую музыку? Смогу ли я заставить *вас* плакать?» – Фрэнк умел размышлять о подобных вещах.

В ходе интервью Фрэнк явно стал чувствовать себя более спокойно. Так что, как видите, моя честность и то, что я никого из себя не строил, пошла только на пользу. Где-то в середине программы я сказал ему: «Фрэнк, каковы ваши отношения с прессой? Может быть, слухи преувеличены? Или вас действительно достали?»

Он ответил: «Ну, может быть, я действительно несколько преувеличиваю. Но тем не менее меня действительно достали. Взять, к примеру, историю с похищением моего сына…»

Я глянул на его агента и подумал, что тот сейчас рухнет в обморок. А Фрэнк рассказал всю историю с похищением и о том, как отнеслась к этому пресса.

Почему он это сделал? Потому что чувствовал себя комфортно. Много лет спустя – после множества других телеи

радиоинтервью, которые он дал мне, – он написал мне в письме фразу, которая, наверное, заставила бы Джеки Глисона улыбнуться. Он написал: «Ты делаешь так, что забываешь о камере».

С того интервью у нас с Фрэнком завязались дружеские отношения. И в тот день после завершения программы, после трех часов разговора, он спросил: «Ну что, парень, хочешь попасть на концерт?»

«КОНЕЧНО!» – воскликнул я.

«Приходи завтра вечером. Оставлю тебе столик у сцены. Можешь пригласить кого-нибудь».

Теперь я мог предложить любой женщине в городе пойти со мной с уверенностью, что мне не откажут. *Хочешь пойти со мной на Фрэнка Синатру? Будем сидеть за столиком у сцены!* Можно ли вообразить что-либо более заманчивое?

Я пригласил симпатичную девчонку, которая мне нравилась, и мы пошли на концерт. Обед был великолепным. Мы сидели прямо перед сценой и слушали Фрэнка Синатру. Мы были в восторге. Но это было еще не все. В середине концерта Синатра устраивает небольшой перерыв, выпивает чашечку чая и разговаривает со слушателями. Я понятия не имел, что меня ждет. И вдруг, ни с того ни с сего, попивая свой чаек, Синатра проговорил: «Да, кстати, вы знаете, я никогда не даю интервью. Но хочу рассказать вам о молодом человеке, который сегодня присутствует в зале. Я обещал кое-что Джеки Глисону, и Джеки познакомил меня с этим парнем. Я дал ему интервью, и он оказался замечательным человеком! Интервью было превосходным. Я хочу, чтобы он сейчас поднялся и поклонился. Вы еще не раз услышите о нем. Прошу вас, Ларри Кинг!»

Мы с моей девушкой в тот момент расправлялись с десертом. Я ел вишневый торт. И никак не ожидал, что Фрэнк начнет представлять меня. Торопясь встать, я толкнул столик, торт подскочил и упал точнехонько мне на колени. Прятаться было некуда. Брюки и рубашка были белыми, вишня в торте – красной. И ее было много. Синатра расхохотался. Оркестр тоже. Аудитория зашлась смехом. Моя девушка смеялась до слез.

Я был крайне смущен. Но что делать? Я кое-как оттерся, и мы продолжили наслаждаться концертом.

Когда он закончился, я собирался проводить девушку домой. И был уверен, что нас ждет прекрасная ночь.

После того как я оплатил счет, у меня в кармане оставалось восемнадцать долларов. Я знал, что три доллара нужно оставить на такси. У меня оставалось пятнадцать – как раз на чаевые официанту. Отдав три доллара таксисту, я оставался без гроша.

Но это было не страшно. Девушка все равно уже пригласила меня к себе.

По дороге она сказала:

«Ой, у меня не осталось кофе. Давай заедем в кафе и возьмем пару чашечек на вынос?»

И что было делать? Я был в ее глазах крутым парнем, который только что сводил ее на концерт Фрэнка Синатры, но… у меня совсем не было денег.

Мы подъехали к Royal Castle. Я попросил ее подождать в машине и сказал, что вернусь через минуту. Когда я вернулся, у меня в руках ничего не было.

«А где же кофе?» – спросила она. И я ответил:

«Они не смогли дать сдачу со стодолларовой купюры!»

Глава 8
1960-е

Я частенько задумывался: и куда же, черт побери, уходят у меня деньги? Я не употреблял наркотики. Я не пьянствовал. Не шатался по ночным клубам. Я просто жил не по средствам. Я должен был бы ездить на «Шевроле», а ездил на «Линкольне», причем менял машины каждый год. И конечно, женщины. К тому же много времени я проводил на ипподроме. Короче говоря, чем более известной фигурой я становился, тем быстрее росли мои долги.

Вся проблема была в том, что для меня деньги никогда не были главным в жизни. Если я был должен тысячу, а кто-то звонил и просил в долг, я отдавал ему все, что у меня было. Мне никогда не удавалось твердо сказать «нет», даже если это было самым разумным на тот момент. Я не просто занимал у Питера, чтобы заплатить Полу, я при этом еще и одалживал Пэту. У меня постоянно не было денег. Но я каким-то образом умудрялся существовать. Президенты банков подписывали мне ссуды не глядя, потому что были моими поклонниками.

Талант вытаскивал меня из очередной ямы. Стоило мне услышать что-то хоть однажды, можно было считать, что я слышал это сотню раз. Менеджер со станции звонил мне и говорил: «Ларри, звонили из мебельного магазина. Вы такой прекрасный работник. Почему же вы не выплачиваете кредит за мебель?»

«О, я заплачу, – говорил я. – Я постараюсь».

Даже если я говорил это искренне, то ничего не делал. Не думаю, что я пытался взглянуть на себя со стороны и обещал себе действительно что-то изменить. Наверное, где-то в глубине души мне нравилось жить именно так – на грани фола. Я же все понимал. Я же никогда не был тупицей. Почему умные люди делают ошибки? Более того, почему умные люди повторяют их? Это же явная дурость: делать то, что всегда, но при этом ждать иных результатов.

В общем все точь-в-точь как в старом анекдоте про азартного игрока. Тот уезжал из Лас-Вегаса, проиграв кучу денег, подавленный и несчастный. Но вдруг услышал голос, который прошептал ему:

«Возвращайся в Лас-Вегас».

Он покачал головой, заехал на заправку, залил в бак бензина. И снова неизвестно откуда послышался голос: «Возвращайся в

Лас-Вегас!»

Игрок повернулся к работнику заправки и спросил: «Вы что-нибудь слышали?»

«Нет», – ответил тот.

Тогда он решил, что с ним говорит сам Бог. Развернулся и поехал обратно в Лас-Вегас. Когда он въехал в город, голос сказал: «Поезжай в Caesars Palace[39]».

Он оставил автомобиль на парковке и пошел в зал. И снова раздался голос: «Подойди к рулетке. Ставь на красное!»

Человек подошел к кассиру и выписал чек на все деньги, что у него оставались, – несколько тысяч долларов, – и поставил на красное.

Колесо закрутилось. Выпало черное.

И голос произнес: «О, черт!»

Но я-то не был поклонником азартных игр. Я перестал играть в блэк-джек, после того как осознал, что я ору на крупье за то, что он сдал мне плохие карты. Но он не был в том виноват. Он даже *хотел*, чтобы я выиграл. Потому что в этом случае я дал бы ему хорошие чаевые. Я чувствовал себя гораздо лучше, когда орал на лошадей, которые не могли меня слышать. До сих пор помню, как я бесновался, когда лошадь, на которую я ставил, пришла первой, но при этом толкнула другую и была дисквалифицирована.

Но в каком бы плачевном состоянии ни были мои финансы, как только начиналось шоу, я забывал обо всем. Когда я был в эфире, я не должен был никому. Я был царь и бог. Я жил этим моментом. А в 1960-е невозможно было жить иначе – события захлестывали, и колесо жизни крутилось все быстрее и быстрее. Мы торопились жить, казалось, что жизнь летит, а мы за ней не успеваем.

Как правило, не сознаешь, что живешь в безумное время, пока оно не закончится. Но в 1960-е мы сознавали, что попали в водоворот. Каждый день я просыпался и думал, что ждет нас сегодня. И каждый день что-то происходило. Шестидесятые были самым удивительным десятилетием в американской истории. Все началось с того, как Джон Кеннеди стал президентом. Я помню, как мимо окон катились танки, когда наша разведка обнаружила на Кубе советские ракеты. Скандальное поведение Хрущева[40] и разлад с Советским Союзом. Убийство Кеннеди. Вьетнамская война. «У меня есть мечта»[41]. «Битлз». Малкольм Икс[42]. Мухаммед Али[43]. Холодная война. Акт о гражданских правах. Женское движение. Шестидневная война[44]. Хиппи. Наркотики. Горящие лифчики. Протесты против войны во Вьетнаме. Убийство Мартина Лютера Кинга-младшего. Жестокая расправа полицейских с участниками Демократического конвента в 1968-м.

Поднятые кулаки в черных перчатках на пьедестале почета Олимпийских игр. Расовые бунты. Горящие города. Посадка Eagle на Луну[45].

Тогда еще не существовало круглосуточного канала новостей, чтобы освещать все на свете. Работали CBS, NBC и ABC. Новости из Вьетнама приходили с опозданием на сутки. Все события требовали определенного контекста и осмысления. В Майами все события я освещал в своих радиои телепрограммах. Я был в центре всего. Если уж я смог пригласить к себе на шоу Синатру, значит, я мог пригласить кого угодно. Приятель Ричарда Никсона, Бебе Ребозо, был моим большим поклонником. Так что, когда Никсон приезжал в Майами, он был моим гостем. Все крупные музыканты 1960-х приезжали в Майами на отдых и обязательно появлялись в моем шоу.

Я не просто обрел влияние в своей сфере, моя личная жизнь оказалась переплетенной с жизнями самых разных людей. Когда я смотрел кадры убийства Джона Кеннеди, видел, с какой силой пуля ударила ему в голову и как голова нырнула вперед, то вспоминал ту глупую аварию в Палм-Бич, когда, не успев затормозить на перекрестке, я на своей машине врезался в его автомобиль.

Я ехал на ланч, когда услышал об убийстве президента. В первый момент я не мог в это поверить. *Такого не может быть, я же виделся с ним несколько дней назад.* Кеннеди неделей ранее выступал на конференции в Майами. Тогда он узнал меня, сидящего в третьем ряду, и подмигнул. Сейчас я растерялся лишь на мгновение, развернулся, выехав прямо на тротуар, и помчался на радиостанцию.

Америка больше никогда не станет прежней. Кеннеди был первым президентом, родившимся в двадцатом веке. Он принес стране молодость и открыл нам новые возможности. Он сказал, что к концу десятилетия посадит космический корабль на Луну. И так оно и было. Его убийство обрушилось как кошмарный сон. Никогда не забуду историю о том, как Никсон узнал об смерти президента. В 1960-м он проиграл Кеннеди на президентских выборах. 22 ноября 1963 года Никсон вылетел из Далласа как раз в тот день, когда город готовился встречать президента. Он путешествовал коммерческим рейсом. Тогда у вице-президентов еще не было специальной охраны. Так было до убийства Кеннеди. Когда самолет взлетел, человек, сидящий рядом с Никсоном, сказал: «Пара тысяч голосов – и сегодня здесь встречали бы вас».

«Я об этом даже не задумываюсь», – ответил ему Никсон.

Когда самолет приземлился в Нью-Йорке, машина, которая должна была встречать его, подошла к другому выходу. Поэтому

Никсон взял такси. Такси выехало из аэропорта, но повернуло не туда, они заплутали и в конце концов оказались на какой-то улице в Квинсе. Вдруг из дома с криком выбежала женщина. Никсон опустил окно и спросил: «Что случилось?» Женщина увидела его и упала в обморок. Никсон вышел из такси, чтобы помочь ей. Сбежался народ, и только тут он узнал, что убили Кеннеди.

Это событие перевернуло всю нашу жизнь, но мы не сразу это осознали. Я вернулся на радиостанцию и начал обзванивать тех, кто знал Кеннеди. Я дозвонился до бывшего посла в Ирландии Эдварда Гранта Стокдейла. Его жена была известной поэтессой, и они жили в Майами. Посол был настолько потрясен, что практически не мог сказать ни слова. Он лишь стонал и рычал в трубку. Не знаю, слышал ли он меня вообще. Позже он выбросился из окна своего офиса. На его письменном столе остался номер журнала *Life* с портретом Кеннеди на обложке.

В следующие недели в моих программах на радио и телевидении все разговоры были только об убийстве. В одной программе принимал участие Дик Герштейн – прокурор штата, который в более счастливые времена был мишенью для шуток капитана Вейнрайта в моем утреннем радиошоу. Герштейн говорил о том, как охраняли Кеннеди в округе Дейд, куда он приезжал, чтобы выступить с той самой речью, которую я слушал за неделю до убийства.

Шло время, и выстрелы в Далласе казались все менее правдоподобными. Он – молодой, энергичный, привлекательный, богатый мужчина – и какой-то никому не известный негодяй убил его? Такое ничтожество, как Ли Харви Освальд, просто не мог совершить это! Позже меня посвятили во все тайны, связанные с этим делом: я познакомился с прокурором Нового Орлеана, который был уверен, что Кеннеди пал жертвой заговора. Встреча с этим прокурором в начале 1970-х на многое открыла мне глаза. Но об этом – в другой главе.

Убийство Кеннеди положило начало переменам, определившим нашу дальнейшую жизнь. Оглядываясь назад, я и сам не понимаю, как смог пережить все это. В 1960-е движение за гражданские права охватило всю Америку. Именно тогда произошла история с Мартином Лютером Кингом, которая до сих пор стоит у меня перед глазами. Кинг хотел остановиться в частном мотеле в Талахасси. Он заранее заказал номер. Я хорошо знал адвоката, который представлял его во Флориде. Было понятно, что, если Кинг появится в мотеле и будет настаивать на получении номера, его отправят за решетку. Адвокат позвонил мне и спросил, хочу ли я при этом присутствовать.

Я был рядом с Кингом, когда он вошел в мотель. Там было, может быть, номеров двадцать. Он подошел к конторке портье и сказал:

«У меня здесь заказан номер. Мое имя – доктор Кинг».

Портье заявил: «Мы не селим негров».

Доктор Кинг вышел на улицу и сел на пороге. Подъехали полицейские машины. Появился владелец гостиницы. Он спросил у Кинга: «Что тебе нужно? *Что тебе тут нужно?»*

Доктор Кинг взглянул на него снизу вверх и ответил: «Мое достоинство».

Я был потрясен…

Ничто не бесит меня сильнее, чем фанатизм любого рода. Какое отношение цвет кожи может иметь к чему бы то ни было? К работе? К свободе? К развлечениям? К дому? Какая вам разница? Я никогда не мог этого понять. Я написал об этом в *Miami Herald*, и какой-то читатель в ответ на эту статью разразился гневным письмом. Он написал:

«А что вы скажете, если ваша дочь выйдет замуж за черного?» Я перепечатал это письмо в своей колонке и ответил ему так: «Я обязательно предупрежу ее о таких, как вы». Даже сейчас, более 40 лет спустя, когда Барак Обама избран президентом, нам приходится сталкиваться с подобными вещами. Мы прошли долгий путь, но он еще не окончен.

А в те дни страсти, бурлившие в обществе на протяжении четырех столетий, внезапно вырвались на поверхность. Стокли Кармайкл[46] рассказывал, что учился в школе, где пытались провести расовую интеграцию. Полицейский уложил чернокожего ученика на землю, поставил ботинок ему на горло, достал пистолет и сказал:

«Если зайдешь в эту школу, я тебя пристрелю». «С того дня, – сказал он мне, – я уже не мог жить спокойно».

Мне приходилось сдерживать себя, когда губернатор Алабамы Джордж Уоллес стоял перед дверями Университета Алабамы, не давая пройти чернокожим студентам. Когда Уоллес пришел на телестудию, он огляделся и сказал с самодовольной ухмылкой: «Не вижу тут ни одного черного».

«Они – владельцы станции, – сказал я. – И как раз вышли пообедать».

Каждый раз, когда я беру интервью у людей, с точкой зрения которых совершенно не согласен, я всегда стараюсь сдерживать свои чувства и пытаюсь найти в их ответах нечто хорошее. Но с Уоллесом я вступил в настоящий спор. Я поведал ему о случае, о котором мне рассказал один из лидеров движения за гражданские права – руководитель Конгресса расового равенства (CORE). Во

время Второй мировой он служил в черном батальоне, который базировался в Галвестоне, штат Техас. Однажды немецкая подлодка, с которой что-то произошло, всплыла у берега, и солдаты взяли в плен всю команду. По дороге в Бомон они остановились, чтобы перекусить в ресторане и накормить пленных. Немецким морякам было разрешено войти внутрь, а чернокожие солдаты Армии США были вынуждены есть снаружи. «И скажите, разве я не должен был испытывать гнев в тот момент?» – спрашивал у меня лидер CORE.

«И что бы вы ответили этому человеку, Уоллес?» – спросил я губернатора.

«У меня нет времени болтать со всеми подряд», – ответил Уоллес. Только через много лет он нашел в себе силы ответить на этот вопрос, но тогда он уже переменил свои взгляды.

Я помню, как брал интервью у Джона Говарда Гриффина – журналиста, намеренно изменившего цвет своей кожи, чтобы прочувствовать, что значит быть черным на Юге. Он написал об этом опыте в книге, которую назвал «Черный, как я». Я пригласил его на программу вместе с писателем Джеймсом Болдуином.

Гриффин жаловался Болдуину, рассказывая, что после трех месяцев эксперимента он никак не мог дождаться, когда же цвет сойдет. Он знал, что для этого потребуется как минимум год, и едва вынес оставшиеся девять месяцев жизни с измененным цветом кожи.

«Но вы ведь знали, что вы должны измениться, – заметил Болдуин. – А моя кожа не изменится никогда. Мне приходится жить с этим всю жизнь».

И что вы могли сказать на это?

Да, были и иные моменты. Однажды я встретил в Joe's Stone Crab Эдгара Гувера, руководителя ФБР, который, как я узнал позже, шпионил за доктором Кингом. Мы разговорились, и я упомянул, что собираюсь посетить Сан-Франциско, в котором никогда не бывал. Гувер спросил, когда я еду. И когда мой самолет приземлился в аэропорту, меня уже ждал агент ФБР. За четыре дня он показал мне весь город. Когда я говорю «весь город», я имею в виду действительно весь. Он ждал меня в машине, когда я был в театре. Он водил меня по лучшим ресторанам. Как я убедился, таким был подход Эдгара Гувера к связям с общественностью.

Но я был сражен наповал ответом шефа полиции Лос-Анджелеса Уильяма Паркера, когда спросил его о ФБР. Паркер был человеком, который не терпел глупостей. Полицейское здание в центре ЛосАнджелеса теперь носит его имя. Обычно, когда я спрашивал полицейских о ФБР, то получал лишь

хвалебные отзывы. Тут было иначе…

«Эдгар Гувер – не коп, – сказал Паркер. – Он лучший специалист по пиару в стране. Но в любом расследовании я бы поставил любого парня из лос-анджелесской полиции против любого агента ФБР. Все они – мошенники и выскочки». Прошло немного времени, и два агента ФБР уже стучались в двери моей студии с требованием отдать им пленку.

Я старался охватить все. Сегодня я мог беседовать с генералами, развязавшими войну во Вьетнаме. Назавтра ко мне приходил Эбби Хоффман – человек, организовавший «Осаду Пентагона», во время которой 50 тысяч людей заклинаниями пытались поднять его на воздух, протестуя против этой войны. Во время кампании по сбору средств в пользу Израиля гостями моей программы были Моше Даян[47] и Голда Мейр[48]. А потом я становился мишенью для яростных протестов со стороны еврейских слушателей за то, что пригласил на шоу египетскую делегацию. Как будто мнение Египта не имело права на существование?!

Если вы жили в те годы в Майами, вы могли встретиться со мной везде, что бы вы ни смотрели или ни слушали. В 1962-м я перешел на WIOD, крупнейшую радиостанцию региона, и вел эфир с девяти до полуночи. На местном телевидении дела мои тоже шли в гору: я покинул 10-й канал, пережившее свое лучшее время подразделение ABC, и перешел на 4-й канал, филиал CBS, доминировавший на рынке. Теперь мои телепрограммы выходили в эфир в шесть и одиннадцать вечера по выходным. Мои воскресные шоу шли до и после «60 минут», которые в начале своего существования прогорели потому, что шли по вторникам в то же время, что и «Бонанца»[49]. Шоу перенесли на воскресенье, потому что в Майами это лучшее эфирное время. Я продолжал с успехом вести колонку в *Miami Herald* и выступал на самых разных мероприятиях. Когда глава консерваторов Уильям Бакли приехал в Майами с визитом, он даже пошутил: «От вас прямо некуда деться».

Раз за разом мой талант и мое влияние каким-то образом спасали меня от неприятностей. Менеджер со станции мог позвонить мне и предупредить об угрозах мужа женщины, с которой у меня была связь. «Ларри, ты же умный мужик. Ну куда тебя несет?» Но что он мог сделать? Я ведь был Мистером Майами. Когда в Майами прибыли Dolphins, чтобы представлять NFL, а первый цветной комментатор оказался не слишком хорош, кто принял удачное решение, чтобы привлечь больше слушателей? *Слушайте Ларри Кинга в воскресенье о матче с Dolphins!*

Моя личная жизнь так же плохо поддавалась контролю, как и мои финансы. Дэвид Леттерман[50] ехидничал, говоря, что я был женат семь раз на шести женщинах, но он не знал, что на самом деле я был женат восемь раз на семи. Почему так случилось, я не могу объяснить. Но могу сказать, во что я всегда верил. То, что нравится вам в двадцать, вряд ли понравится в тридцать. А то, что привлекает в тридцать, не вызовет интереса в сорок. И так далее. Если смотреть на мир в таком ракурсе, три брака – вполне здравое решение. Но, конечно, восемь – это перебор.

Я никому не рассказывал о своей первой женитьбе во Флориде. Даже своему брату. Тем более что свадьбы как таковой не было. Я был совсем юным, когда у меня завязались отношения с красавицей на десять лет старше меня. Аннет было тридцать четыре. Ни о чем подобном я в Бруклине и помыслить не мог. Крутить роман с женщиной на десять лет старше? Это что!!! Но она многому меня научила. Это было безумием само по себе, но еще большим безумием было то, что она была замужем в тот момент, когда я с ней познакомился.

У Аннет было трое детей. Ее брак совершенно очевидно не заладился. После развода она сказала, что сделала это ради меня, и настояла, чтобы я на ней женился. Она бывала порой очень властной, а у меня никогда не получалось сказать «нет». Мы поженились в Броуард-Сити-Холл. Но я был молод и не собирался жить тихой семейной жизнью. По-моему, мы с ней так и не жили толком. Не помню, чтобы мы проводили много времени вместе после нашей женитьбы. Может быть, еще пару раз мы и встречались, но не более. А потом как-то совершенно естественно развелись.

Все это научило меня одному – невозможно запланировать любовь. Невозможно себе сказать: «Сегодня это случится. Сегодня я влюблюсь». Но когда вы встречаете кого-то и действительно влюбляетесь, то уже не можете взять и отбросить это чувство. Увлечению могут положить конец какие-то внешние обстоятельства. Но не *вы* сами. Никто и никогда не находил этому объяснения. Шекспир пытался. Я могу описать это чувство только так: влюбленность – это когда вам говорят: «Позвоню в шесть», – и вы уже сходите с ума, если в пять минут седьмого она не позвонила.

Так вышло у меня с Элин. Я познакомился с ней на шоу в Pumpernik's, когда вел программу про Bunny[51] Playboy. Она пришла со своей кузиной. Элин была слишком молода, чтобы стать Bunny, – брали тех, кому исполнилось 21[52], а ей было только 20. Но она имела все шансы стать Bunny в будущем, и меня сразу потянуло к ней.

Единственное, с чем я могу сравнить этот опыт, – это то чувство, которое я когда-то испытывал по отношению к Dodgers. Если вы фанат какой-нибудь команды, ваша жизнь зависит от того, что делают другие. Dodgers могли сделать меня счастливым. Но они же могли заставить меня страдать, даже ничего не зная об этом. То же самое может сделать и юная девушка. *Ой, я позвоню тебе попозже.*

Процесс ухаживания был достаточно труден. Когда я познакомился с Элин, у нее был пятилетний сын. Но проблема была не в этом: Энди был прекрасным мальчишкой. Рядом с ним я чувствовал себя по-настоящему нужным. Никогда не забуду день официального усыновления. Судья спросил Энди, нравится ли ему его новая фамилия. И когда он ответил: «Да», – я готов был прыгать от счастья. Теперь я с гордостью мог говорить, что у меня есть сын. Я всегда считал себя хорошим отцом. Просто я не был хорошим мужем. Я всегда жил своей жизнью. Даже когда я был женат, какая-то часть меня все равно ощущала себя свободной. Да и вообще наш брак с Элин ничуть не напоминал жизнь Оззи и Гарриет[53]. Я-то заходил в ванную и видел там сушащиеся костюмчики Bunny.

Playboy Club тогда был новинкой. Сексуальная революция шла своим чередом. В качестве Bunny Элин зарабатывала на чаевых в три раза больше, чем я. У нее был очень низкий голос, и она не слишком много болтала, так что создавалось впечатление загадочности. Хотя супружеская верность и не была моей сильной стороной, все же я был очень ревнив. Однажды Элин приехала домой и рассказала, что один мужчина каждый день приходит на ланч, садится за ее столик и оставляет ей 50 долларов вне зависимости от того, что заказывает. Bunny в Playboy не имели права носить обручальные кольца, так что клиенты думали, что все девушки одиноки. Тот парень, что ходил к Элин, был очень застенчив, но явно был от нее без ума. Она не знала толком, что ей с этим делать. На следующий день после того, как она мне об этом рассказала, я пришел туда с парой друзей и сел за соседний столик. «А, вот и моя женушка!» – вскричал я как можно громче, чем окончательно разбил сердце бедняги.

Непонятно, куда уходят чувства с годами. Почему все исчезает? Мы с Элин развелись. После того как мы расстались, я познакомил ее с парнем, который вел на радио программу о джазе, что-то вроде Pied Piper[54] того времени – свободная любовь и все такое. Он увез ее в Айову. Это ударило по моему самолюбию, и, видимо, именно поэтому я в отместку женился на одной из работниц нашей станции. Брак был недолгим, и эта женщина до сих пор не желает, чтобы я открывал ее имя. Я

уважаю ее желание. Но я не могу не сказать об одном обстоятельстве, говорить о котором мне, однако, нелегко. У нас родилась дочь. Когда та женщина полюбила другого, она попросила, чтобы я позволил ему удочерить девочку. В то время, когда я был не в эфире, моя жизнь шла наперекосяк, я ничего не мог контролировать, потому и согласился на ее просьбу. Мне показалось, что так будет лучше. Когда Элин вернулась из Айовы, между нами снова что-то проскочило, как будто пламя еще не совсем погасло, и мы расписались с ней еще раз.

Порой мне кажется, что все эти жизненные перипетии, неумение обращаться с деньгами и прочие стрессы шли только на пользу моей работе в эфире. Может быть, я фантазирую, но точно знаю одно – микрофон всегда был и остается моим сокровенным убежищем. Я не мог предать его, и он никогда не мог нанести мне удар в спину. Меня преследовали кредиторы. Отношения с женщинами рушились на глазах. Бобби Кеннеди и Мартин Лютер Кинг-младший покинули нас в мгновение ока. Но когда я был на студии с микрофоном, я чувствовал себя царем и богом.

Мой брак с Элин и во второй раз закончился крахом. Но жизнь – это всегда инь и янь. Иногда в самые трудные времена все оборачивается к лучшему. Элин ждала ребенка. Я ехал по бульвару Бискейн, направляясь в Центральную больницу Майами, – был 1967 год, – когда услышал сообщение WIOD – самое лучшее, которое мне довелось услышать в жизни: «Нам только что сообщили. У Ларри Кинга родилась дочь весом семь фунтов три унции». Я думал, что от счастья вылечу через крышу.

Я въехал на парковку больницы, вбежал в палату и увидел на руках у врача крохотную девочку. Мы назвали ее Хая. Элин очень любила книгу «Избранный» Хаима Потока. И мою бабушку по матери звали Хая. Это имя – как тост на иврите «За жизнь!»[55] Потеря отца в раннем возрасте всегда жила болью во мне. И поэтому даже когда мы с Элин развелись во второй раз, я старался быть хорошим «приходящим папой» для своих детей. Я и сейчас вспоминаю, как водил Хаю на открытие Disney World, как улыбался ее братишка Энди, стоя у кромки поля во время игр Miami Dolphins.

Может быть, это всего лишь мое видение мира. Но от конца того бурного десятилетия в моей памяти ярче всего сохранились два воспоминания. Они свидетельствуют о веселье и новых возможностях. Возможно, все дело в моем еврейском происхождении. Неважно, насколько сложны времена, верх все равно одерживает смех.

Когда наш космический аппарат сел на Луну, в моей программе гостил Мел Брукс[56]. Он, может быть, самый смешной

человек, которого я встречал в жизни. Нет ничего лучше, чем его «Двухтысячелетний человек»[57].

Я сказал ему: «Давайте сегодня поиграем в двухтысячелетнего человека. Пусть вам будет 2000 лет. Сегодня мы совершили посадку на Луну. Что вы об этом думаете?»

«Во всей Вселенной я больше всего люблю Луну, – ответил он. – Нет ничего лучше Луны. Я поклоняюсь ей. Луна – моя подруга».

«Почему?» – поинтересовался я.

«Потому что я четыреста лет думал, что у меня катаракта. А потом один приятель по имени Ирвинг сказал: “Как прекрасна Луна сегодня вечером!” А я переспросил: “Что-что там прекрасно?!”»

Другое воспоминание принадлежит началу 1970 года, когда Дон Шула был назначен главным тренером Dolphins. Я был распорядителем на приветственном обеде. Собрались все игроки команды.

Мы с Доном стояли на возвышении, когда он спросил меня:

«Кто из них Гриз?»

Он не знал квотербека[58] команды, Боба Гриза. Я показал ему, и Дон попросил меня позвать Боба подняться к нам.

Я пригласил того на помост.

И Шула сказал Гризу: «Я хотел бы обсудить с тобой тактику нападения».

Было межсезонье, игры должны были начаться лишь через несколько месяцев.

«Хорошо, давайте встретимся на следующей неделе», – предложил Гриз.

«Давай завтра», – не согласился Шула.

Тогда я понял, что Шула – человек особенный. И он сделал из Dolphins команду, которая единственная провела сезон идеально. Об этом даже сейчас, спустя 37 лет, продолжают говорить в спортивном мире, а для всех, кто жил в то время в Майами, это осталось так же незабываемо, как и посадка на Луну.

Но я-то на самом деле не принимал в этом участия. И наверное, это был единственный случай в моей жизни, когда я мог бы спросить себя: *Почему я не там?*

Другая точка зрения

Марти Зайгер

Я как-то пошутил: «Знаешь, Ларри, Джордж Вашингтон был отцом нашей страны. А ты – муж нашей страны».

Ларри всегда очень чувствительно относился к подобным вещам. На самом деле он вполне традиционный мужчина. Он не может просто жить с женщиной. Он всегда женится.

Его многочисленные браки объясняются отчасти сочетанием традиционности и пылкости его натуры. Все происходит в мгновение ока. Остальные могут лишь стоять и наблюдать. А потом начинается: «А что это было?»

Герб «Деляга» Коэн

Если честно, все эти многочисленные женитьбы меня не удивили. Сейчас объясню почему. Во-первых, Майами в те годы был совершенно сумасшедшим городом. Здесь бывал Синатра. Здесь был Джеки Глисон. В культуре того времени встречаться с женщинами и вступать с ними в некие отношения было приемлемо.

Теперь соотнесите это с тем фактом, что Ларри постоянно влюблялся. Если Ларри влюблялся, он не просто начинал встречаться с женщиной, как поступали все остальные, он женился на ней. И как ни странно, думаю, он так часто женился именно из-за своего консерватизма. Подобным образом поступала Элизабет Тэйлор – правда, кажется, он ее перещеголял.

Энди Кинг

Сын

Надо сказать, что жизнь часто ставила моего отца перед выбором. Пока я рос рядом с ним, я чувствовал себя как в сказке.

О чем бы я ни мечтал, это могло стать реальностью. Хочешь познакомиться с Джо Наматом[59]? «Сегодня мы с ним обедаем». Я смотрел на Мухаммеда Али в спортзале на Пятой улице, а он делал вид, что боксирует со мной, и перебрасывался со мной шуточками, потому что дружил с моим отцом. Мой отец спрашивал: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» И что бы я ни ответил, он мог устроить мне встречу с профессионалом в любой области. Он брал интервью у человека, связанного с авиацией, и ему предлагали бесплатные уроки вождения самолета. А он отвечал: «Нет, спасибо, но вот моему сыну это, возможно, будет интересно». И вскоре у меня в руках оказывалась лицензия пилота. Мне открывались любые возможности. Жизнь шла под девизом: «Возможно все».

Я всегда знал о том, что мой отец еще раз женился. По крайней мере, мне кажется, я не пропустил ни одного его брака. Он всегда жил только настоящим. И я, видимо, очень рано понял, что для него не может быть «единственной» женщины.

Он знакомился с очередной и спрашивал меня: «Она тебе

нравится?» И я всегда отвечал: «Она может сделать тебя счастливым?»

И он говорил: «Да», – потому что в тот момент действительно был счастлив.

А я говорил: «Будь счастлив».

Марти Зайгер

Брат

Каждый, кто видит Ларри, воспринимает его сквозь призму собственного опыта. Помните, как в фильме «Расемон»[60]? Одна и та же ситуация в разных глазах выглядит совершенно по-разному.

Я помню, какой красавицей была Элин. Я был шафером на их свадьбе, правда, уже на второй. Я помню, как они смеялись на той церемонии. Каждая свадьба Ларри была счастливым событием. Но в тот раз они смеялись как-то особенно легкомысленно. И у меня сразу возникло ощущение, что это опять ненадолго.

Насколько я знаю Ларри, ему, вероятно, было очень тяжело отдавать на удочерение своего ребенка.

Хая Кинг

Дочь

Еще в начале своей карьеры мой отец проявил себя как очень дотошный собеседник. Теперь это не так явно видно, потому что общество стало другим. Теперь передача должна идти в быстром темпе. И в дискуссии участвуют многочисленные зрители. Но его истинный дар – в разговоре один на один, в умении понять, что у человека за душой. Он действительно обладает талантом проникать вглубь, не используя угроз. Но он никогда не применял свой талант в личной жизни.

Не стану утверждать, будто точно знаю, что стоит за многочисленными браками моего отца. Я не специалист по семейным отношениям. Но одну вещь знаю точно. Если вы рискнули кого-то полюбить и открыть ему свое сердце, нужно быть готовым и к возможным страданиям. Я думаю, жизненный опыт моего отца каким-то образом связан с тем, что он потерял собственного в раннем возрасте. И отношения его с людьми во взрослой жизни можно воспринимать как способ защитить свое сердце от новой боли.

Глава 9
Проблемы

Я видел свою фотографию из полицейского архива. Их иногда публикуют в желтой прессе под заголовками типа «Фотографии знаменитых арестантов». Моя идет следом за Синатрой. Многие из знаменитостей подвергались аресту.

Но я не горжусь этим. Когда меня фотографировали в отделении, полицейские относились ко мне не как к преступнику. Они все хорошо знали меня и были добры ко мне. У меня взяли отпечатки пальцев, сфотографировали и через десять минут отпустили под мою личную ответственность. Кто-то из них даже помог мне выйти через служебный вход, чтобы не попасться на глаза журналистам.

Когда я вспоминаю об этом, то с трудом могу поверить, что подобное могло произойти со мной на самом деле. Как говорится, я играл не на свою лигу. Убийство Джона Кеннеди. Мультимиллионер. Прокурор округа. Прокурор штата. Пачки стодолларовых купюр в коричневых конвертах. И крошка Ларри Зайгер из Бруклина. Что я там делал? И в конце концов попался. Но это случилось не в одночасье. Я много лет не мог разобраться со своими финансами: весь в долгах, я занимал у одних, чтобы отдать другим. Рано или поздно все должно было закончиться. Я только не думал, что попаду под арест. Вот как это произошло.

Одним из фанатов моих передач был Лу Вольфсон. Выдающийся финансист, он вырос в Джексонвилле, а потом поселился в Майами. Его предки были либеральными демократами. Сам он играл в футбол за Университет Джорджии. В 1960-х Лу получил известность как «Великий Рейдер» за ряд переделов корпоративной собственности, которые в 1980-е обрели такую дурную славу. В конце концов он создал промышленно-коммерческую империю, которая, как говорят, стоила более четверти миллиарда долларов, и купил знаменитого скакуна Аффемида, победителя «Тройной короны». Он даже пытался приобрести Черчилль-Даунс[61].

Невозможно было жить во Флориде в 1960-е и не знать, кто такой Лу Вольфсон. Однажды на ипподроме в Хайлиа я шел делать ставку, как кто-то окликнул меня из ложи. Это был Лу Вольфсон. Лу Вольфсон окликнул *меня* по имени.

Он сказал, что ему очень нравятся мои программы, и мы с ним договорились пообедать на следующей неделе. Федеральные власти подозревали его в махинациях на бирже. Это был 1966

год. Но я тогда об этом ничего не знал.

С того обеда и началась наша непростая дружба. Лу годился мне в отцы, и его отношение ко мне действительно было по-отцовски покровительственным. Когда он узнал о моих финансовых затруднениях, то искренне решил мне помочь. Он предложил вложить деньги в новую программу, которая одновременно стала бы информационным агентством и могла приносить больше средств, чем я зарабатывал.

В нашей крепнущей дружбе с Лу было много плюсов. Лу верил, что в Америке нет ничего более могущественного, чем средства массовой информации. Однажды он сказал мне: «У меня могут быть все деньги мира, но у меня нет доступа к людям. А у *тебя* он есть». Позже я оценил ту силу, которую он видел в моих связях.

Вот пример того, каким человеком был Лу. Он слушал программу, в которой я брал интервью у Ральфа Надера[62]. Это было в те времена, когда Ральф делал себе имя на процессах с автомобильными компаниями, которые выпускали автомобили, не принимая во внимание безопасность водителей. General Motors даже наняла частных детективов, чтобы собрать на Надера компромат. Но он все равно выиграл процесс, и это привело к изменению транспортных законов. Именно благодаря Ральфу Надеру мы теперь пользуемся ремнями безопасности.

Лу выписал Надеру чек на 25 тысяч долларов и послал ему его с припиской: «Мой друг Ларри Кинг говорит, что вы – крутой парень. Я с удовольствием поддерживаю таких, как вы».

Через неделю Лу позвонил мне и сказал, что Надер вернул чек. К нему он приложил письмо, в котором объяснил, что не принимает никаких пожертвований в размере больше 15 долларов. Он объяснил, что если примет такие большие деньги, то у него возникнут проблемы. Лу жил в мире, где считалось правильным давать чаевые метрдотелю, чтобы получить тот столик, который хотел, и отказ принять деньги в качестве подарка был для него удивителен.

Наша дружба крепла. Мы нередко вместе обедали и путешествовали. Иногда Лу звонил мне специально, чтобы я представил его определенным людям. Иногда я знакомил его со своими друзьями или приятелями, которым нужны были деньги на какое-нибудь хорошее дело. «И сколько вам нужно?» – спрашивал Лу, доставая чековую книжку. По мере того как мы сближались, Лу стал одалживать мне деньги, чтобы я мог рассчитаться с кредиторами.

Неприятности начались после того, как Лу заинтересовался интервью, которое я взял у окружного прокурора Нового Орлеана

– Джима Гаррисона.

Гаррисон считал, что убийство Джона Кеннеди не могло быть осуществлено Ли Харви Освальдом в одиночку. Он был уверен, что это было результатом крупного заговора, центром которого был Новый Орлеан, и, как окружной прокурор, собрал много информации, неизвестной широкой общественности. На то, чтобы рассказать вам все, у меня бы ушло часа три, не меньше. Честное слово, проще взять в прокате фильм JFK. В фильме Оливера Стоуна весьма точно переданы воззрения Гаррисона.

Гибель президента Кеннеди была самым крупным событием 1960-х. Страна была в шоке, но весь ужас состоял в том, что никто не мог понять, как такое случилось. Это была неразрешимая загадка. Все хотели знать, что же на самом деле произошло 22 ноября 1963 года. Я брал интервью у полицейского, который арестовал Освальда. Я спросил, говорил ли тот что-нибудь при задержании. Оказалось, что он сказал: «Я идиот». Конечно, он имел в виду, что его подставили. Когда комиссия Уоррена опубликовала отчет, в котором говорилось, что Ли Харви Освальд действовал в одиночку, большая часть населения не поверила этому. Я спрашивал об этом у Джеральда Форда – одного из членов этой комиссии. Любой, кто мог сказать хоть что-нибудь об убийстве, был желанным гостем на моих программах, потому что все желали знать правду. Но логичной картины не складывалось. Джон Конналли[63] со своей женой Нелли сидел в том же автомобиле с откидным верхом впереди президента и Жаклин Кеннеди. Он тоже был у меня на шоу. Они с женой никак не могли подсчитать, сколько же именно выстрелов прозвучало, потому что Конналли уверял, что не слышал выстрела, которым был ранен сам. Я помню, как он показывал мне след от пули на своем запястье. А последними словами, с которыми Нелли обратилась к Кеннеди перед тем, как раздались выстрелы, были:

«Мистер президент, нельзя сказать, что в Далласе вас не любят».

Было вполне естественно, что такой человек, как Вольфсон, который был крепко связан с Демократической партией, интересовался версией Гаррисона. После передачи Лу позвонил мне и спросил, могу ли я устроить обед с Гаррисоном. А также попросил привести с собой моего приятеля, прокурора из Майами Дика Герштейна. То, чем занимался Герштейн, было очень похоже на то, что делал Гаррисон. И Лу считал, что взгляд такого юриста, как Герштейн, поможет заполнить любые пробелы в построениях Гаррисона.

Мы отправились в ресторан на Майами-Бич: Лу, парочка прокуроров и я. Гаррисон рассказал о своей точке зрения. Лу

расспрашивал его без перерыва – от закусок до десерта. Мы с Диком сидели и слушали.

Когда обед подошел к концу, Лу взглянул на Дика и спросил:

«Вы ему верите?»

«Я не видел улик, – ответил Герштейн, – но я очень уважаю Джима. Исходя из того, что он нам тут рассказал, я бы сам хотел узнать об этом побольше».

Мы отправились в отель, где остановился Гаррисон, чтобы послушать записи разговоров с людьми, которых он опрашивал. Хотелось бы мне восстановить ту атмосферу тайны, которая царила тогда в комнате. Чем больше мы слушали, тем больше нам хотелось знать.

Проблема Гаррисона была в том, что власти штата Луизиана отказывались финансировать его расследования. Не забывайте, что убийство произошло на территории Техаса. А Гаррисон работал на деньги новоорлеанских налогоплательщиков. «Многие считают, что я уже слишком глубоко копаю, – сказал он нам, – и не желают, чтобы я лез еще дальше. И я не смогу продолжать, если у меня не будет средств. Все, что я мог сделать на данном этапе, я сделал».

«Сколько вам нужно?» – спросил Лу.

«Примерно 25 тысяч».

Если бы Лу тогда просто достал чековую книжку и выписал бы Гаррисону чек на 25 тысяч долларов, моя фотография никогда бы не оказалась в полицейском архиве и на страницах газет. Все было бы совершенно законно. Но Лу решил поступить иначе. Он решил внести деньги пятью частями – наличными, которые передавал бы Гаррисону через меня и Герштейна. Эта задумка – передавать деньги через меня Герштейну, чтобы тот передавал их Гаррисону, – выглядит сегодня идиотской, но тогда мы смотрели на это совершенно по-другому. По сведениям Гаррисона, люди, которые узнавали что-то о заговоре против Кеннеди, вскоре оказывались мертвы. Так что было немало веских причин, чтобы не оставлять никаких следов.

Я так увлекся расследованием Гаррисона, что согласился помогать ему, не раздумывая. Точно так же, как и Герштейн. Мы чувствовали, что принимаем участие в чем-то очень значительном. К тому же передача наличных была вполне осуществимым делом. Время от времени Герштейну и Гаррисону приходилось встречаться по делам. Так что это нельзя было назвать нелогичным.

Каждое слово Гаррисона рисовало заговор против Кеннеди во все более зловещем свете. Я никогда не забуду, как вез Гаррисона в аэропорт. Выйдя из машины, он наклонился к моему окошку и

проговорил: «Не пройдет и года, как они убьют Роберта Кеннеди», а потом ушел.

Лу давал мне конверт с пятью тысячами долларов в стодолларовых купюрах. Я передавал его Герштейну. А тот – Гаррисону. Однако то ли вторая, то ли третья выплата – уже не помню точно какая – пришлась на тот момент, когда я никак не мог связаться с Герштейном. Да тут еще у меня возникли проблемы с налогами. Поэтому я позвонил Лу и спросил, нельзя ли мне использовать эти деньги для уплаты налогов. Мне должны были вот-вот поступить деньги, и я сказал Лу, что, как только они поступят, я передам пять тысяч долларов Герштейну. Лу сказал, что согласен и все в порядке.

Вскоре после этого Лу обвинили в продаже незарегистрированного пакета акций. Дело было очень запутанным.

Однако он начал понимать, что, для того чтобы не попасть в тюрьму, своих адвокатов ему будет недостаточно. Мы были вместе, когда его секретарь принял телефонный звонок от судьи Верховного суда Эйба Фортаса.

Фортас представлял Линдона Джонсона в 1948 году, когда возникли сомнения в его истинности его победы на предварительных выборах в Сенат от Демократической партии в Техасе. Джонсон получил свое место в Сенате благодаря Фортасу, и тот стал одним из самых доверенных его советников. Когда Джонсон стал президентом, он пожелал сделать Фортаса верховным судьей. Проблема была лишь в одном: Фортас был евреем. В те времена в Верховном суде не могло быть двух судей-евреев. Это неписаное правило сегодня не действует. И что же тогда сделал Джонсон? Он попросил Артура Голдберга подать в отставку. Он предоставил ему место представителя в ООН только для того, чтобы назначить Фортаса в Верховный суд. Голдберг не должен был уходить. Его должность была пожизненной. Но Джонсон убедил, что он нужен ему в ООН, что было полной чушью. Представителем в ООН мог стать кто угодно. Но Голдберг согласился оставить свой пост, чтобы Джонсон смог сделать Фортаса верховным судьей.

Лу Вольфсон послал Фортасу чек на сумму 20 тысяч долларов через свой фонд. Фортас должен был выступить с обращением к Еврейской организации, и Вольфсон брал на себя все расходы по этому делу. В этом не было ничего противозаконного. По-моему, это произошло как раз незадолго до того, как Фортас звонил Вольфсону.

Разговор был недолгим, но по лицу Вольфсона я понял, что он не получил того ответа, на который рассчитывал. Повесив

трубку, Лу произнес лишь три слова, и прозвучали они очень холодно: «Это называется дружбой».

Лу ожидало судебное разбирательство, и, как я понимаю, он был вынужден схватиться за последнюю соломинку, то есть за меня.

Ричард Никсон только что выиграл президентские выборы 1968 года. Я много раз брал у него интервью и был знаком с его близким другом Бебе Ребозо. Бебе устроил праздничный завтрак на принадлежащей Никсону вилле в Ки-Бискейн, куда была приглашена пара дюжин гостей, в том числе и я.

Никсон на протяжении утра разговаривал наедине с каждым из нас. Когда он подошел ко мне, он сказал: «Ларри, я понимаю, что мы не всегда были во всем согласны, но в своей программе ты ко мне всегда относился по-честному. Теперь, когда у меня есть такая возможность, скажи, могу ли я что-то для тебя сделать?»

Можно ли было ожидать лучшего случая?

«Да, мистер президент».

Я рассказал ему, что Лу Вольфсон – мой друг. Никсон дал понять, что ему известно о Лу. Я пояснил: Лу считает, что его собираются обвинить в преступлении, которого он не совершал, и у него есть документы, подтверждающие это. Никсон подозвал маленького лысого человечка, которого представил мне как Джона Митчелла, руководителя президентской кампании. И сказал, чтобы я переслал все документы Джону и что Джон потом свяжется со мной.

Можете себе представить, насколько был восхищен Лу, когда я рассказал ему об этой встрече. Он передал мне документы и весь следующий месяц постоянно звонил мне, чтобы узнать, не получил ли я ответа от Митчелла. Но, когда Митчелл наконец позвонил, новости оказались нерадостными. Он заявил, что ничего не может сделать для Вольфсона.

Теперь я был должен сделать звонок, чего мне совсем не хотелось. Лу был не из тех, кто принимает отрицательные ответы. А мне всегда сложно сказать «нет». Теперь-то я понимаю, что сделал большую глупость, когда проявил слабость и сделал то, чего никогда не делал в эфире, – солгал. Я сказал Лу, что Митчелл заинтересовался его юридической дилеммой.

Лу был в восторге. И сыграл на еще одной моей слабости. Он выдал мне несколько тысяч долларов в качестве аванса для фирмы Митчелла, чтобы она занялась этим делом. А кроме того, сказал мне то, о чем я до сих пор никогда не рассказывал. Вот что сказал мне Лу: «Скажи им, что я хочу основать организацию под названием

“Демократы за Никсона”. Она будет действовать в течение

четырех лет, и каждый год я буду вкладывать туда миллион».

Ситуация стала выходить из-под контроля, но все-таки выглядела не такой плачевной, как мое финансовое положение. Я использовал деньги, которые выдал мне Лу, на то, чтобы оплатить часть долгов. Моя игра с финансами продолжалась. И я все ждал случая вылезти из неприятностей. Ну, вы же меня знаете, я думал: «Ладно, как-нибудь справлюсь».

Приближался суд над Лу. Ждали и инаугурации Никсона. Он прибыл в Нью-Йорк и остановился в Pierre Hotel. Я полетел в НьюЙорк, позвонил в отель и попросил о разговоре с президентом. Меня попросили подождать. Я ждал, ждал и ждал. Сознавая, что я собираюсь сделать, на самом деле я где-то в глубине души и не хотел, чтобы мне ответили.

«Привет, Ларри, – голос Никсона нельзя было спутать. – Что я могу для тебя сделать?»

Я сказал, что мне крайне необходимо его увидеть. Он ответил, что вечером вылетает в Вашингтон, но до этого собирается на небольшую прогулку, чтобы по пути захватить свою жену. И пригласил меня присоединиться к нему.

Я отправился в отель. В холле было полно журналистов, телеоператоров и агентов спецслужб. Когда спустился Никсон, один из его помощников увидел меня и подвел к нему. Ларри Зайгер выходил из отеля вместе с президентом Соединенных Штатов в окружении спецагентов.

Вечер был прохладным, и в начале нашей прогулки Никсон пошутил: «Что бы ни привело тебя сюда, это должна быть веская причина, чтобы согласиться променять солнышко Майами на эту погодку».

В жизни бывают критические моменты, и этот был как раз таким. Я собирался предложить президенту четыре миллиона долларов Лу и фонд «Демократы за Никсона». Иными словами, я собирался просить президента помиловать моего друга.

«Ларри, так что же я могу для тебя сделать?»

Но я не смог произнести нужных слов. Если бы я внес предложение Лу, вы бы сегодня вряд ли смогли видеть меня по телевизору.

Потому что, уверен, если бы эти слова прозвучали, рано или поздно это вышло бы на поверхность и меня бы арестовали за участие в заговоре и попытку подкупить президента. О последствиях я даже думать не хочу. Единственное, что я смог придумать в тот момент, – это попросить Никсона принять участие в моей программе после инаугурации.

«Почему ты не спросил об этом по телефону?» – удивился он.

«Мне было необходимо сделать лично», – ответил я.

Окончание нашей прогулки прошло в некотором смущении, но это были цветочки по сравнению с тем, что я почувствовал, когда входил в дом Лу Вольфсона, вернувшись во Флориду. Он-то был уверен, что Никсон примет деньги.

Ситуация была совершенно безвыходной. Тут уж моя матушка помочь мне никак не могла. Точно так же, как Деляга Герби. И ни один банкир не пришел бы ко мне на помощь. Я был в западне. Я посмотрел Лу прямо в глаза и рассказал ему чистую правду обо всем, что произошло. Он не кричал. Он не подал виду, что разгневан. Но я видел, что внутри у него все кипит.

«Пошел вон», – сказал он. И это были последние слова, которые произнес, обращаясь ко мне, Лу Вольфсон.

Лу был приговорен к заключению в тюрьме самого легкого режима. Прежде чем его отправили отбывать срок, один из его компаньонов передал мне график выплат моих долгов. Я пытался выдержать этот график, но у меня ничего не получилось.

Я мечтал только о том, чтобы все поскорее закончилось. Это было странное время. Я был популярен, как никогда, и вел репортажи об играх Miami Dolphins. Я пытался разобраться с финансами, постоянно занимая деньги, чтобы отдать долги. Но призрак Вольфсона преследовал меня повсюду. В 1969 году в журнале *Life* появилась статья, в которой раскрывались подробности выплат Вольфсона судье Фортасу. Они не были противозаконными. Фортас был честным человеком. Но факт, что судья Верховного суда брал деньги у преступника, был ужасен. Фортас был вынужден подать в отставку. Но на этом история не закончилась.

После того как Вольфсона выпустили из тюрьмы, моя жизнь окончательно превратилась в театр абсурда. Я кое-как наскреб пять тысяч, которые должен был отдать, и послал их ему. Но Лу не пожелал принять деньги. Он хотел другого.

Он подал на меня иск через прокурора штата *Дика Герштейна*. Только подумайте! Он подал иск через человека, который брал его деньги у меня и передавал их Гаррисону. И, как оказалось, Герштейн с Гаррисоном не каждый раз встречались, как было условлено. Одну из пятитысячных выплат Вольфсона Герштейн так и не передал Гаррисону. Он держал эти деньги в течение года, а потом послал их обратно Вольфсону.

Герштейн определенно не хотел заводить на меня дело. Он был моим другом. И конечно же, не хотел, чтобы вскрылось его собственное участие во всех этих разборках. Он был вынужден отказаться от дела. Но это не пошло ему на пользу. Стали раздаваться голоса, призывающие к его отставке.

20 декабря 1971 года мне было предъявлено обвинение в

хищении в особо крупных размерах, тогда-то и был сделан снимок для полицейского архива. Когда в тот же вечер я приехал на радио, главной новостью на моем же канале был мой арест. Генеральный менеджер встретил меня, когда я входил в студию. Он сказал, что, вероятно, будет лучше, если сегодня я не стану выходить в эфир. Я был под подозрением, и студия не хотела иметь со мной никаких дел. Точно так же поступили и телеканал, где я работал, и газета, для которой я писал статьи. Я пытался возражать, что в Америке действует презумпция невиновности. Но это не приняли во внимание.

Слушание дела было назначено на утро понедельника месяц спустя. В ночь накануне председатель суда слег с сердечным приступом. Нельзя сказать, что я мечтал увидеть в газетах заголовки типа: «Судья потерял сознание, читая дело Кинга».

Мой адвокат считал, что мы легко справимся с обвинениями. Но все оказалось еще проще. Вступили в действие сроки давности. Пару месяцев спустя другой судья закрыл дело. Я был в восторге – но, как оказалось, радовался рано: я не был реабилитирован полностью. WIOD заявила, что дело было слишком скандальным и они не могут взять меня обратно на работу. Телеканал и газета поступили так же.

Я чувствовал свою силу лишь тогда, когда был в эфире. Жизнь была разрушена, и я не знал, чего ждать. Друзья отнеслись ко мне с сочувствием, и в некоторых газетах появились выступления в мою защиту. Но мне было стыдно. Я даже матери не смел смотреть в глаза. Моя мать, которая когда-то получала у мясника лучшие бараньи отбивные лишь потому, что собиралась приготовить их для *Ларри Кинга*, не могла даже говорить о том, что произошло. «Что они сделали с моим бедным сыночком…» – вот и все, что она смогла сказать.

Мне исполнилось 37. У меня не было работы, лишь пара сотен тысяч долларов долгов. И четырехлетняя дочь. Когда мы встречались с Хаей, я водил ее гулять в наш с ней «тайный» парк. Это было тяжелее всего – смотреть на дочь и понимать, что я не способен ее обеспечить.

Дела шли чем дальше, тем хуже. Я превратился в затворника. К концу мая у меня осталось всего 42 доллара. Квартира была оплачена до конца месяца. Я заперся дома и думал лишь о том, что меня ждет. Скоро мне будет не на что даже купить сигарет. Я вспоминал, как в далекой юности оказался в одиночестве в Нью-Йорке – продрогший, без сигарет и денег, чтобы их купить, и как мне пришлось взломать автомат, чтобы добыть пачку.

Ко мне зашел друг и стал убеждать меня вернуться к нормальной жизни. Он пригласил меня на бега. Делать все равно

было нечего, и я решил, что, может, действительно стоит пойти прогуляться, пообедать и посмотреть на лошадок.

Никогда не забуду тот день. Я надел джинсовый костюм от Пьера Кардена, в котором не было ни одного кармана, и поехал на ипподром Калдер. Как сейчас, вижу лошадей, разогревающихся перед третьим забегом. Там была кобыла по кличке Леди Форли – единственная среди жеребцов.

Обычно кобылы не выигрывают у жеребцов. Я, конечно, не имею в виду дорогих породистых кобыл. Ставки на нее принимали 70 к 1. Но у меня совершенно отвисла челюсть, когда я глянул на результаты предыдущих забегов. Вокруг было много людей, беседующих о скачках. Я повернулся к ближайшему любителю и поинтересовался:

«Послушайте, эта лошадь победила три забега назад почти в такой же компании. Почему же на нее ставят 70 к 1?»

«Ну, – пожал плечами мужчина, – в этом забеге участвует парочка новых коней».

«Допустим, однако можно было ставить хотя бы 20 к 1. Но не 70 же!»

Я поставил на победу этой кобылы 10 долларов. И продолжал приглядываться к ней. Чем больше я на нее смотрел, тем больше она мне нравилась. Поэтому я решил сделать полную ставку. Я поставил на то, что Леди Форли обойдет каждую из лошадей, и на то, что она проиграет каждой из лошадей. Такую ставку называют «колесом».

Но на этом я не остановился. «Подожди-ка, – сказал я себе. – Еще осталось четыре доллара. Пачка сигарет у меня осталась. Правда, надо дать пару баксов служителю на автостоянке. Значит, у меня еще есть деньги на тройную ставку».

Мой день рождения – 19 ноября. Леди Форли шла под номером одиннадцать. И я поставил на выигрыш одиннадцатого номера, на второе место первого номера и на третье место – девятого.

Когда начался забег, у меня оставалось два доллара – их я должен был отдать на чаевые.

Лошади вырвались из ворот. Первым мчался первый номер, вторым – девятый, а третьей была Леди Форли, номер одиннадцать. Потом она обошла девятого, затем первого, и они промчались весь круг именно в этом порядке. Сомнений быть не могло. Номер одиннадцатый обошел первый на пять корпусов, а тот, в свою очередь, на три корпуса опередил девятый номер. Я выиграл! Я не мог не выиграть. Ведь у меня было «колесо» и ставка на три первых места. А когда я подсчитал, сколько выиграл, то был вне себя от счастья. Получилось почти 8000

долларов. *Восемь тысяч!*

Это был, наверное, один из счастливейших дней моей жизни – и уж точно самый сумасшедший. Только вот карманов у меня не было. Поэтому я запихал все деньги под куртку. Она раздулась, как шар. Я понятия не имел, что с ней делать. Я выскочил с ипподрома. Служитель на стоянке подошел ко мне и удивился:

«Вы так рано уезжаете?»

«Угу».

«Неудачный день, мистер Кинг?»

Я дал ему 50 долларов. Он едва не хлопнулся в обморок.

Мне нужно было убедиться, что все это правда. Поэтому я заехал на пустырь, где сейчас построен стадион Дольфин. Припарковался где-то в бурьяне и расстегнул куртку. Деньги высыпались на сиденье. Там было около 79 сотен долларов.

Я выплатил алименты на весь следующий год. И заплатил за год за квартиру. Я купил 20 блоков сигарет и до отказа набил холодильник.

Гораздо проще вспомнить все детали того удивительного дня, чем все то, что сопутствовало ему. У меня не было работы, и я сидел по уши в долгах. Мне крайне был необходим новый старт. Моему товарищу из Луизианы, который работал на ипподроме, требовался рекламный агент, и я отправился туда, на новое место работы.

В Луизиане оказались милейшие люди. Работа давала мне возможность аккуратно высылать деньги на содержание дочери. Начались игры Футбольной лиги, и я стал комментатором матчей местной команды Shreveport Steamers. Местные болельщики, да и сами спортсмены не могли такому поверить. Комментатор самих Miami Dolphins теперь ведет репортажи с *их* игр! Я рассказывал собеседникам за обедом байки, которые когда-то рассказывал мне Синатра, и люди смотрели на меня с недоверием. Так что я испытывал двойственные чувства. Я чувствовал себя значительным и, как ни странно, только теперь осознал, что я потерял. Я ни разу не разговаривал ни с Синатрой, ни с кем-то еще из тех, у кого брал интервью в Майами. Мне было стыдно.

Я пробыл в Луизиане больше года. В это время разразился Уотергейтский скандал[64]. И кто же оказался в центре его? Тот самый маленький толстенький лысенький человечек по имени Джон Митчелл, который стал генеральным прокурором. Я не был в эфире, когда стало известно о взломе штаб-квартиры демократов и о том, что Никсон подал в отставку. Мне показалось, что какая-то часть меня умерла. Мне хотелось быть там. Хотелось принимать во всем этом участие. После того как ты был в центре событий, трудно оставаться в стороне.

Ипподром сменил владельца, и моей работе пришел конец. Но у меня уже была другая: я был приглашен комментатором футбольных игр в Калифорнийский университет. Я решил начать новую жизнь на Западе. До начала сезона оставалось несколько месяцев, и я поехал во Флориду повидаться с матерью, Хаей и Энди.

К этому времени у матери развилась болезнь почек. Однажды, когда я помогал ей добраться до ванной, зазвонил телефон. Я поднял трубку, и голос секретаря сказал мне: «Оставайтесь на линии, с вами будет говорить Джо Абернати».

Джо стал новым генеральным менеджером WIOD.

«Добрый день, – сказал Джо. – Как поживаете?»

Я рассказал ему о своих планах начать все сначала в Калифорнии.

«Я слышал ваши программы, – проговорил он, – и читал о том, что произошло. И не могу понять, почему WIOD вас отпустило. Вы не хотели бы вернуться обратно?»

Я прирос к месту, не зная, что и сказать.

«Мы не сможем платить вам очень много, но я лично о вас позабочусь».

Мать плакала. Мне не нужно было переезжать на другой конец страны. Я мог остаться с ней.

Прошло немного времени, и я вновь смотрел, как часы отсчитывают минуты до эфира, из вращающегося кресла в студии WIOD. Звукоинженер дал мне сигнал. Как обычно, я понятия не имел, что собираюсь сказать. Но, когда наклонился к микрофону, первые слова, слетевшие с моих губ, дали мне понять, что я дома и у меня снова все под контролем.

«Как я уже говорил…»

Оглядываясь назад, я благодарен судьбе за все, что произошло. Иногда необходимо упасть, чтобы подняться.

Другая точка зрения

Энди Кинг

Сын

Когда я в детстве проказничал, меня отправляли в свою комнату. Но когда я выходил оттуда, жизнь шла дальше. Отец никогда не ворчал и не злился на меня долго: он умел прощать.

И мне кажется, что я так же смотрел на него в то время, когда у него были неприятности. Я переживал из-за того, что он принимал неверные решения. Но не мог держать на него зла. Дело было не в том, что он был плохим. Он просто сделал

неправильный выбор.

Герб «Деляга» Коэн

Друг

В те годы я потерял связь с Ларри. Но я хорошо понимал, что корни финансовых проблем, с которыми он столкнулся, лежат в его детстве.

Ларри всегда был на мели. У А-Бэ были деньги, поскольку у его брата была телемастерская в Короне. Ларри просил: «А-Бэ, одолжи мне пять баксов».

А-Бэ одалживал. Потом они начинали о чем-нибудь спорить. Они все время о чем-то спорили. Ларри хорошо умел выражать словами свои мысли. А-Бэ был, как бы сказать, несколько более медлителен, чем Ларри. И когда чувствовал, что не может переспорить Ларри, то быстро менял тему и спрашивал: «А где мои пять баксов? Не пора ли мне их отдать?»

Конечно, у Ларри не было никаких денег. Потом он находил какую-нибудь работу, получал деньги и приходил к А-Бэ: «Вот твои пять баксов».

Но А-Бэ не брал у него деньги. Он говорил: «Да мне не нужно, Ларри, оставь их себе».

Но как только в следующий раз они начинали спорить, А-Бэ опять говорил: «А где мои пять баксов?»

Правда, когда у Ларри появлялись деньги, он их не брал. Ему было нужно средство давления на следующий раз, когда они станут спорить с Ларри.

У Ларри всегда были проблемы с деньгами, и даже не потому, что он много тратил. Просто, когда кто-то просил у него денег, он всегда их давал. Сам же оставался с пустым кошельком, и ему нужно было занять у кого-то, чтобы расплатиться с теми, у кого он брал в долг раньше. Так было у него в Бенсонхерсте, так было, по всей видимости, и в Майами, пока не достигло действительно критического предела.

Мне кажется, что в глубине души Ларри был уверен, что, если бы он обратился в тот момент ко мне, у него не было бы всех этих неприятностей. Когда в 1970-е наша дружба возобновилась, она стала еще крепче, чем раньше.

Однажды в момент отчаяния он сказал: «Герби, как ты считаешь, я никогда не смогу правильно обращаться с деньгами?»

И я ответил: «Сможешь. Вот станешь зарабатывать больше и наймешь кого-нибудь, чтобы он следил за твоими финансами. Тогда у тебя не будет никаких проблем». Так и произошло.

Глава 10
Нужный момент

Вот вам еще одна старая шутка. В ней, на мой взгляд, показана суть комедии и даже, может быть, самой жизни. Попросите кого-нибудь спросить вас, что делает комика великим, и, когда человек начнет повторять ваш вопрос, крикните: «НУЖНЫЙ МОМЕНТ!»

Чувство нужного момента – врожденное. Если в вас его нет, вам не повезло. Если оно у вас есть, все остальное придет само. По каким-то причинам в моей жизни всегда все происходило в самый нужный момент.

В конце 1977-го мне позвонили, и этот звонок изменил всю мою жизнь. Мне звонил человек по имени Эд Литтл, управляющий Mutual Broadcasting System. Эд был велик, как сама жизнь: 250 фунтов веселья и исключительный талант продавца.

Если вы видели его в действии, то сразу становилось ясно, почему ему сопутствует такой успех. Однажды я видел его за работой. Эл продавал площади под рекламу на футбольном матче в университете Нотр-Дам. Три четверти площадей было продано, осталась последняя четверть. И вот он звонит главе одной пивоваренной компании, требует его к телефону и с возмущением спрашивает:

«Почему вы мне не перезвонили?»

«В каком смысле? – не понимает глава компании. – Я не получал сообщения о вашем звонке». (Естественно, не получал, поскольку Эд ему не звонил.)

«О, боже, боже, боже! – стонет Эд. – Я специально оставил для вас последнюю четверть рекламных площадей на футболе в Нотр-Дам. А вы мне не перезвонили! А теперь она занята!»

«Погодите, Эд, – начинает нервничать глава компании. – Вы же хотели предложить ее *мне*. У меня есть право на эту последнюю четверть! Вы же звонили *мне* и оставляли сообщение! Так нечестно, Эд!»

«Ну, я не знаю, что теперь делать».

«Вы можете все переиграть?»

«Не знаю. Это будет трудно. Но я могу попытаться…»

Как гласит пословица, Эд мог продать кондиционеры на Аляске. А если и Эд не смог бы, то уж точно этого не смог бы сделать никто. Поэтому в конце 1977 года Эд Литтл задумался о будущем рекламы на длинных волнах: он понимал, что ей скоро придет конец.

Верх неумолимо брал FM-диапазон. В этом диапазоне чистота приема была лучше, и ясно, что вскоре люди откажутся слушать музыку на длинных волнах. Станциям, работающим на длинных волнах, с каждым днем будет все труднее продавать рекламное время, и не за горами день, когда это станет попросту невозможно. Эд осознал, что радио на длинных волнах должно измениться в корне. И увидел во мне импульс к этому изменению. Он спросил, интересует ли меня место ведущего в первом национальном ток-шоу на радио.

Mutual Broadcasting System я знал с самого детства. «Одинокий Рейнджер». «Тень». В 1930-е и 1940-е радиосеть MBS была объединением независимых станций, которые запускали разнообразные шоу, с успехом конкурировавшие с программами NBC, CBS и ABC. Я помню микрофон MBS перед Франклином Делано Рузвельтом на черно-белых фото времен Великой депрессии, когда он произнес ту знаменитую фразу своей первой президентской речи: «Единственное, чего нам нужно бояться, – это самого страха».

Не знаю, предвидел ли Эд Литтл захват длинноволнового эфира правыми фанатиками вроде Раша Лимбо[65], которые управляют им сегодня. Но он был точно уверен, что выжить длинные волны могут только за счет национальных ток-шоу. Не все были с ним согласны. Ему возражали, что то, что интересует людей в Майами, скорее всего, не будет интересовать жителей Денвера. Но Эд видел на шаг вперед. «Я считаю, что национальное ток-шоу, которое будет идти всю ночь, будет иметь успех, – сказал он, – главное, чтобы всей стране был интересен ведущий. Шоу не может быть только политическим или только развлекательным. В нем должно быть все». Вероятно, Эд знал, сколько в нашей стране людей, страдающих бессонницей. Он поинтересовался у меня, не хочу ли я попробовать вести такую программу с полуночи до пяти утра.

Момент был выбран удачнее некуда. Не знаю, согласился бы я переехать в Вашингтон, если бы мать была еще жива. Последние годы ее жизни я находился рядом с ней. А незадолго до предложения Mutual женился на Шэрон, бывшей учительнице математики. Она посчитала идею ночного шоу интересной и поддерживала меня в решении уехать из Майами. И еще я нашел хорошего агента – Боба Вульфа. Боб представлял интересы многих бейсболистов, а со временем стал работать с баскетбольной звездой Ларри Бердом. Он был гостем моей программы и предложил мне стать его клиентом. Но просто агентом Боба называть нельзя. Боб для своих клиентов был мать, отец и почти что супруг. Я разговаривал с ним каждый день, и он

привел мою жизнь в норму.

Мое отношение к деньгам осталось в общем прежним. Как говорит мой друг Герби: «Люди не меняются, меняются только обстоятельства». В Майами никогда много не платили. Если бы я остался там, то, наверное, и по сей день не рассчитался бы со своими долгами. Боб решил, что в моей жизни нужны перемены. Он договорился с Mutual о более высокой зарплате для меня и передал управление моими средствами инвестиционной компании в Бостоне.

Вначале новое шоу базировалось в Майами. Джеки Глисон и Дон Шула были моими первыми гостями. В ту ночь только 28 маленьких станций по стране передавали нашу программу. В январе 1978-го еще не существовало ночных рейтингов. По крайней мере я такого не помню. Знаю только, что все пошло хорошо с самого начала. Программа была серьезной, но сама себя всерьез не воспринимала. В этом и была ее прелесть. За одну секунду настроение могло меняться – от гениальных прозрений до истерического хохота.

Ничего подобного в эфире еще не было. Были, конечно, какие-то местные диджеи со своими утренними фишками. Но не было такого сплава юмора и серьезных разговоров, а также слушателей со всех концов страны, которые могли звонить в эфир. Формат передачи оставался неизменным на протяжении многих лет. Я в течение часа задавал вопросы гостю (или гостям). Потом приглашенные отвечали на вопросы слушателей по телефону – на это отводилось два часа. А потом шли два часа свободного общения в эфире, когда каждый мог позвонить в студию с любым вопросом.

Спустя месяца два шоу переехало в Вашингтон. Был найден не только нужный момент, но и нужное место. Неизвестно, как у меня получалось, но я всегда умудрялся оказаться там, где происходило все самое интересное. Лучше всего я могу объяснить это так. Когда-то давно в Chicago Bears[66] был замечательный игрок Дик Буткус. У него было превосходное чувство мяча. Говорили, что Буткус всегда там, где мяч. Подобное чувство есть и у меня в моей сфере деятельности.

В конце 1970-х – начале 1980-х в Вашингтоне жизнь кипела. Тогда слова «средства массовой информации» еще не приобрели столь дурную славу, как сейчас. У них было уважение общества. Расследование Вудворда и Бернстайна[67] относительно Уотергейтского взлома всего за несколько лет до этого вынудили президента Никсона уйти в отставку. Двое репортеров стали национальными героями. Роберт Редфорд и Дастин Хоффман изобразили их в фильме «Вся президентская рать». Для

журналиста в 1970-е не было места лучше, чем Вашингтон. Политики пролетали через столицу, словно здесь стоял турникет, но журналисты оставались на службе. Это были люди особой породы, практически вымершей сегодня. Им оставляли лучшие столики в ресторанах.

Каждый, кто что-то представлял собой в Вашингтоне, обедал в ресторане Дюка Зейберта. Бен Брэдли, редактор *Washington Post*; Джордж Аллен, тренер Washington Redskins; Эдвард Беннет Уильямс, знаменитый адвокат и хозяин Baltimore Orioles; все политики. Мы с Дюком сдружились сразу же. Он не спал, слушая мои программы, и вскоре за мной был закреплен центральный столик, тот самый, который сразу же видел каждый входящий. Я каждый день приходил к Дюку на ланч. И он отказывался подавать мне счет.

Прошло не так много времени, как мое шоу попало в пятьдесят лучших, и его слушал даже Тед Коппель[68], когда ехал домой после ночного телеэфира. Благодаря звонкам слушателей со всех концов страны мы чувствовали пульс всей Америки. Эд Литтл не ошибся. Страна была уже не такой большой. Какой-нибудь парень из Феникса интересовался жизнью и работой мэра Нью-Йорка. Матчи Суперкубка волновали людей от побережья до побережья. Жители Миссисипи смеялись над шутками в нашей программе совсем так же, как жители Висконсина.

А потом случилось 4 ноября 1979 года. Даже человек, который мог представить себе, что вся страна может настроиться на одну радиопрограмму, не предвидел такого. Этот день захватил внимание всех американцев и удерживал его на протяжении последующих 444 дней.

В тот день в шесть тридцать утра за полмира от нас иранская студентка, спрятав под одеждой кусачки, подошла к воротам американского посольства в Иране. Перекусив цепи, она впустила туда три тысячи вооруженных людей. Шестьдесят шесть сотрудников посольства были взяты в заложники. В вечерних новостях американским зрителям показали, как их с завязанными глазами вели по улицам. Все без исключения звонки в ту ночь были о заложниках. И на следующую ночь тоже. За все время моей работы на радио я никогда не слышал такого гнева в людских голосах. Люди были вне себя, во-первых, из-за того, что какая-то кучка террористов смогла так унизить Соединенные Штаты; а во-вторых, потому, что мы оказались беспомощны перед лицом происходящего.

Боевики требовали экстрадиции бывшего лидера Ирана, шаха[69], который лечился в Соединенных Штатах, а потом уехал в Марокко. Они хотели, чтобы Штаты принесли извинения за то,

что поддерживали шаха и его действия, и чтобы имущество и вклады шаха были конфискованы. Теперь ясно, что тогда мы недооценили значение переворота в Иране. Когда аятолла Хомейни вернулся из Парижа, чтобы взять власть в Иране в свои руки, всем казалось, что это самый обычный переворот, которые нередко случаются в истории разных государств. Мы не сознавали, что с этого самого момента Америка вступила в непрекращающийся конфликт с радикальным исламом.

Когда были захвачены заложники, Джимми Картер пользовался большой поддержкой народа. Президент только что достиг невозможного – он убедил Израиль и Египет подписать историческое соглашение в Кэмп-Дэвиде. Это достижение никто не оспаривает и по сей день. Но, когда были захвачены заложники в Иране, Картер допустил ошибку, подобную ошибке Джона Маккейна накануне последних выборов. С наступлением экономического кризиса Маккейн сказал: «Я приостанавливаю свою кампанию». Когда были взяты заложники, Картер фактически приостановил свое президентство. Он говорил только о заложниках и даже не зажег огни на рождественской елке в Белом доме. Судьба заложников захватила его целиком, как и всех в Америке.

Мой друг Герб пришел ко мне на программу и сказал, что придавать случившемуся настолько большое значение – ошибка.

«Это неправильный путь для ведения переговоров», – заметил он, а уж он-то знал, о чем говорит, потому что он был профессиональным переговорщиком и даже написал бестселлер под названием «Обо всем можно договориться»[70]. «Иранцы, как никто, умеют торговаться, у них такая культура, – сказал Герби. – Поэтому это все равно что прийти в магазин ковров и сказать продавцу: “Мне нравится вот тот ковер в витрине. Я очень хочу его купить. Мне он крайне необходим!” И что, как вы думаете, произойдет с ценой?»

Некоторые из женщин-заложников и те, кто плохо себя чувствовал, были освобождены в качестве жеста доброй воли. Но, увидев, что остальных пятьдесят два человека Картер вернуть домой не может, американцы стали отворачиваться от него. Как-то рано утром в апреле 1979 года, когда я еще вел свое шоу, пришла информация о попытке спасения заложников и о том, что самолет со спасателями рухнул в пустыне и восемь человек погибло. Тогда не существовало круглосуточной службы новостей, которая могла бы передавать сообщения обо всех изменениях ситуации. Так что место новостной заняла наша программа. Мы разбудили сенатора Генри Джексона, который приехал к нам в студию, чтобы принимать звонки, в ярости от

того, что президент не поставил его в известность о предпринятой попытке спасения. И хотя в ту ночь звонки в основном были доброжелательными – по крайней мере мы хоть что-то пытались сделать! – по мере того, как люди начали осознавать поражение Америки, настроение нации падало.

Если бы кто-нибудь проводил мониторинг звонков в мою программу, он сразу понял бы, что у Картера не было шансов на переизбрание. Но, как всегда, в нашем шоу находилось место и для юмора. Перед выборами 1980 года Картер отказался участвовать в дебатах в Сиракузах[71], потому что Рональд Рейган настоял на том, чтобы в них участвовал и независимый кандидат Джон Андерсон. Шли разговоры о том, что на сцене должно было остаться пустое кресло, символизирующее неявившегося Картера. Но умные головы все же одержали верх, и президент не был унижен пустым креслом. В ту ночь мне позвонили из Сиракуз:

«Ларри, это Кресло. Я так расстроено, так расстроено. Меня покрыли лаком, сделали новую обивку… Это должен был быть мой звездный час, и в последний момент мне отказали!»

Мне показалось, что мой собеседник – неглупый человек, так что я поддержал его игру:

«Что ж, прогноз на восьмидесятый год неутешительный. Планируете ли вы принять участие в следующих выборах?»

«Я подумываю о том, чтобы предпринять новую попытку в восемьдесят четвертом, – ответил он. – Так что пора подыскивать Кушетку, чтобы она баллотировалась вместе со мной».

Вот какие вещи сходили с рук поздно ночью…

Были разговоры об октябрьском сюрпризе, о маневре, рассчитанном на то, чтобы в последний момент спасти и заложников, и президентство Картера. Но ничего не произошло. Победа Рейгана была внушительной. Буквально через несколько минут после того, как он произнес президентскую клятву, заложники были освобождены. Когда их привезли в Соединенные Штаты, то держали подальше от прессы. После встречи со своими родственниками в ВестПойнте они отправились в Вашингтон для торжественного приема. И я опять оказался в нужном месте в нужное время. Бывших заложников разместили в отеле Marriott в Кристал-Сити, по соседству с нашей студией. Кто-то из наших сотрудников встретил на дискотеке в отеле военных моряков, которые были в заложниках, и убедил одного из них прийти ко мне на шоу. Он два часа рассказывал нам, как заложники общались между собой при помощи записок на туалетной бумаге, и прочие подробности их заключения.

Ох, как же прав был Эд Литтл! Ни один из слушателей, будь он в Майами или в Денвере, не отключил свой приемник во время

этого интервью. И точно так же никто из тех, кто слушал нас через сеть American Forces в Берлине или Сеуле, не стал переключаться на другую волну. Мое влияние распространялось все дальше и дальше, пока я приближался к центру событий.

Через 69 дней после инаугурации Рейгана президент был ранен при попытке покушения на его жизнь буквально кварталах в пяти от ресторана Дюка Зейберта. Не знаю почему, но когда я услышал новость, то вдруг почувствовал, что с Рейганом все будет в порядке. И он сам, как оказалось, чувствовал то же самое. Много лет спустя он рассказал мне, что даже не понял, что в него стреляли. Он решил, что прыгнувший на него охранник сломал ему ребро, когда заталкивал его в машину, чтобы защитить от выстрелов. Рейган действительно не осознал, что причиной боли была пуля, ударившая его рикошетом, пока не посмотрел вниз и не увидел кровь.

Выстрелы прозвучали рядом с серым каменным забором отеля Hilton. Там располагался самый большой танцевальный зал в городе. Все прекрасно знали это место. Это была улица, по которой гулял весь город. Если бы мне пришлось остаться в Майами, уверен, попытка убийства президента была бы самой важной темой разговоров. А сейчас я находился буквально в центре событий, проходя по дороге в ресторан Зейберта мимо огороженного предупредительными лентами места преступления. Стрелявшего, Джона Хинклимладшего, должен был защищать в суде мой хороший друг Эдвард Беннет Уильямс. Вскоре я познакомился ближе и с Рональдом и Нэнси Рейган.

Программа постепенно начинала жить собственной жизнью. Сенатор Эл Гор заезжал к нам в студию поздно ночью, чтобы выйти в эфир в качестве гостя. Появился постоянный собеседник, который звонил нам из Портленда. Он не говорил ничего, только оглушительно хохотал. Мы прозвали его Портлендским хохотунчиком. Если я спрашивал его о чем-то, он начинал смеяться, причем так заразительно, что все, кто его слышал, не могли ничего с собой поделать и начинали хохотать вместе с ним. Если Портлендский хохотунчик какое-то время не звонил, то слушатели начинали интересоваться, куда он делся. Наше шоу стало добрым другом ночных сторожей, дежурных медиков, пилотов, полицейских и допоздна засидевшихся над учебниками студентов. Однажды мне позвонили из Арканзаса. Это был губернатор Билл Клинтон.

«Мы сейчас же выслушаем вашу точку зрения, губернатор, – сказал ему я, – но сначала скажите мне, что вы делаете в полтретьего ночи?»

«Да не важно…» – ответил он.

Стивен Кольбер[72] утверждал, что лишился невинности во время прослушивания нашего шоу.

Если вы настраивались на нашу волну, вы не могли предугадать, что вас ожидает – смех или слезы. Однажды у меня в гостях был актер, певец и комик Дэнни Кэй. В три часа ночи позвонила женщина и сказала:

«Дэнни, никогда в жизни не думала, что когда-нибудь буду разговаривать с вами. Разве был у меня шанс поговорить с вами? Я хочу рассказать, как мой сын любил вас. И очень хотел походить на вас. Он знал все ваши песни. Он служил на флоте и был убит в Корее. Мне прислали его личные вещи. Среди них была единственная фотография, с которой он никогда не расставался. Это ваша фотография. Я поставила ее рядом с фотографией сына и вытираю с них пыль каждый день. Я рада, что могу рассказать вам об этом».

Дэнни Кэй заплакал. В студию он пришел вместе с братом, и он тоже заплакал. Я тоже не мог сдержать слез. А потом Дэнни Кэй сделал удивительную вещь.

«У вашего сына была любимая песня?» – спросил он.

«Дина», – ответила она. И он спел ей эту песню.

Это были минуты, о которых невозможно забыть, они навсегда остаются в душе.

Когда был убит Джон Леннон, я в течение пяти часов принимал звонки о нем. Многие плакали. До той ночи я и не знал, насколько сильно «Битлз» влияли на человечество. Позвонил Милтон Берл[73]. Я начинал понимать, что моя программа стала тем местом, где весь народ может собраться и погоревать вместе.

Но все-таки больше всего я любил веселые моменты. Например, в четыре часа утра я мог заняться спиритизмом. Конечно, я понятия не имел, о чем говорю, когда предсказывал будущее.

«Завтра, – говорил я звонившему, – вы будете в Хьюстоне».

«Но я в Детройте!» – возражал он.

«Это неважно. Завтра вы войдете в аэропорт Хьюстона. И познакомитесь с женщиной по имени Марта. Она станет самой большой вашей любовью».

«Но я уже женат!»

«Верьте мне».

Мне позвонили создатели фильма «Охотники за привидениями» и предложили сыграть себя самого. Они снимали меня с сигаретой в руке, за микрофоном. Поэт Род Маккьюэн пришел ко мне, не имея представления о реальном размере моей аудитории.

«У меня выходит новая книга, и каждый, кто купит ее, отрежет клапан суперобложки и пришлет мне, получит бесплатно мою последнюю аудиозапись», – пообещал Маккьюэн. 15 200 человек прислали ему клапан обложки. Маккьюэн едва не разорился.

Газета *USA Today* начала выходить в 1982 году, и ее основатель Эл Нейхарт спросил, не хочу ли я вести в ней еженедельную колонку. Это была газета для тех, кто узнавал новости по телевидению. Торговые автоматы с этой газетой даже выглядели, как телеэкраны. Вначале *USA Today* не принимали всерьез. Ее даже прозвали ее *McPaper* по аналогии с McDonald's. Но газета стала еще одним знаком того, что мир меняется. Мое шоу привлекало к нам все больше людей. И сегодня *USA Today* крупнейшая национальная ежедневная газета.

Я выпускал ночную программу, писал для *USA Today* и выходил в телеэфир местного телеканала каждый субботний вечер. Начальству телеканала так нравились мои субботние программы, что они решили выпускать их пять раз в неделю. Я должен был выходить в эфир в начале вечера, перед прайм-таймом. Генеральный менеджер компании пригласил меня на обед и был со мной очень любезен.

«Еще четыре недели должно идти другое шоу, – сказал он. – Так что следующий месяц занят. Это дневная программа, которую мы попытались пустить вечером. Но шансов у нее нет. Через месяц ее отменят, и тогда ты начнешь работать».

Речь шла о «Колесе фортуны». Дневное шоу! Ха-ха! Никаких шансов! Да это самое долгоживущее шоу в американской телевизионной истории! Прошло уже 25 лет, а оно все еще в эфире.

Задумайтесь: если бы «Колесо фортуны» провалилось и моя ежедневная программа пошла бы в эфир, я никогда не оказался бы на CNN. Иногда плохое оборачивается хорошим. Порой и в бейсболе лучшие передачи – те, которые не были сделаны.

Несмотря на то что мне не очень-то нравились мокрое лето и злые зимы Вашингтона, в общем было неплохо. Мой брак с Шэрон распадался. Переезд из Майами дался не очень легко. Как-то утром я пришел домой и обнаружил, что мои приемные дочки – дети Шэрон – завязали все мои носки узлами. Но со временем дети приспособились к новой жизни. Хуже было то, что интенсивность наших отношений с Шэрон никогда не приближалась к какому-то среднему значению. Это была либо десятка, либо ноль. Даже после того, как мы развелись, мы продолжали встречаться.

Моя дочь Хая захотела жить со мной. К этому моменту мы с

Шэрон уже расстались, и Элин согласилась, что Хае нужен отец. Поэтому Хая переехала ко мне из Майами. Это было серьезное изменение в моей жизни. Я никогда не растил ребенка самостоятельно. И вот неожиданно на моем попечении оказалась двенадцатилетняя девочка.

Никогда не забуду наш первый вечер. Я встретил ее в аэропорту и привез в свою квартирку, в которой была только одна спальня. В квартиру побольше мы должны были переехать лишь на следующей неделе. А в эту неделю ей пришлось спать на диванчике в большой комнате.

Я пошел спать, размышляя о том, как мне со всем этим справиться.

«Ну, парень, – говорил я себе, – вот ты и взял на себя ответственность. Но я же понятия не имею, как быть отцом. Я же работаю все ночи напролет. Кто будет за ней смотреть? Что мне делать со всем этим?»

Утром я проснулся и увидел, что Хая сидит на краешке моей кровати.

«Ты вставал ночью?» – спросила она.

«Да», – ответил я.

«И пил воду из стакана?»

«Да, там стоял стакан с водой, и я ее выпил».

«Ты выпил мои контактные линзы».

Так началась для меня жизнь родителя. Однажды утром я открыл глаза и увидел какую-то морду прямо перед своим носом.

«Правда, лапочка?» – спросила Хая.

Она завела трех хорьков – они жили в ванной. Летом она подрабатывала на Капитолийском холме и ходила со мной к Дюку Зейберту. Это было идиллическое время. Мы посещали бейсбольные матчи с Эдвардом Беннетом Уильямсом[74]. Я сидел рядом с ним, когда Orioles выиграли «Всемирную серию» в 1983-м, и подружился с комментатором этой команды Джоном Миллером. Однажды Джон объявил, что в следующем иннинге он изобразит Ларри Кинга. Никто из радиослушателей не подозревал, что я сидел в тот момент рядом с ним. Так вот сбылась мечта моего детства – я сидел в кабинке комментатора и вел репортаж об игре. В ту же ночь мне позвонил один из слушателей и поинтересовался: «Вы были на игре?»

«Нет», – соврал я, чтобы посмотреть, что будет.

«И вы не слышали репортаж?»

«Нет».

«Там Джон Миллер спародировал вас».

«И как у него получилось?» И человек ответил:

«Очень похоже».

А потом был еще один телефонный звонок. Мне тогда так нравилось в Вашингтоне, что я далеко не сразу осознал, насколько верно был выбран момент.

Другая точка зрения

Герб «Деляга» Коэн

Друг

Ларри на телевидении прекрасен. А на радио с ним просто никого нельзя сравнить. Он каждую ночь по пять с половиной часов вел программу, которую слушал весь Вашингтон. Те, кто допоздна работал в Белом доме, включали радио и слушали Ларри по дороге домой. Его возрождение было необычайным. Он воскрес, словно феникс из пепла.

Марти Зайгер

Брат

Я слышал историю о том, как Ларри отправился на скачки практически без гроша, когда у него были денежные трудности. Он оставил свою машину подальше, чтобы не платить за парковку, и пошел пешком.

Через пару месяцев он приехал на тот же самый ипподром с Энджи Дикинсон в лимузине.

Глава 11
Тед

Однажды вечером мне позвонил Тед Тернер. Он мне нравился. Я знал его по Atlanta Braves и Turner Broadcasting System. Тед был гостем моего шоу на радио. А теперь он управлял CNN.

В то время CNN только начинала набирать обороты. И кажется, этот канал еще нельзя было принимать в Вашингтоне. Я видел передачу CNN лишь однажды, когда был в дороге. Помнится, это было в Атланте. И не сказал бы, что на меня она произвела большое впечатление.

Но однажды я был гостем программы CNN, называющейся «Репортаж Фримен». Сэнди Фримен выходила с этой программой в эфир каждый вечер в девять часов. Программа шла из студии в Нью-Йорке. Мы обсуждали ночные радиошоу. Сэнди мне понравилась.

Так вот, совершенно неожиданно мне позвонил Тед и спросил:

«Знаете “Репортаж Фримен”? У Сэнди заканчивается контракт. К тому же ее менеджером выступает ее муж, и он меня уже достал. Выжал из меня все соки и никак не уймется. Мне бы очень хотелось указать ему на дверь. Не желаете поработать у меня? Будете вести шоу в девять вечера».

Был вечер вторника, а контракт Сэнди истекал в пятницу. Я сказал: «О, черт! Тед, я не знаю».

Я был не просто захвачен врасплох этим предложением: я не мог решиться еще и потому, что моя жизнь в тот момент вполне меня устраивала. Я был свободен, хорошо проводил время, по вечерам ходил на игры Orioles. Я стал встречаться с Кэти Курик. Она тоже была одинокой и совсем молодой. Она пригласила меня к себе, и я подумал: «Как это здорово: у нас что-то может получиться». Я не рассчитывал, правда, еще и на ее соседку по квартире, которая, как она сказала, просто мечтала познакомиться со мной. После свиданий и спортивных матчей я отправлялся к полуночи на свою программу. И мне совершенно не хотелось отказываться от этих вечеров.

«Тед, – сказал я, – мой агент – Боб Вульф».

«Боба я хорошо знаю, – сказал Тед. – Я подписывал с ним бейсбольные контракты. Попроси его позвонить мне. Попроси его позвонить мне *прямо сейчас*».

Я позвонил Бобу. Он позвонил Теду, а потом перезвонил мне.

«Вот что предлагает Тед, – сказал Боб. – Он подписывает с тобой контракт на три года. Он дает тебе 200 000 долларов – твоя зарплата увеличивается вдвое. Ты еще получишь 200 000 на радио. На второй год твоя зарплата увеличивается до 225 000. А на третий – до 250 000. Но ему нужен ответ сегодня же, потому что он хочет разобраться с тем парнем».

Я спросил:

«Он сильно хочет заполучить *меня* или просто хочет разделаться с тем парнем?»

«Кстати, я выторговал еще кое-что. В конце первого года, если тебя будет что-то не устраивать, ты сможешь уйти на своих условиях. Так что если тебе не покатит или если ты будешь слишком скучать по матчам Orioles, то через год сможешь вернуться».

«Ну что ж, звучит неплохо, – заметил я. – Скажи, что мы согласны».

Боб перезвонил Теду и договорился обо всем. Тед назначил встречу мужу Сэнди. По всей видимости, тот был уверен, что контракт будет продлен на его условиях. Судя по тому, что я слышал, это был довольно наглый мужик. Он явился на встречу и заявил что-то вроде: «Ну что, Тед, я рад, что ты все-таки принял *нашу* точку зрения».

«*На-а-а-ашу?!* взревел Тед. – Видишь дверь? Закрой ее с той стороны!»

Вот так началась моя работа на CNN.

Никто не сравнится с Тедом Тернером. Никто. Это совершенно нестандартный человек. У него прирожденный талант к бизнесу, но во многом он как ребенок. Когда он в хорошем настроении, это один из самых остроумных, смелых и веселых людей, которых только можно найти. Однако, когда у него что-то не ладится, он может впасть в страшную депрессию. Он не может ни на чем концентрироваться очень долго, но в дело, которым он занимается в данный момент, он погружается полностью. Однажды мы увидели в Монтане золотого орла[75], и я думал, что Тед сойдет с ума от восторга. Было похоже, что для него больше ничего в мире в тот момент не существовало, и время остановилось. Зато он никогда не опаздывал.

Тед всегда был очень прост и крайне великодушен. На работу он ездил на «Тойоте». А если пользовался лимузином, то просил шофера остановиться за квартал от отеля, чтобы не пришлось давать чаевые швейцару. Но при этом он мог заплатить любые деньги за игрока, которого хотел сохранить в команде, когда был владельцем Atlanta Braves. И был очень лояльным, иногда даже себе во вред. Он начал заниматься парусным спортом и дошел до

победы в самой престижной мировой регате – Американском кубке. Его напарник, с которым их вместе три дня трепало штормом посреди Атлантического океана, как-то рассказал мне, что выжил только потому, что у руля был Тед. Но при этом Тед очень боялся плохих новостей. Даже голос начинал дрожать, как у мультяшного персонажа: «Пожалуйста, только не говорите мне, что все так плохо…»

Он мог быть очень внимательным другом. Зная, что я никогда в жизни не ездил верхом, он, пригласив меня покататься, проехал рядом со мной, держа мою лошадь на поводу, чтобы мне было не так страшно. Он не смеялся надо мной и не унижал. Но если он кого-то не любил, он легко мог втоптать человека в грязь. Когда Руперт Мердок решил купить Los Angeles Dodgers, Тед обзвонил всех владельцев команд лиги и призвал их указать Мердоку на дверь.

Порой он решал любые проблемы с поистине соломоновой мудростью. Двое сотрудников CNN, горячо споря, могли зайти с утра пораньше к нему в кабинет, он тем или иным образом решал их проблему, причем так, что никто из них не чувствовал, что на него каким-то образом повлияли или его мнение недооценили. Но в тот же самый день Тед мог своими высказываниями запросто обидеть людей. Однажды, выступая перед женской аудиторией, он заявил следующее: «Мне нравятся женщины. Я люблю их в романтическом смысле. Я люблю с ними работать. Мне не нравятся страны, где женщинам делают обрезание. Я не делаю обрезание женщинам. Я их беру на работу. Я продвигаю их по службе. Но обрезание им не делаю». Я слышал это своими ушами. Аудитория просто-таки задохнулась. В СМИ его называли «Болтун с Юга». Однажды он произносил речь в школе Брауна – той самой, откуда его когда-то выгнали, – и его предупредили, что она должна занять не более полутора минут. Он встал и сказал примерно такое: «Мне скоро нужно уходить. – Он указал на свое лицо. – Видите? У меня тут родинка. Мне нужно к дерматологу, чтобы ее удалить. И знаете, как я ее заработал? Я подставлял лицо солнцу. Так что я хочу, чтобы вы задумались вот над чем: стоит ли долго находиться на солнце?» И с этими словами он сошел со сцены. Я вам гарантирую, ни один выпускник того дня никогда не забыл его слов.

Тед не мог продумывать свои действия даже на двадцать секунд вперед. Однако он мог предвидеть то, что будет через двадцать лет. Он был очень честен. Но иногда любил ребячиться, хотя это и выглядело несколько глупо. Подобные черты по отдельности не украшали бы человека. Но их сплав создавал революционную натуру Теда Тернера. В нем не было ничего

гениального, и при этом он был гением. Во многом он опережал свое время. Например, он разглядел потенциальные возможности спутников, когда об этом не задумывался еще никто.

Один психолог как-то рассказал мне, что для американцев самым значимым, самым удивительным событием XX века была вовсе не высадка на Луну. Им стал запуск советского спутника – первого в мире аппарата, запущенного на орбиту Земли. Сегодня вряд ли это можно считать знаменательным событием, особенно если вспомнить, что первый советский спутник был размером примерно с пляжный мячик. Но, можете мне поверить, в 1957 году, в разгар холодной войны, такое событие, как запуск спутника, стало большим потрясением.

Советы теперь глядели на нас с небес. Они сделали то, что первыми должны были сделать мы. Это нас напугало. Это нас изменило. Именно это подстегнуло нас и заставило высадиться на Луну. Все чувствовали: кто-то там сверху на нас глядит и этот кто-то нам не друг. Именно такими глазами мы смотрели на спутник: мы видели в нем шпиона и угрозу.

А Тед Тернер увидел в нем способ объединить людей. Когда Тед основал CNN, он практически не устанавливал никаких правил. За одним исключением: запрет на слово «иностранный». Для Теда Тернера не было чужих стран. Он, наверное, даже не понимал тогда, какие это открывает перспективы. В эти годы еще никто не говорил о глобализации. Но для Теда все было просто. Однажды он сказал мне: «Когда я смотрю на Атланту, я не думаю о ней, как о части Соединенных Штатов. Я думаю, где она находится на глобусе».

Он не сразу пришел к такому образу мышления. С этим связана удивительная история.

Тед не родился человеком широких взглядов, который хотел пожертвовать миллиард долларов Организации Объединенных Наций. Его отец, у которого была рекламная компания на Юге, был правым консерватором. Несомненно, отец оказал очень большое влияние на него. Однажды я сказал Теду: «Отец оставил тебе миллион. Ты сделал из него миллиарды. Что бы он сказал, если бы увидел тебя сегодня?»

И Тед ответил: «Могу сказать точно, что он сказал бы: “Инфляция…”»

Тед никогда не мог сделать так, чтобы отец был им доволен, и когда тот покончил с собой, он навсегда лишился этой возможности. Вместо этого он построил свою информационную империю. Я хочу, чтобы вы поняли, как Тед воспринимал мир. Вскоре после смерти отца Тед проезжал мимо одного из рекламных щитов, принадлежащих его компании в Атланте, с

рекламой 17-го канала. В детстве, когда он учился в интернате, Тед не слишком часто смотрел телевизор и с возрастом не приобрел особой любви к нему. Был конец 1960-х. Но, по-видимому, эта реклама произвела на Теда такое же впечатление, как и золотой орел. Тед купил 17-й канал и стал использовать свободные щиты своей компании для его рекламы. Прошло не так у много времени, как он открыл способ серьезно увеличить свою аудиторию.

Он убедил Федеральную комиссию по связи разрешить 17-му каналу вещать через спутник. И поймал журавля в небе. 17-й канал стали воспринимать как суперстанцию, и Тед предложил демонстрировать подписчикам кабельных сетей старые фильмы и повторы сериалов. Кабельное телевидение тогда только входило в жизнь. Тед набрасывал детали бизнес-планов на салфетках. Он купил бейсбольную команду Atlanta Braves и баскетбольную команду Atlanta Hawks. Вдумайтесь! И стал передавать игры Braves через спутник, но на это уходило не более трех часов в день. Идея CNN пришла ему в голову, по его словам, когда однажды в Атланте он настроился на радиостанцию WGST, и комментатор сказал: «Новости без перерывов», или что-то вроде того. И Тед подумал: «Круглосуточная программа новостей. А почему бы и не попробовать?» Так в 1980 году он основал CNN.

Я, вероятно, был первой звездой «со стороны», которую Тед пригласил поработать у себя. В то время CNN нередко называли Chicken Noodle News[76]. Мое первое шоу нельзя было посмотреть даже через дорогу от той студии, где оно снималось, потому что в Вашингтоне не было кабельной сети. Я понятия не имел, добьется ли CNN успеха. Но мне нравился Тед, и я подумал, что неплохо какое-то время с ним поработать. Возможно, нас свело вместе наше чувство нужного момента. А может быть, дело все в том, что мы с Тедом родились в один и тот же день – 19 ноября. Но как бы то ни было, решение было правильным. У меня никогда не было лучшего работодателя, чем Тед Тернер.

Моя первая программа шла из какого-то захудалого местечка в Джорджтауне. Мне пришлось гримироваться в одном месте, потом идти по аллее в студию, откуда шла передача. Я никогда не обращал особого внимания на то, что происходило в студии. Но Тэмми Хаддад[77], участвовавшая в выпуске той самой первой программы, вспоминала, что все, кроме меня, потели и нервничали. Обстановка в студии должна была напоминать радиошоу. Теперь такое часто можно увидеть. Эту же концепцию использует и Аймас. Но тогда это было в новинку. В тот вечер я был одет в костюм. Но уже скоро сменил его на жилетку с V-образным вырезом. Тэмми боялась, что за годы работы на радио я

привык склоняться над микрофоном, и решила, что V-образный вырез будет несколько стройнить меня. Позже ту же роль стали играть подтяжки. Моим первым гостем был Марио Куомо.

Марио произнес одну из самых знаменитых политических речей всех времен на Съезде демократов в 1984 году. В тот момент я стоял рядом с делегацией из Оклахомы. Я никогда этого не забуду. Кто-то из оклахомовцев заметил: «Я никогда не слышал об этом человеке. Но теперь я понимаю, почему я демократ». Эдвард Беннет Уильямс говорил, что еще более впечатляющую речь Марио произнес на выпускной церемонии в одном колледже. Там в зале впереди сидели студенты, а в задних рядах – их родители. Марио сказал ученикам: «Вы, естественно, не собираетесь помнить то, что я сегодня вам скажу. Я понимаю, что вам не терпится побыстрее убраться отсюда. Поэтому дайте мне всего лишь пару минут. Я хочу поговорить с вашими родителями». И буквально через несколько мгновений все студенты развернулись, чтобы смотреть на своих родителей. Замечательно иметь гостем на программе красноречивого человека. А кроме того, Марио был моим другом.

Я не помню каких-то определенных вопросов и ответов, прозвучавших в этот вечер. Но помню ощущение. Мне казалось, что все идет правильно. И Марио тоже это почувствовал. После программы он сказал мне: «Это тебе подходит». Я тогда и не представлял, что только что начал самую «долгоживущую» традицию на телевидении – один ведущий, в один и тот же час, и так на протяжении 24 лет. Но история продолжается. Я уже и в те годы понимал, что задумано все правильно. Помните фон с земным шаром, который и сегодня можно видеть в моей студии? Мы использовали его в тот самый первый вечер. Хотя тогда еще телевидение не было цветным.

Мне было 52 года. А CNN – пять. Мой голос уже знала вся страна. А CNN только начинал завоевывать себе путь в гостиные Америки и всего мира. Момент был выбран правильным как для меня, так и для компании. Тем более что я теперь мог рекламировать CNN в своих радиопрограммах. Я приезжал на Mutual Broadcasting, упоминал в эфире мою программу на CNN и привлекал к ней новых зрителей. На следующий день я приезжал на телевидение и рассказывал там про свою радиопередачу. Принципиально это не отличалось от того, что я делал в Майами, работая в утреннем эфире и выступая в Pumpernik's. Только в этот раз аудитория составляла миллионы, и я был одной из главных фигур прайм-тайма. Но все, что я должен был делать, ничем не отличалось от того, к чему я привык едва ли ни с детства.

Мой друг Герб всегда говорил: «Хочешь знать, в чем секрет

твоего успеха? Он в том, что ты – тупица. – Он не имел в виду ничего плохого. – Все остальные на телевидении всезнайки, но не ты. Ты – тупица. Ты честно говоришь своему гостю: “Я ничего в этом не понимаю. Объясните. Помогите мне разобраться”. Таким образом ты создаешь вакуум, а потом заполняешь его».

В связи с этим я вспоминаю то, что когда-то сказал мне Артур Годфри: «Секрет в том, что никакого секрета нет. Ты делаешь то, что ты делаешь». Я был парнем с улицы. Я никогда не был на войне. Я не был сантехником. Я никогда не писал резюме. Никогда не выступал в суде. Никогда не лечил людей. Я просто задавал вопросы. Простые короткие вопросы.

Однажды у меня в гостях был специалист по сахарному диабету. Я спросил его, что означает слово «диабет». Он ответил: «Я узнал это на третий день обучения в медицинском институте, но никто с тех пор никогда меня об этом не спрашивал».

Почему вам интересно охотиться на животных? Почему вы фотографируете?

Что сегодня происходит в местах боевых действий?

На простые вопросы порой даются удивительные ответы. Но в подобном интервью еще важно уметь хорошо слушать. Потому что последующий вопрос всегда зависит от предыдущего ответа. Когда в программе, посвященной моему юбилею, у меня брала интервью Барбара Уолтерс, вопросы у нее были заготовлены заранее. Это ее принцип работы. Но я никогда бы не смог так работать. Я ни разу в жизни не планировал ни одного вопроса. Когда я произношу: «Добрый вечер, сегодня у меня в гостях…», – я понятия не имею, что буду спрашивать. Возможно, вы видели, что передо мной лежат такие голубенькие карточки, но это не план интервью, а кое-какие заметки для себя. Когда я беру интервью, я словно возвращаюсь в Pumpernik’s. Я живу настоящим моментом.

Главное в таком интервью – элемент неожиданности. Это полная противоположность работе криминального адвоката. Адвокаты по уголовным делам не любят неожиданностей. Многие из них рассказывали, что если в зале суда они будут чем-то удивлены, то просто не смогут правильно выполнить свою работу. Если вас смогли удивить, значит, вас поймали. Адвокат, выступающий в суде, может удивляться только в одном случае – в юридической библиотеке, засидевшись там за полночь. А я? Мне 75, и я до сих пор стремлюсь удивляться каждый вечер. Если я удивляюсь, то знаю, что выполняю свою работу хорошо. Мне кажется, у меня есть врожденная способность заставлять людей раскрываться. Не знаю, улучшается ли она со временем. Но зато она дает мне возможность вовремя улавливать проявления

собственного эго. Я вообще стараюсь не использовать слово «я». В интервью мое «я» не имеет никакого значения. Я здесь ради гостя. Если у меня и есть свое мнение, оно никого не интересует. Я открыт на восприятие. Однажды в Майами был проведен опрос: людей спрашивали, республиканец я или демократ. Ответы были пятьдесят на пятьдесят.

Большинство ведущих в наши дни не могут вести свои программы, не пользуясь местоимением «я». Кругом полно всяческих О'Рейли и Лимбо, которые работают, кажется, исключительно для самоудовлетворения. Их собеседник для них не более чем реклама. Они обладают хорошо подвешенными языками, поэтому в каком-то смысле способны развлекать публику. Но после их программ я никогда не узнаю ничего нового. Когда они задают вопросы, это напоминает мне старый анекдот про интервью Говарда Козелла[78]: «Хорошо, хватит обо мне. Давайте поговорим о вас. Что вы обо мне думаете?»

Многие ведущие вначале три минуты подряд зачитывают какую-нибудь информацию и только потом начинают задавать вопросы. Они будто хотят показать, сколько всего сами знают. Я считаю, что в роли эксперта должен выступать гость. Если вы слышите трехминутный вопрос, то наверняка ведущий просто хочет покрасоваться. Такое часто можно услышать на президентских пресс-конференциях. Но я по опыту знаю, что четкие и краткие вопросы могут показать ведущего в гораздо более выгодном свете, чем долгое перечисление фактов.

Помню, как брал интервью у доктора Эдварда Теллера – изобретателя водородной бомбы. Это интервью помог устроить один мой товарищ. Теллер был очень прямолинейным человеком. Он вошел в студию и сказал мне: «Что вы знаете о физике?»

«Ничего», – ответил я.

«Ну и что же мы будем делать?» – поинтересовался он.

«Да ничего особенного, – сказал я и предложил: – Давайте просто попробуем сделать запись. Если вам не понравится, мы прекратим это дело. И вы сможете уйти в любой момент».

Он согласился:

«Это справедливо».

Первый вопрос, который я задал, был такой: «Когда мы учимся в школе, почему мы так боимся физики? Почему школьный курс физики кажется таким сложным?»

Он просиял и со своим австрийским акцентом начал объяснять:

«В школе неправильно преподают физику. Это даже физикой нельзя называть! Вообще этот предмет нужно назвать *жизнью*! Потому что физика влияет на все, что мы делаем каждый день,

мистер Кинг, начиная с той минуты, когда мы открываем глаза. Физика – это *жизнь*!»

«Поясните», – попросил я. И он пояснил.

Тогда я спросил:

«А что еще важно в физике?»

Он рассказал мне, что главное – изучить силы, кроющиеся в неодушевленной материи, познать мощь в камне. Откуда берется камень? Как объединяются его частицы?

Я сказал: «Вы изобрели водородную бомбу…»

«Но ее никуда никогда не сбрасывали! Я все время только об этом и слышу! Сбрасывали атомную бомбу. Но об этом нам не рассказывают. Зато все знают, что я изобрел водородную бомбу. Но она не убила ни одного человека!»

Через некоторое время я спросил:

«Когда вы изобретали водородную бомбу, вам не нужно было видеть, как она взрывается? Вы все могли предсказать с помощью расчетов?»

А он ответил:

«Да! Я все понял благодаря расчетам. Если верны расчеты, то бомба должна сработать. Мне не нужно видеть взрыв. Мне нужно было только, чтобы сошлись расчеты…»

По окончании интервью он заявил:

«Почему вы меня обманывали? Зачем вы сказали, что ничего не понимаете в физике?»

Знаете, о каком интервью я мечтаю? Чтобы я произнес: «Добрый вечер…» – после этого открылась бы дверь, и я в первый раз увидел того, с кем мне предстоит общаться. Я разговаривал об этом с Бобом Костасом, когда он делал шоу «Позже». Мы с ним договорились, что каждый из нас приведет другому такого гостя-сюрприз. И не будет никаких приготовлений. Ко мне в студию войдет человек, которого я не видел никогда в жизни. Так и было. Гость вошел, я спросил у него, как его зовут. «Митлоуф[79]», – ответил он. Я никогда о нем не слышал. Поэтому я спросил: «А когда вы приезжаете в гостиницу, вы записываетесь как мистер Лоуф?» Мне предстояло узнать все о его музыке с помощью хороших вопросов.

Я всегда говорил, что могу зайти в раздевалку любой спортивной команды и, не зная, в какую игру играли спортсмены, проиграла команда или выиграла, сумею узнать обо всем, просто задавая вопросы. К примеру:

Чему вы научились сегодня?

Будете ли вы использовать опыт сегодняшней игры в следующем матче?

Какие моменты были самыми сложными? Было ли в игре что-

нибудь необычное?

Необходимо знать основы. Но, если у вас есть время и вы можете узнать все у собеседника, лучше не знать много заранее. Все можно узнать у человека, спросив «кто?», «что?» и «зачем?». Это не только лучше для беседы, но и гораздо веселее. Если не использовать предварительные записи, вы свободны в своем полете. И если что-то пойдет не так, уже не будет возможности повернуть назад. Может быть, именно за эту степень риска я и люблю живой эфир. Это совсем не то, что запись. Подобным образом Аль Пачино описывал разницу между театром и кино. Когда Аль снимается в кино, он может переиграть сцену восемь раз. И неважно, если в каком-то дубле он сыграет плохо. Режиссер все равно выберет лучший. А когда он участвует в спектакле, он каждый вечер ровно в восемь словно идет по канату.

Один из лучших комплиментов в своей жизни я получил на церемонии награждения премией Пибоди[80]. Алистер Кук[81] сказал:

«Девяносто девять процентов ведущих шоу боятся идти на риск. Они выбирают самый простой путь. Они пытаются поступать правильно, но в большинстве случаев это сводится к принципу: “Не делать ничего лишнего, а только то, что говорят”. Это девяносто девять процентов. Оставшийся один процент находится сейчас в этом зале».

Оглядываясь назад, я понимаю, что, вероятно, когда я пошел работать в CNN, риск для меня был больше, чем для Теда, который пригласил меня на эту работу. Поначалу было трудно найти гостя для программы, потому что мало кто знал о CNN. Тэмми засылала людей к эскалатору Eastern Airlines в Национальном аэропорту, чтобы выслеживать знаменитостей, сходящих с рейса. Если они замечали кого-то, то подходили и спрашивали, не желает ли этот человек стать гостем моего шоу.

Если он не слышал обо мне, то с гораздо большей охотой предпочел бы появиться перед более обширной аудиторией, например на шоу Nightline, которое вел на ABC Тед Коппель. Но с самого начала кое-что уже указывало, что со временем наше влияние будет расти. После того как мусульманские экстремисты захватили самолет компании TWA, появилась фотография пилота, который говорил с журналистами через окошко кабины самолета с приставленным к голове дулом. Это была одна из тех фотографий, которые заставляют весь мир затаить дыхание. Когда экипаж был отпущен, мы смогли затащить летчика на нашу программу. Ребята с Nightline неожиданно обнаружили, что опоздали: им пришлось звонить Тэмми и спрашивать, не согласимся ли мы потом уступить летчика им.

Все телекомпании стали обращать на нас внимание. Тед Тернер любит рассказывать историю о том, как он вел с CBS переговоры о слиянии. Представитель CBS пришел к нему и сказал: «Я представляю мистера Пейли из CBS. Мы хотим вас купить».

Уильям Пейли был Тедом Тернером своего времени. Он построил CBS из сети маленьких станций в 1930–1940-е годы, создав так называемую Tiffany Network, в которой программы новостей вели самые яркие звезды. Но Пейли все-таки был в первую очередь менеджером, а Тед – настоящим гигантом. Да и времена изменились.

Тед спросил:

«Почему не приехал сам мистер Пейли?»

«Потому что я представляю его».

«Хорошо, – сказал Тед. – Тогда почему бы вам не спуститься вниз и не поговорить с *моим* представителем? Слушайте, я управляю этой компанией. И вот что я вам скажу. Возвращайтесь к мистеру Пейли и передайте, что мне интересно его предложение. Мне хотелось бы точно знать, на что он рассчитывает. Он хочет меня купить? Тогда я сам его куплю».

Теперь это трудно представить, но CNN была единственной компанией, которая дала репортаж о взлете и катастрофе «Челленджера» в январе 1986 года. Более крупные компании решили не менять свою сетку ради этого. На космическом корабле была команда из семи человек, в которую входила Кристи Маколифф, первая учительница, полетевшая в космос. Все школьники Америки смотрели по CNN, как «Челленджер» поднимается в небо с космодрома на мысе Канаверал под радостные крики и аплодисменты присутствующих в Космическом центре имени Кеннеди.

Когда я вспоминаю об этом, мне на ум неизбежно приходит, как Чарли Чаплин определял тонкую грань между комедией и трагедией. Вот вы на вечеринке. Наверху лестницы стоит человек. У него усы, на нем смешная шляпа. Он идет, спотыкается о верхнюю ступеньку, корчит смешную гримасу – вы смеетесь. Он падает, у него подворачивается нога – вы хохочете. Но потом он ударяется о следующую ступеньку, из уголка рта начинает течь кровь – и тут все меняется. Это уже трагедия. То же самое испытывали люди, наблюдавшие за взлетом «Челленджера».

Через 73 секунды после старта под крики и овации кольца на двух ракетных двигателях лопнули. «Челленджер» взорвался у всех на глазах. Говорили, что в течение часа после трагедии о ней узнало 85 % населения страны. Повтор этих кадров без конца шел на экранах. В тот же вечер президент Рейган обратился к народу.

Я до сих пор помню эту речь. Ее написала Пегги Нунан[82]. Рейган говорил о том, как астронавты «покинули бренные пределы Земли и коснулись лика Господа».

После катастрофы нам пришлось целую неделю делать программы о ней. Что пошло не так? Что именно представляли собой эти кольца двигателей? Были ли астронавты в сознании, когда корабль падал? Как пережили трагедию родственники? А как реагировали школьники, видевшие взрыв? В каком направлении теперь будут развиваться разработки NASA?

Мне снова и снова говорили, что моя программа – это место, куда люди тянутся во времена невзгод. Я заметил это еще на радио, когда телефонные линии Mutual были перегружены звонками после гибели Джона Леннона. Не знаю, откуда это взялось, но телевидение усилило его во много раз. В телевидении есть что-то такое, что делает его как бы членом семьи. Джонни Карсон[83] однажды сказал мне, что никто никогда не называл его «мистер Карсон». Все звали его «Джонни», потому что люди видели его на экране, ложась спать. Я обладаю тем же качеством. Я просто Ларри. Я ваш друг.

Я превратился во всеобщего друга, когда возникла необходимость в новостях нон-стоп. CNN усиливала свое влияние, и моя программа росла вместе с каналом. Я тогда и не представлял, какой удар ждет меня в будущем.

Глава 12
У тебя сдох хорек

В первые годы на CNN я курил во время передач. Но зрители об этом не знали, потому что я держал сигарету под столом – точно как Джонни Карсон. Если дымок начинал виться из-под стола, я просто прикрывал тлеющую сигарету рукой, чтобы скрыть его. Это давало мне возможность не дожидаться рекламной паузы, чтобы зажечь спичку.

Иногда я не курил во время программы из уважения к своему гостю. В этих случаях во время перерывов я бросался в туалет, чтобы принять свою дозу. Одним из таких гостей был Эверетт Куп – главный врач в администрации Рональда Рейгана. Предупредительные надписи на сигаретных пачках сегодня – это заслуга Купа. Табачная промышленность его ненавидела. Да и сам Рейган в конце концов в нем разочаровался. Президент не любил, чтобы кто-то нарушал статус-кво, к тому же Рейган всегда поддерживал большой бизнес. С его точки зрения, не стоило выступать против табачной промышленности.

Однако Куп вел себя настолько независимо, что уволить его было сложно. Он носил бороду, чем напоминал не то любимого дедушку, не то Санта-Клауса. Он был честен и приятен в общении. И было совершенно ясно, что он искренне стремится защитить здоровье сограждан. Он приводил точные факты – и в этом достиг большого мастерства. Правда заключается в том, что мы до сих пор не знаем точно, почему курение приводит к раку легких или инфаркту. Но мы знаем, что оно приводит к этим заболеваниям. Если кто-то требовал представить доказательства, то Куп говорил что-нибудь вроде:

«Я не могу представить вам доказательства того, что вы умрете, если выпадете из самолета. Но статистически это более чем вероятно».

Куп пришел на CNN в феврале 1987 года. По окончании интервью он посмотрел на меня очень озабоченно и спросил: «Вы нормально себя чувствуете?»

«Да».

«Вы курите?»

Я курил. Курил даже в душе. Я выкуривал по три пачки в день на протяжении 36 лет.

Я много с чем не согласен в современной жизни. Но я не могу отрицать тот факт, что отношение к курению сегодня сильно изменилось. Когда я начинал работать на радио, курили все.

Посмотрите любую старую кинокартину – все актеры дымят. Есть такой знаменитый фильм – «Молодые врачи», где играют Дик Кларк и Фредди Марч. В этом фильме есть сцена спора между Кларком, молодым врачом, и Марчем, врачом старым, о том, как следует лечить пациента. И во время этого жаркого спора они не прекращают дымить друг другу в лицо. Не помню в точности, о чем там у них шла речь, но, если вы увидите эту сцену сегодня, она у вас вызовет смех: «Мы здесь ради здоровья!»

Я курил и никогда не ощущал, что это яд. Когда куришь, не задумываешься о том, что это вас убивает, даже если об этом прекрасно знаешь. Нонсенс. Почему умные люди делают глупые вещи? Не знаю, но могу точно сказать вам, что курение порой является причиной очень странного поведения.

Актер Юл Бриннер снял рекламный ролик, который завещал показать после своей смерти. В нем он говорит: «Теперь, когда меня нет с вами, я хочу вам сказать: не курите! Что бы вы ни делали, ни в коем случае не курите!» Когда я видел этот ролик на телеэкране, я старался переключить канал.

Но вместе с тем я помню рейс USAir, которым я летел из Вашингтона в Питсбург. В середине 1980-х на рейсах коммерческих авиакомпаний еще можно было курить, хотя кое-какие ограничения уже начинались. Для курильщиков отводили последние три ряда кресел. Однако, если хотя бы один из пассажиров в этих последних рядах был против, пилот объявлял рейс «некурящим».

И вот все курильщики уселись сзади, готовые зажечь спички. Народу в самолете было много. Перед самым взлетом в салон ворвался припоздавший пассажир. И сел на предпоследний ряд. Мы взлетели. Все, кто сидел в последних трех рядах, – за исключением одного человека – закурили. Но очень скоро раздался голос пилота, объявляющий: «Внимание, пассажиры трех задних рядов! Один джентльмен обратился с просьбой не курить. Поэтому наш рейс объявляется некурящим».

Определить, кто был этим джентльменом, было несложно. И знаете, что мы сделали? Мы не просто продолжали курить, мы стали выпускать дым ему прямо в лицо. А когда замечали подходящую к нам стюардессу, прятали горящие сигареты, прежде чем она успевала добраться до нас.

В конце концов пилот вновь обратился к пассажирам: «Ну что, мальчишки в задних рядах продолжают дурить? Ну что ж, мы вынуждены будем задержать вас, когда приземлимся».

Да, я старался не смотреть ролик Юла Бриннера. И дымил в лицо тому бедняге – некурящему пассажиру. Но я присоединился к актеру Ларри Хэгмену, когда он предложил участвовать в Дне

против курения. Идея была в том, что вы и ваш партнер по акции должны были не давать друг другу курить, постоянно перезваниваясь и поддерживая друг друга в этом нелегком деле. Я выдержал часов пять или шесть.

Это лишь несколько примеров того, как может вести себя курящий человек. Курение – не просто дурная привычка, это стиль жизни. Я любил курить. Кроме того, Ларри Кинг совсем не собирался умирать. Честное слово, до того дня, как у меня в гостях был Куп, я за 30 лет работы пропустил не больше недели. Я выходил в эфир даже с больным горлом, и мне не приходило в голову отказаться вести программу.

Я не бросал курить и не бросал работать. Я выходил в эфир на CNN, вел ночные программы на Mutual, писал в газету, выступал с речами. Чем больше я был на публике, тем лучше управлял своей жизнью.

«Мне не нравится, как вы выглядите, – сказал Куп, прежде чем выйти из студии CNN. – Сделайте одолжение: завтра первым делом покажитесь врачу».

Мы расстались, и я отправился на радио. В эту ночь гостем моего шоу был Дэвид Хальберстэм, писатель, завоевавший Пулитцеровскую премию. Его брата, кардиолога, я не один раз принимал на своих программах. Майкл Хальберстэм был одним из первых среди врачей, кто начал говорить о пользе ежедневного приема аспирина.

Не знаю, оказала ли на Дэвида влияние профессия Майкла. Но когда мы закончили наше общение, в три часа ночи, во время перерыва, перед началом открытых теледебатов со слушателями, Дэвид повернулся ко мне и спросил:

«Вы нормально себя чувствуете?»

«Да».

«Вы не слишком хорошо выглядите».

Позже многие говорили, что мое лицо в тот день имело сероватый оттенок, что является одним из признаков приближения инфаркта. Но я не чувствовал ничего необычного… пока не прошел еще один час.

Примерно в четыре часа утра у меня вдруг заболело правое плечо, а потом боль стала спускаться вниз по руке. В пять часов я ушел из студии и поехал домой. Боль не проходила и была такой, что я даже не мог уснуть. Я позвонил своему врачу.

Боль в правом плече – довольно странный симптом инфаркта. Боли в груди не возникало. Мой врач подумал, что проблема в желчном пузыре, потому что он может быть причиной рефракторных болей.

«Подождите с час, – сказал он, – и, если боль не прекратится,

приезжайте в больницу, я вас осмотрю».

Прошел час, боль никуда не делась. Хая спала. Я не стал ее будить, за что она до сих пор на меня злится. Но я сам не имел представления, насколько все в действительности серьезно. Я просто не хотел беспокоить ее. Вместо этого я позвонил моему продюсеру на CNN, Тэмми Хаддад, чтобы она приехала и отвезла меня в больницу Университета Джорджа Вашингтона. Она заехала за мной примерно в половину восьмого. По дороге я курил в машине.

Мы подъехали к отделению скорой помощи. Оно называется в народе отделением Рональда Рейгана, потому что именно сюда его привезли после покушения. Выйдя из машины, я заметил, что боль отступила. Так ведь всегда и бывает. Непонятно почему, но стоит приехать к врачу, как у тебя тут же все перестает болеть.

«Тэмми, – сказал я, выходя из машины, – подожди меня здесь. У меня уже ничего не болит. Кажется, все в порядке».

Я зашел в заполненное народом помещение приемного покоя. Мне показалось, что, прежде чем кто-нибудь мной займется, пройдет не один час. Поэтому я развернулся и собрался уходить. На самом деле, чего меня осматривать? У меня ведь больше ничего не болело. Я пошел к машине, но ее не оказалось на месте. Оказывается, охрана потребовала, чтобы Тэмми отъехала от входа.

Тогда еще никто и слыхом не слыхивал о мобильных телефонах. Я не мог позвонить ей и попросить вернуться за мной. Поэтому я опять пошел в приемный покой. Там был человек с папкой для записей – наблюдатель. Я и не знал, что так положено. Во многих больших отделениях скорой помощи есть такие люди. Их задача: выявить в очереди тех, кому требуется незамедлительная помощь. Это имеет смысл – вдруг человек с инфарктом окажется в очереди пятым после четверых со сломанными мизинцами. Наблюдатель и должен обращать внимание на таких людей.

И вдруг этот крупный мужчина подошел прямо ко мне и спросил:

«У вас что-то с сердцем?»

«Нет».

«Пройдемте со мной».

Я вошел за ним в кабинет – тот самый, в который поступил Рейган. Пришел врач скорой помощи. Я объяснил ему, что у меня заболело правое плечо, а потом боль переместилась вниз по руке. Тут же к моей груди оказались присоединены контакты электрокардиографа, а в запястье воткнута иголка капельницы. Никто даже не спросил у меня страховое свидетельство.

Появилась Тэмми, увидела, что происходит, и поехала домой за Хаей. Место Тэмми рядом со мной занял продюсер с радио Mutual Пэт Пайпер.

Появился доктор Уоррен Леви.

«У меня все прошло, – сказал я ему. – Больше ничего не болит».

«Вот что я вам скажу, – ответил Леви. – Если вы останетесь, я тоже останусь с вами, потому что нам нужно сделать кое-какие анализы, когда боль снова вернется».

Я обратил внимание, что он не сказал «*если*». Он сказал «*когда*».

«Ну ладно, – сказал я ему. – Я подожду». И он оставил меня сидеть там, страстно мечтающим о сигарете. Но в приемном покое скорой помощи курить не разрешалось.

Через какое-то время боль действительно вернулась, причем это была самая дикая боль, которую я только испытывал в жизни. Врачи и медсестры взяли свои анализы, повесили результаты на доску в другом конце кабинета и собрались вместе, чтобы оценить их. И вдруг повернулись и бросились ко мне.

Удивительно, как все-таки юмор помогает в жизни.

«Кажется, дело тут не в растянутой мышце», – сказал я Пэту. Прилетел доктор Леви, посмотрел мне в глаза и заявил:

«Мистер Кинг, должен сказать вам всю правду. У вас инфаркт».

«Я умру?»

«Хороший вопрос. Потому-то вам и платят такие деньги. На самом деле этого никто не знает. Пока рано об этом говорить. Однако у вас есть три огромных преимущества. Во-первых, инфаркт случился в больнице, а не где-нибудь на склоне горы. Во-вторых, это правосторонний инфаркт. При таком типе инфаркта в 75 % случаев пациент выздоравливает даже без медицинского вмешательства».

Я узнал, что при правостороннем инфаркте нарушается лишь 17 % объема кровообращения. И от него можно умереть, но вероятность такого исхода невелика.

В-третьих, мне повезло в том, что больница Университета Джорджа Вашингтона была одной из немногих, где применялось экспериментальное лекарство, под названием tPA (тканевый активатор плазминогена), разрушающее тромбы, блокирующие ток крови в артериях. Единственная проблема была в том, что в 1 % случаев применение этого средства приводило к инсульту.

Мне было все равно. В тот момент я чувствовал, что уже умираю. Как только я подписал согласие на применение средства, медсестра начала вводить tPA. Потом, когда я увидел ту подпись,

оказалось, что она совершенно нечитаема. Прошло пять минут, и боль прекратилась. Сейчас это средство используют повсюду на скорой помощи.

Кардиолог, который занялся мной, доктор Ричард Кац, сказал, что я должен буду остаться в больнице на неделю. К этому времени уже приехала Хая. Она передала сообщение Гербу, который в тот момент летел в Вашингтон. Еще она позвонила Энджи Дикинсон.

«Энджи, – сказала ей Хая. – У меня ужасные новости».

«Можешь не говорить, – ответила Энджи. – У тебя сдох хорек». Герб приземлился в аэропорту, услышал, что объявляют его имя, и тут же решил, что что-то случилось со мной. Он до сих пор не понимает, почему так подумал. Он просто знал. Поговорив с Хаей по телефону, он помчался прямо в больницу.

Но тут обнаружилась другая проблема. Меня положили в специальную палату для «сердечников», куда допускали только ближайших родственников. Но это же был Герб! Вскоре он шагал по коридору к моей палате, оглядываясь на несуществующих людей и сообщая невидимым собеседникам так, что слышали все вокруг: «Да, да, я об этом позабочусь! Я с ним поговорю!»

Я, должно быть, выглядел как живой труп. И он, увидев меня, не придумал ничего лучшего, как протянуть руки, чтобы заключить меня в объятья. О, друг мой…

Я тоже протянул руки к нему, и в результате мы выдернули все провода, присоединенные к монитору.

По коридору разнеслось «бип-бип-бип». Вероятно, на экранах у дежурной сестры отразилось, что пациент из 12-й палаты скончался.

Прибежали доктора и медсестры, вышвырнули Герба вон и присоединили все на место. В моей жизни намечалось много перемен. Я был уверен, что врачи запретят мне курить. Но им не пришлось этого делать. Я был настолько напуган, что мне не надо было даже говорить об этом. Я всегда любил хороший стол – с тех пор, как впервые попробовал приготовленный матерью обед. Но теперь даже не попытался возражать, когда мне сказали: «Больше никаких жирных бараньих отбивных». Я понимал, что поступал неправильно. Я делал глупости, но я не был глупцом.

В будущем мне предстояло питаться овсяными хлопьями и бананами с обезжиренным молоком на завтрак, салатом на обед и курицей либо рыбой с тушеными овощами на ужин. Единственное лакомство, которое я мог себе позволить, – это обезжиренный йогурт без сахара.

Через неделю мне разрешили покинуть больницу. Хая повезла меня домой. По дороге я вынул из кармана пачку сигарет

и выкинул ее в Потомак[84]. Больше я никогда не курил.

Через полгода с небольшим я пришел на обследование – первое после инфаркта. Я встал на тренажер, и не прошло двух минут, как наблюдавший за мной врач сказал: «Достаточно».

«В чем дело?»

«Вам необходима операция на сердце».

«Что?»

Я был в шоке. Как же так? Я бросил курить, поменял рацион, потихоньку стал заниматься физкультурой и на час сократил свое ночное радиошоу. Я даже купил новую одежду, потому что, достав из шкафа вещи к весне, обнаружил, что все они пропахли табаком. Все годы, пока я курил, я никогда не замечал этого. Я отнес все вещи в химчистку, но запах все равно остался.

«Вам не стоит продолжать, – сказал врач. – У вас явно закупорены сосуды. Нагрузка слишком велика. Вы можете умереть прямо на месте».

«Я, конечно, пришел проверить мою устойчивость к стрессу, – ответил я, – но такого точно не ожидал. Поэтому хотел бы услышать мнение другого специалиста».

Данные обследования были посланы в Нью-Йорк, известному кардиологу – племяннику Герба. Он просмотрел их и тут же перезвонил мне.

«Все верно, – сказал он. – Операция действительно необходима. Я бы вам порекомендовал доктора Уэйна Айсома. Это прекрасный хирург и прекрасный человек».

«Хорошо», – сказал я.

Но почему-то все откладывал и откладывал обращение к хирургам. И даже могу сказать почему: я боялся смерти. Нежелание принимать решение приводит порой к странным вещам. Я стал убеждать себя, что в любой момент может быть изобретено лекарство от закупорки сосудов, что однажды я возьму газету и прочитаю огромный заголовок:

«Больное сердце можно вылечить. Ларри Кингу не нужна операция».

Трудно описать, как я боялся. Если бы мне сказали, что операции можно избежать, если вообще отказаться от секса, я бы соблюдал обет безбрачия по сей день. Но таких возможностей мне никто не предоставлял. Я останавливался, чтобы успокоить дыхание, заходя в аэропорт, и принимал нитроглицерин при малейшем признаке боли в груди.

Но если уж мне суждено было умереть, я хотел умереть в НьюЙорке. Через два месяца после того знаменательного обследования была назначена операция. Меня ждали доктор Айсом и Пресвитерианский госпиталь Нью-Йорка.

Многие, кто пережил подобную операцию, звонили мне и рассказывали, что ничего страшного в ней нет. Но чем ближе был день X, тем сильнее я переживал. Несмотря на всю поддержку и шутки друзей, я мог думать лишь об одном: а вдруг я вижусь с ними в последний раз?

На радио гостем моей последней программы перед операцией в Нью-Йорке был Арт Бухвальд[85]. Он заявил, что почему-то всегда приходит на шоу, ведущий которого вскоре оставляет наш мир. Потом рассказал о том, как его жене была сделана операция на сердце. «Но если уж говорить начистоту, – заметил он, – никому нет никакого дела до ваших проблем. Друзья согласны выслушивать вас не более трех минут. Знакомые – не более двух. А незнакомые – одну… если только это не коронарное шунтирование».

На следующий день, в пятницу, из Балтимора, где он вел репортажи об играх Orioles, приехал Джон Миллер, забрал меня из Вашингтона и повез в Нью-Йорк. Я не слышал, кажется, ни слова из того, что он говорил мне дорогой. В голове у меня крутилось только одно: они вскроют мне грудную клетку, они вскроют мне грудную клетку. Операция была назначена на вторник. Это были мои последние выходные.

В Нью-Йорке я остановился у брата. Когда-то давным-давно, когда Марти только родился, я хотел выкинуть его в окно за то, что он отбирал у меня родительское внимание. По мере того как мы взрослели, различия между нами росли все сильнее. Я тратил деньги, едва они у меня появлялись. Марти же был очень бережливым и прятал их по всей квартире. Однажды я обнаружил два четвертака, которые он спрятал, и забрал их. Когда он узнал, то совершенно вышел из себя.

«Да я дам тебе эти пятьдесят центов», – уговаривала его мать.

«Не в этом дело! Это принципиальный вопрос! Он украл мои деньги!»

«Это не кража! Вы же братья!»

«Нет, кража! Его нужно посадить в тюрьму!»

Когда я переехал в Майами, мы вообще отдалились друг от друга. Но если смотришь на своего брата с мыслью, что эти выходные могут быть последними, которые вы проводите вместе, возникает некая близость. Через шесть месяцев, когда выяснилось, что Марти нуждается в такой же операции, мы стали еще ближе. Видимо, все дело в генах.

Я должен был лечь в больницу вечером в воскресенье. Сейчас, когда все контролируют страховые компании, можно ложиться в больницу прямо в день операции. И вот наступило воскресенье – мрачный дождливый ноябрьский день, похожий на саму смерть.

Я отправился в больницу с братом, его женой Эллен и присоединившимся к нам Бобом Вульфом. Хая и Энди тоже приехали туда. В приемном покое мы увидели Марио Куомо, стоявшего рядом с главврачом. Они хотели пожелать мне удачи. Марио привез мне в подарок бейсбольную перчатку. Я храню ее до сих пор.

«Мистер Кинг, – сказал главврач, – хочу заверить вас, что вы получите самый лучший уход. Все уже подготовлено. Вам не нужно заниматься никакими бумагами. Все взял на себя мистер Вульф. Прошу, пройдемте в палату».

Мы поднялись на лифте на 18-й этаж. Вот это палата! Из окна открывался великолепный вид на Ист-Ривер. Там была замечательная мебель и огромный телевизор. Единственное, что указывало на то, что я в больнице, – мониторы рядом с кроватью.

Пока мы взирали на все это великолепие, главврач радостно провозгласил: «В этой же палате лежал шах Ирана».

«Насколько я помню, – заметил я, – *он* умер. Нет ли у вас другой палаты, где лежали сорок два человека и все отправились домой?»

Все рассмеялись. Марио ушел. Главврач ушел. Остались брат с женой, Хая, Энди и Боб.

Когда мой брат спустя полгода готовился к операции, я посоветовал ему, ложась в больницу, не брать с собой родственников. Это очень удручает. Ты смотришь на них и думаешь: «Я никогда их больше не увижу».

Я не верю в Бога и рай. Мне всегда нравился анекдот про человека, который, упав в яму, сломал обе ноги и закричал: «Слава богу, что я не умер!» Но за что он благодарил Бога? За сломанные ноги?

Правда, атеистом меня сложно назвать, потому что это тоже своего рода религия. А когда я сказал Билли Грэму[86], что не верю в Господа, он ответил: «Ты мне уже это говорил. Но ты – один из самых духовных людей, кого я знаю. У Господа для тебя особая миссия, я чувствую это всем своим существом. Можешь думать, что хочешь, – ведь мы свободны в своих мыслях, – но ты у Господа на особом счету».

Скажу вам откровенно, ожидая операции, я очень хотел сохранить этот счет. Я хотел снова увидеть всех, кого любил. Но операция – дело печальное. Те, кто ее пережил, утверждают, что все это ерунда. Но я еще не встречал никого, кто, ложась в больницу, заявлял: «Да это мне раз плюнуть!»

И вот появился хирург – в десятигаллонной шляпе[87] и ковбойских сапогах. Это был доктор Уэйн Айсом.

«Мистер Кинг, – сказал он, – все будет хор-р-р-рошо! Все

будет хор-р-р-рошо!»

Что за дела? Разве не все кардиохирурги – евреи? Откуда взялся этот кардиоковбой? Позже я узнал, что существует лишь два вида кардиохирургов: евреи и техасцы. Не бывает кардиохирурговпротестантов из Южной Дакоты. Их просто не существует в природе.

Доктор Айсом подошел ко мне и начал первичный осмотр. Ну, знаете, такое постукивание по груди двумя пальцами.

Я посмотрел вниз, моргнул, глянул еще раз… У него не было половины большого пальца на правой руке!

Что я должен был думать? Этот человек оперировал Дэвида Леттермана и Уолтера Кронкайта[88], и у него вместо большого пальца – обрубок!

Я сказал:

«Доктор Айсом, у меня всю жизнь была необъяснимая привычка: когда я встречаюсь с кем-то, я пересчитываю у него пальцы… и у вас я насчитал девять…»

Он улыбнулся и рассказал, что в детстве схватился за ветки живой изгороди, которую его мать в тот момент подстригала. Она не заметила и случайно отрезала ему кончик пальца. И он утверждал, что благодаря этому стал более искусным хирургом, потому что научился одинаково хорошо орудовать обеими руками.

«Знаете, – сказал ему я, – я зарабатываю на жизнь тем, что задаю вопросы. Поэтому мне нужно знать: что вы будете делать со мной завтра?»

«Вы уверены, что вам нужно это знать?»

«Конечно».

«Ладно. Так вот, завтра мы возьмем пилу и вскроем вашу грудную клетку».

«BorgWarner? – перебил я. – Ту самую пилу из рекламы с белками на деревьях?»

«Как ни странно, я отвечу вам “да”. Потому что пила изготовлена именно этой фирмой».

«А белки будут?»

«Потом мы оттянем назад ваши ребра, подключим вас к искусственному сердцу и легкому, вытащим ваше сердце, чтобы вместо него работал аппарат, а потом вырежем вены из ваших ног и…»

«Все! Хватит! Хватит!» – взмолился я.

Ночью мне приснилось, что доктор Айсом, бреясь, отрезал себе другой палец. Я проснулся с мыслью, что меня будет оперировать хирург с восемью пальцами на руках.

Когда мне дали наркоз, я не увидел никаких границ мира.

Никаких огней. Я не вспомнил ничего о своей прошлой жизни. Я просто был в отключке восемь часов.

Оказалось, мне сделали коронарное шунтирование. Возвращение в реальность было одним из величайших моментов моей жизни. Я открыл глаза и почувствовал, что немного замерз. Я был укрыт какими-то одеялами, и медсестра сказала: «Мистер Кинг, вы прекрасно справились». В тот момент я был счастливее всех на свете.

Фрэнк Синатра превратил мою палату в ботанический сад. Цветов было так много, что их просто некуда было ставить. Мы раздавали их другим пациентам больницы.

Прилетела Энджи Дикинсон, и Боб решил сообщить мне об этом.

«Угадай, кто пришел?» – спросил он.

«Джо ДиМаджио?» – предположил я. Боб-то ведь был спортивным агентом.

Заехал Тед Тернер. Это было замечательно, потому что первое, о чем думаешь после операции на сердце, – возьмут ли тебя обратно на работу?

Настроение у меня было прекрасным. Уже довольно скоро я мог сам подниматься по лестнице. А через неделю меня выписали. Был один из великолепных зимних дней. Нью-Йорк был просто чудесным! Я отправился обратно в дом к Марти и Эллен. По дороге мне попался филиал букмекерской конторы ОТВ[89]. Я зашел.

Ко мне обратился служащий конторы со словами:

«О, а я читал в газетах, что вам сделали операцию на сердце. И как вы?»

«Прекрасно».

«Рад за вас, – сказал он. – На кого будете ставить?»

Ценность таких моментов понимаешь только после того, как перенес операцию на сердце.

После этой операции я много раз беседовал с Эвереттом Купом. Мы вместе участвовали в различных мероприятиях, и я нередко представлял его на званых обедах.

«Вы должны, – сказал он мне как-то, – считать этот инфаркт одной из самых крупных удач в своей жизни. Вам повезло в том, где это с вами случилось, повезло с типом инфаркта и повезло, что вам было в тот момент 53. Если уж такому суждено случиться, то лучше именно в этом возрасте. Если все пойдет хорошо, вы проживете еще очень долго. К тому же вас оперировали прекрасные врачи в прекрасной больнице. Если бы у вас не случилось того инфаркта, вам грозил другой, более обширный. Так что не все, что кажется плохим, на самом деле

действительно плохо».

Прошло много лет, прежде чем я понял эти слова.

Другая точка зрения

Хая Кинг

Дочь

Мы ждали примерно восемь часов. Потом пришли врачи и сказали, что все в порядке, что отца перевели в палату. Нам разрешили входить к нему по одному. И сказали: «Он пока без сознания. Он не может вас слышать и реагировать». Поэтому я просто зашла, чтобы подержать его за руку. Он был весь перебинтован – не то чтобы совсем как мумия, но очень похоже. К нему были подключены всякие приборы. Я взяла его за руку, наклонилась и проговорила ему на ухо: «Папа, ты справился. Я люблю тебя. Я с тобой». И рука, которую я держала, сжала мою ладонь, причем очень сильно.

В числе прочего отец научил меня, что никогда не надо падать духом.

Эллен Дэвид

Жена брата

Ларри останавливался у нас до и после операции, и это был первый случай, когда Марти и Ларри спали под одной крышей с тех пор, как были детьми. Появилась замечательная возможность возродить братские чувства, потому что Ларри вернулся из больницы просто в превосходном настроении. «Господи, Боже! Я жив!»

В первые пару лет нашей жизни с Марти количество разговоров с Ларри можно было пересчитать по пальцам одной руки. А теперь мы каждый вечер заказывали блюда китайской кухни. До сих пор помню, как Ларри по 25 минут изучал меню, брал цыпленка с кешью, а потом кешью не ел. Он стал настоящим членом нашей семьи.

Во время выздоровления Ларри мы ходили в кино на Broadcast News («Теленовости»). Было очень забавно. После операции шунтирования необходимо брать с собой подушечку, чтобы прикладывать ее к груди, потому что от смеха в груди возникает страшная боль. А фильм действительно был очень смешным. Помню, как Ларри и Марти сидели в машине. Марти говорил что-нибудь смешное, а Ларри смеялся, прижимал к груди подушку и стонал: «Перестань! Ну перестань же!»

Если честно, когда Ларри через неделю уехал, Марти

подумал, что близость между ними закончится, как только Ларри вернется к своей безалаберной жизни. Но, слава богу, этого не произошло.

Марти Зайгер

Брат

Мне через полгода делали ту же операцию. Помню ночь накануне. Мне выбрили грудь, и я принимал душ с каким-то лекарственным мылом. Я стоял под душем и говорил себе: «Они вскроют мне грудную клетку».

В такие моменты действительно понимаешь, насколько хрупок человек.

Эллен Дэвид

Ларри приехал к нам, чтобы поддержать нас во время операции Марти. С тех пор они разговаривают друг с другом почти каждый день. Разговор может быть совсем коротким, но они постоянно поддерживают связь. Из очень страшных событий выросло нечто удивительное. Эта возрожденная близость оказалась настоящим даром для них обоих.

Глава 13
Дебаты

Из всего, что мне хотелось бы сделать в своей карьере, есть одно, чего мне делать не приходилось: вести дебаты кандидатов в президенты во время предвыборной кампании.

Я вел дебаты между Бушем и Маккейном во время выдвижения кандидатур от республиканцев в Южной Каролине в 2000 году и думал, что они друг друга поубивают. Я проводил телемост с лидерами Израиля, Палестины и Иордании. Еще я устроил первые в стране дебаты между вице-президентом и обычным гражданином, когда Эл Гор и Росс Перо обсуждали NAFTA[90] в 1993-м. Но вот дебаты между кандидатами в президенты от демократов и республиканцев вести мне не доводилось ни разу.

Кажется, Уолтер Кронкайт тоже ни разу не проводил президентские дебаты. В свое время он был более популярен, чем любой из кандидатов. А про меня уже давно кто-то сказал: «Ларри Кинг – это личность. Зачем нам нужно превращать президентские дебаты в шоу Ларри Кинга?» Это, конечно, веский аргумент. В моей программе не действуют правила Федеральной избирательной комиссии. Иногда в ответ на реплику кого-то из гостей я не произношу вообще ни слова, а просто показываю на другого, предоставляя отвечать ему. Я просто даю событиям идти так, как они идут. Так что я все понимаю, но как-то не хочется отказываться от своей мечты. Когда я смотрю президентские дебаты, меня все равно тянет быть там.

Заставлять людей всесторонне разбирать какую-нибудь проблему – это именно то, чем я занимаюсь практически каждый вечер. И можно сказать, что на протяжении почти четверти века в моем шоу на CNN велись самые значимые дебаты в мире. Иногда я задумываюсь о том, на что были бы похожи дебаты между Авраамом Линкольном[91] и Стивеном Дугласом[92]. Они продолжались часами, причем на них не было модератора! Можете себе представить, во что превратились бы сегодня дебаты по поводу абортов или прав сексуальных меньшинств, если бы не было модератора?

Не знаю в точности, когда это началось, но на протяжении моей жизни произошли крупномасштабные изменения в отношении к сексуальным меньшинствам. Во времена моей юности гомосексуалисты считались чудиками, почти сказочными персонажами. Было забавно отправиться в Гринвич-Виллидж,

чтобы поглазеть на них. Со временем я стал более свободомыслящим. Но по-настоящему научился принимать гомосексуализм после того, как брал интервью у героя корейской войны, которого вышвырнули из армии за то, что он был геем. Его уволили, несмотря на то что он никогда не бывал замечен в каких-то сексуальных контактах на территории военной базы. Со своими любовниками он встречался исключительно в других местах и только в свое свободное время. И ни разу не нарушил ни одного армейского правила. Он обратился с иском, и его дело было передано в Верховный суд.

В ходе интервью он пояснил, что не знает, почему стал геем. Он вырос в обычной семье. Родители были гетеросексуалами. Его старший брат женился, у него было несколько детей. Но сам он почему-то еще в детстве любил играть с куклами. Но, с другой стороны, его привлекали оружие и военная форма.

Пока мы разговаривали, симпатичная девушка принесла нам в студию кофе. На ней была мини-юбка. Когда она вышла, он спросил у меня: «Это вас возбуждает?»

«Да», – ответил я.

«А меня – нет, – сказал он. А потом спросил: – А вы знаете, почему вас это возбуждает?»

«Ну…»

«Ну да, на ней короткая юбка. У нее красивые ноги. Но давайте задумаемся. *Почему* это вас возбуждает? Ответ – вы этого не знаете. Вы взрослеете, смотрите на девушек и возбуждаетесь. А я рос, смотрел на мальчиков и испытывал возбуждение. И ни один из нас не знает, почему так происходит. Вы не знаете, почему вы стали гетеросексуалом. Вы ведь не принимали решения стать таким. Вы не сидели и не думали: мальчики или девочки? Мальчики или девочки? И не выбрали девочек сознательно».

И когда он говорил это, мне вспомнился один случай. Мне было лет одиннадцать, и к нам на обед зашла моя кузина Лоретта. Что-то упало на пол. Я наклонился, чтобы поднять упавший предмет, и случайно заглянул Лоретте под юбку. И почувствовал, что возбуждаюсь. Я не знал, почему это произошло со мной. Из-за чего я стал чувствовать это?

Значит, некоторые парни точно так же чувствуют возбуждение, глядя на мальчиков, и понятия не имеют, почему это происходит с ними. Видимо, это что-то из области генетики. Это нельзя изменить. Меня невозможно сделать гомосексуалистом. Это просто нереально. Но я не выбирал гетеросексуализм. Да и кто в здравом уме захочет стать «голубым»? Подумайте сами. Я бы, например, мог захотеть стать

президентом. Но выбирать – быть ли мне геем или нет?…

Никогда не забуду этого интервью. Я всегда вспоминаю о нем, когда разговариваю с религиозными лидерами типа Джерри Фолвелла, и всегда застаю их этим врасплох.

Они обычно утверждают, что молятся за гомосексуалистов. Они уверены, что быть таким – следствие ошибочного выбора.

А я говорю им в ответ:

«Значит, по-вашему, эти люди сознательно решили быть гомосексуалистами? Это, по-вашему, их выбор?»

«Да, – отвечают мне. – Они сами выбрали такие сексуальные отношения».

Тогда я выдерживаю небольшую паузу, а затем спрашиваю:

«А вы помните, когда именно *вы* решили быть гетеросексуалом?» И никто никогда не мог ответить мне на этот вопрос.

Люди типа Джерри Фолвелла говорят:

«Ну, это ведь норма». А я спрашиваю:

«Что вы имеете в виду под “нормой”? Для гея норма – быть геем». Я спрашивал об этом почти всех религиозных лидеров. Ко мне на программу приходил Элтон Джон и всесторонне обсуждал свою жизнь. Помню и разговор с актером Реймондом Берром. Он не стал говорить о своем гомосексуализме в эфире. Но за обедом он рассказал мне, как тяжело было в 40–50-е годы.

Он снимался в кино, заболел, его положили в больницу и сделали операцию. Он не знал, как будет оплачивать медицинские счета. Но когда он покидал больницу, то обнаружил, что счета уже оплачены. Оказалось, о них позаботился Фрэнк Синатра. Они с Реймондом вместе снимались. Берр не был уверен, что Синатра оплатил бы его счета, если бы знал, что он гей.

Лично я могу теперь сказать по этому поводу только одно: кому какое дело до того, какая сексуальная ориентация у человека? Человек свободен и вправе любить того, кого ему хочется.

Но если я беру интервью у кого-то, кто выступает за однополые браки, я стараюсь не выставлять напоказ свою точку зрения в эфире. Во время предвыборной кампании 2008 года, когда калифорнийцы должны были решать, запрещать ли однополые браки, примерно 18 000 однополых пар уже успели зарегистрировать свой брак по существовавшему в штате закону. Но в ходе кампании люди вдруг в подавляющем большинстве проголосовали за запрет. Активисты движения за права гомосексуалистов устраивали по всей Калифорнии акции протеста. Если бы кто-то из них в тот момент стал моим гостем, я

бы сказал ему: «Вы совершаете бессмысленные действия. Неужели ваши акции помогут вам решить проблему? Не лучше ли вспомнить о легитимных методах воздействия?»

Я всегда стараюсь убедить людей с противоположными точками зрения взглянуть на вещи со стороны. Другой пример – вопрос об абортах. Однажды я брал интервью у вице-президента Дэна Куэйла. Он выступал против абортов. И я спросил его: «А что, если ваша дочь придет к вам с проблемой, которой боятся все отцы? Как вы поступите?»

«Я постараюсь дать ей добрый совет и поговорить с ней по душам, – ответил Куэйл. – Я поддержу ее в любом решении, которое она примет».

На следующий день заголовки в газетах кричали: «Куэйл разрешил бы дочери сделать аборт!»

У меня не было цели заставить его сказать такое. Я просто хотел заставить его подумать. Для этой цели замечательно подходят гипотетические вопросы. Многие политики очень не любят отвечать на них, потому что они вынуждают их думать по-другому.

Я считаю, что женщина имеет право выбирать. И не думаю, что общество должно лишать женщину такого права. Но в эфире я могу сказать человеку, который выступает за аборты: «Есть много других возможностей. Например, отдать ребенка паре, которая не может иметь своих детей. Есть много людей, которые готовы отдать все что угодно, за возможность вырастить ребенка. Так зачем же уничтожать жизнь?» И когда я начинаю говорить такое, я даже сам в это верю.

Я абсолютно против смертной казни. Я считаю, что, лишая жизни убийцу, мы совершаем точно такое же убийство. Но основное мое возражение состоит в том, что смертная казнь полностью отрицает возможность последующего пересмотра дела. Во всех других случаях, если правосудие совершает ошибку, оно может заявить:

«Мы просим прощения. Вот вам компенсация». Но, если человек казнен, такого уже не сделаешь.

Представьте, каково невинному находиться в камере смертников и ждать исполнения приговора. Классический пример – дело Питтса и Ли во Флориде. Двое чернокожих мужчин были обвинены в убийстве двух белых работников бензозаправки. Это было в начале 1960-х. Оружия найдено не было. Не было вообще никаких улик. Питтсу исполнилось 27, он был военнослужащим. Ли – девятнадцать, и он работал поваром. Полицейские избивали их, пока они не признались. Девять лет они ожидали исполнения приговора. Потом один белый мужчина признался, что он

совершил то убийство, и был подвергнут проверке на детекторе лжи, которая подтвердила его признание. Но даже после этого Питтс и Ли вновь предстали перед судом и были вновь осуждены, потому что судья не дал присяжным выслушать признание убийцы. И только после того, как книга, посвященная этому делу, получила Пулитцеровскую премию, Питтс и Ли были помилованы губернатором.

Проблема смертной казни заключается в том, что невозможно сочинить закон, по которому, если вас признают убийцей 14 человек, вы будете считаться заслуживающим смерти. Единственный человек, к которому бы я согласился применить высшую меру наказания, – тот, кто попросил бы об этом.

Но я, как всегда, ищу способ взглянуть на проблему с обеих сторон. Если ко мне на передачу приходит человек, выступающий против смертной казни, я спрашиваю у него: «А как насчет Гитлера? Что, если бы Гитлер в 1940 году был арестован и помещен под стражу? И если бы вы знали, что, в случае если он будет освобожден или как-то иначе выйдет из заключения, он погубит миллионы человеческих жизней, вы бы согласились казнить его?»

К концу 1980-х на CNN почти постоянно обсуждались подобные вопросы. Это сейчас на любом канале можно увидеть политиков и ученых мужей, дискутирующих друг с другом обо всем подряд. Но Fox News Руперта Мердока стали выходить только в 1996 году. Точно так же, как и передачи MSNBC. А до того времени телеканала, подобного CNN, не существовало. И именно в конце 1980-х для «Шоу Ларри Кинга» звезды действительно сошлись. Нас транслировали по всему миру, нам звонили даже из Гренландии и Австралии и задавали вопросы. Теперь, может быть, это и не кажется таким огромным достижением. Но тогда еще не было бесплатных номеров, начинающихся на 800. Зрители из Гренландии должны были платить за возможность позвонить в студию… а ждать вывода звонка в эфир приходилось подолгу.

Всякий раз, когда случалось что-то из ряда вон выходящее, все чаще и чаще зрители обращались именно к CNN. Когда я вернулся из больницы после инфаркта, случился скандал с телепроповедниками Джимом и Тэмми Фэй Бэккер. Эта «желтая» история была словно специально создана для телевидения. Джим и Тэмми Фэй были милейшей парой, они были знакомы со школьной скамьи и смотрелись почти как сиамские близнецы. Он продавал, а она делала картинку. Они основали клуб «Восславим Господа» и выступали на телевидении, зазывая посетителей в христианский отель и тематический парк. Они собирали

миллионы и тратили их, купаясь в роскоши до такой степени, что даже заказали своей собаке будку с кондиционером. При этом Джим крутил роман со своей красавицей-секретаршей Джессикой Хан, которой платил за молчание.

Джим и Тэмми Фэй не раз были у нас в гостях, да и Джессика Хан тоже. Она и вправду была очень привлекательна. Я никогда ее не забуду. Я в тот момент был свободен. Как-то я вез ее на такси в отель, а она заигрывала со мной. Как бы случайно подняла ножку к моему паху и покрутила ею. Но я сдержался. Момент был не слишком подходящим. И я прекрасно понимал это.

Скандал с Джимом и Тэмми Фэй стал находкой для телевидения, тем более что постоянно открывались новые обстоятельства и выдвигались новые обвинения. Хан обвинила Бэккера в том, что он подсадил ее на наркотики и изнасиловал. Ко мне в программу приходил проповедник Джимми Сваггарт и назвал Бэккеров раковой опухолью на теле Христовом. Спустя короткое время он был застукан в луизианском отеле с проституткой. Больше сотни тысяч бывших членов клуба «Восславим Господа» подали коллективный иск, пытаясь вернуть свои деньги. На помощь поспешил Джерри Фолвелл и пытался взять руководство организацией в свои руки. Но после одной успешной акции по сбору средств он был спущен по водяной горке в парке развлечений прямо в одежде. Тэмми Фэй не любила Фолвелла, но держала свои чувства при себе. Никто ни в чем не обвинил Тэмми Фэй. Зато Джима обвинили в мошенничестве, и он был отправлен в тюрьму. При аресте он визжал, брыкался и сопротивлялся как мог.

Вначале Тэмми Фэй поддерживала его. Она не посещала ни одной телевизионной программы без размазанной по щекам туши. Но все же, пока Джим сидел в тюрьме, Тэмми Фэй развелась с ним. Она вышла на улицу во время гей-парада, присоединилась к демонстрантам и стала любимицей сексуальных меньшинств. Мы поддерживали дружеские отношения. Потом она заболела раком кишечника, а затем – неоперабельным раком легких. Она была гостем моей программы буквально накануне своей смерти. Весила она, наверное, фунтов шестьдесят пять. Мне казалось, что я вижу саму смерть. Я действительно боялся, что она скончается прямо во время шоу. Она с трудом могла говорить, но ей хотелось попрощаться. Сообщение о ее смерти вышло в эфир по окончании моего шоу в следующий вечер.

Может, это и было мыльной оперой, но от этого было не отвертеться. Я помню, как спросил Теда Коппеля: «Как мы можем

сохранять в наших программах нужный баланс между сплетнями и новостями?» И Тед ответил: «Я для них рассказываю про Джима Бэккера. А они за это разрешают мне рассказывать о Ближнем Востоке». Моя ситуация была такой же. Но Тед Тернер дал мне возможность описать конец холодной войны и все, что за этим последовало.

Не знаю, мог ли Тед предсказать скандал с Бэккерами, когда основывал CNN. Но вот об окончании холодной войны он мечтал. Когда были запущены первые передачи CNN, отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом оставляли желать лучшего. Советы в 1979-м вторглись в Афганистан. В ответ на это президент Картер запретил американским спортсменам участвовать в Олимпийских играх 1980 года в Москве. Четыре года спустя Советский Союз ответил тем же. Они бойкотировали Игры в ЛосАнджелесе и призвали к тому же большую часть стран коммунистического блока.

И Тед задумал объединить Советский Союз, Соединенные Штаты и весь остальной мир. Он назвал свою идею Играми доброй воли. Время было выбрано самое подходящее. Главой СССР в 1985 году стал Михаил Горбачев, и с ним пришло чувство большей открытости. Через год тысячи спортсменов со всего мира приехали в Москву на первые Игры доброй воли. Тед встретился с Горбачевым. Советская рок-группа исполняла американский гимн. Гребцы советской и американской команд поменялись местами в лодках. Для Теда все было просто. Он вернулся в Штаты и сказал: «Коммунисты точно такие, как и мы. Они точно так же едят, так же ходят. У них точно так же по два глаза. И с ними можно разговаривать. С ними не обязательно соглашаться, но ведь разговаривать с ними можно». Разве мог кто-то с этим не согласиться? Через год Рональд Рейган в Берлине обратился к Горбачеву с призывом «развалить эту стену». В 1989-м зрители CNN увидели, как рухнула Берлинская стена. Не прошло и десяти лет с тех пор, как Тед начал объединять людей с помощью спутникового телевидения.

Моя роль на CNN именно в те годы приобрела особую важность. Рейтинги взлетели до небес. Весь мир был у моих ног каждый вечер в девять, о шоу писали и говорили повсюду. Но так совпало, что именно в этот момент закончился мой контракт. И у меня было 30 дней на то, чтобы при желании перейти на другую работу, либо контракт с CNN продлевался.

За этот месяц Боб Вульф сбился с ног в поисках вариантов. Он получил два замечательных предложения. Одно – от Руна Арледжа[93] с ABC. Рун хотел, чтобы я делал продолжение шоу Nightline. Тед Коппель был бы в эфире до полуночи, а я – после.

Второе предложение было от братьев, управляющих King World: они делали шоу Опры Уинфри и множество других популярных программ. Это были милые, но несколько сумасшедшие парни. Они придумали концепцию шоу под названием «Ларри Кинг на связи». У нас должно было быть два самолета, на которых репортеры вылетали бы в горячие точки, а потом передавали мне новости оттуда в студию.

В то время на CNN я получал примерно 800 тысяч долларов в год. Если бы я принял любое из этих предложений, моя зарплата могла бы практически удвоиться. ABC было более престижным местом. Но работа в King World предполагала еще и процент от прибылей информационного агентства.

Мы с Бобом день за днем обсуждали эти предложения. И никак не могли решить, какое из них принять. К концу месяца я начал нервничать всерьез. Чтобы как-то развеяться, я полетел в Калифорнию. В то время я встречался с Энджи Дикинсон, и она ждала меня в аэропорту. Шел дождь. Пока мы ехали в отель, я рассказал ей о своих делах.

Я до сих пор помню, как смотрели на меня ее прекрасные глаза, а дождь стекал по стеклу автомобиля.

«Ты что, несчастлив?» – спросила она.

«Нет».

«А если ты всем доволен, то зачем тебе уходить?»

«Ну, там предлагают больше денег».

«Это не слишком веская причина».

Мы приехали в отель и немного подурачились. Потом я долго не мог уснуть. Боб с утра должен был встречаться с Тедом в Атланте и сказать ему, что я ухожу из CNN. Всю ночь я лежал в постели и размышлял о словах Энджи. Решить что-либо было непросто. Мне всегда очень сложно покинуть место, где я чувствовал себя как дома. Но мне льстило, что меня так высоко ценят конкуренты. К тому же Боб проделал огромную работу, подыскивая для меня новые возможности. Если бы я остался на CNN, он не получал бы ни на цент больше. Но если бы я ушел, то и он оказался бы в выигрыше.

В шесть утра зазвонил телефон.

«Ларри, это Тед. Я говорю по громкой связи. Боб здесь, и он сказал мне, что ты собираешься уходить».

Я услышал крики Боба:

«Это неприлично! Это неприлично!»

«К черту приличия, – сказал Тед. – Приличия тут совершенно ни при чем. Ларри, послушай. Вот что я хочу. Все очень просто. Просто скажи мне: “Пока, Тед”. Ты говоришь это, и мы с тобой расстаемся друзьями. Ты начинаешь работать на новом месте, и

никто ни на кого не держит зла. Я звоню просто потому, что хочу услышать, что ты скажешь: “Пока, Тед”. Я хочу услышать это от тебя».

Стоя в номере отеля в одном белье и прижимая к уху трубку, я не мог произнести ни слова.

Тед ждал долго. В комнате воцарилась тишина.

«Ты не можешь этого сказать! – наконец проговорил он. – Ты не можешь этого сказать!»

Я слышал, как Боб на заднем фоне стонет: «Это безумие!» Но Теда уже ничто не могло остановить.

«Вот что я хочу, – сказал он. – Ты всегда был мне верен, и я обещаю, что через год ты будешь получать у меня столько же, сколько тебе предлагает ABC. Я не могу платить такие деньги кому попало. Сейчас мы расширяемся, и прямо сегодня не могу платить столько даже тебе. Но через год ты будешь получать у меня полтора миллиона. Можешь записать дату. Ты остаешься».

Позже, когда все успокоилось, Тед сказал то, чего я не забуду никогда. Я с удовольствием поделюсь со всеми этой мудростью: «Никогда не бросай свое место только ради денег. Потому что если дело только в деньгах, то, как только ты почувствуешь, что несчастлив на новом месте, тебя начнут раздражать люди, которые убедили тебя перейти туда».

Тед изобрел телевидение заново, и действительно вскоре смог увеличить мою зарплату. Люди платили за услуги CNN. У ABC не было такого источника доходов. Она существовала только за счет рекламы. А зрители ничего не платили компании. Тед тоже немало зарабатывал на рекламе. Значение CNN стало еще более очевидно, когда разразилась Война в Заливе.

Когда Саддам Хусейн вторгся в Кувейт, людям стало интересно узнать, как реагирует на это мировая общественность. Новости выходили на CNN едва ли не каждую минуту. Новые подразделения CBS не могли с нами соперничать. Они были в прострации. Отменить шоу? А как же рекламодатели? Чтобы изменить сетку вещания на телеканале, нужно было свернуть горы. А Тед и его команда принимали решения в мгновение ока.

Один из корреспондентов CNN, Берни Шоу, был в Багдаде, чтобы взять интервью у Саддама. Он был в прямом эфире, когда иракские военные появились рядом с ним. Берни сказал: «Мне кажется, они хотят прекратить…» – и экран почернел. Такого нельзя было увидеть на других каналах. По-моему, никогда еще во время войны не велись прямые репортажи из-за линии фронта. Питер Арнетт, Берни Шоу и Джон Холлимэн отважно передавали нам новости на протяжении часов. Они прятались в убежище, когда начались бомбежки Багдада, и теперь никто уже не называл

CNN «Новостями куриной лапши». В те дни новости по кабельному телевидению смотрело больше зрителей, чем по любому из трех крупнейших телеканалов.

Изменилась природа мировой политики и мирового телевидения тоже. Я наблюдал эти перемены прямо в своей программе. Мы почувствовали себя политической силой в 1992 году, когда у нас появился Росс Перо. Шла президентская кампания. Росс Перо был богатым техасцем, и ему было что сказать по поводу государственного бюджета. Он был против Войны в Заливе, и его точка зрения была весьма твердо обоснована, несмотря на то что конфликт был исчерпан за сто дней и закончился для нас хорошо. В тот вечер в моем шоу обсуждалась экономика кризисного периода. Но один мой приятель еще раньше заронил мне в голову другую идею. Он посоветовал: «Спроси Росса, не будет ли он участвовать в президентских выборах».

«Зачем?» – поинтересовался я.

«Я был с ним недавно на одной вечеринке, и у меня сложилось такое впечатление».

В самом начале передачи я спросил его об этом.

«О, нет, – ответил он, – это меня совершенно не интересует». Мы обсуждали с ним самые разные вопросы. Но потом у меня сработало какое-то седьмое чувство, и я сказал: «Не люблю вновь возвращаться к вопросам, но все-таки хочу спросить еще раз: вы точно не будете баллотироваться? Вы уверены в этом?»

И он ответил: «Да».

Но прямо перед самым концом шоу я не выдержал и спросил:

«И все-таки при каких обстоятельствах вы могли бы баллотироваться?»

Он сказал: «Ладно, я вам отвечу. Если люди выдвинут меня в качестве независимого кандидата во всех пятидесяти штатах, я буду участвовать в выборах».

Шоу закончилось, мы попрощались, и я не воспринял его ответ как нечто серьезное. И не думал об этом до тех пор, пока первый же слушатель, позвонивший в ту же самую ночь на мою радиопрограмму на Mutual, не спросил: «Как я могу помочь Россу Перо?» Вслед за этим стали раздаваться звонок за звонком, и все о Россе Перо. Позже я узнал, что когда Росс вернулся после моей программы в отель, то обнаружил там чек на десять долларов в пользу его предвыборной кампании. Это было вложение от коридорного. Вскоре об этом рассказал Дэн Разер[94]. Только через неделю я наконец понял, какую силу имеет моя передача.

Джордж Буш[95], бывший в то время президентом, не мог этого понять. «Что Росс имеет против меня? – как-то спросил он. –

Мы же с ним земляки! Я думал, он меня любит».

Как раз в период этих выборов в стране многое изменилось. Когда Буш был гостем в моей программе, позвонил один из людей Клинтона, Джордж Стефанопулос[96], и начал задавать вопросы, которые привели президента в бешенство. Когда в программе участвовал Перо, позвонил приятель Буша, Роберт Мосбахер[97], и стал нападать на моего гостя. Раньше на телевидении не происходило ничего подобного.

В какой-то момент Перо даже лидировал согласно опросам. Экономика пребывала в застое, а Клинтон пытался разобраться с подозрениями насчет своей супружеской верности. Но Перо совершил несколько ошибок. Произнося речь в NAACP[98], он обратился к аудитории: «Вы, население…» Он не придавал этим словам уничижительного значения, но прозвучали они именно так. Затем его кандидат в вице-президенты, адмирал Джеймс Стокдейл, стал объектом насмешек после дебатов с Куэйлом и Элом Гором[99]. Стокдейл все время заикался и недоумевал вслух, что он делает на одной сцене с этими людьми. Это было печально видеть, потому что Стокдейл был хорошим человеком – бывший военнопленный, он был выпускником Стэнфорда.

Росс неожиданно отказался от дальнейшего участия в предвыборной кампании, заявив, что республиканцы хотят его подставить. В мою программу позвонила певица Шер и плакала, говоря об этом. Потом Росс вернулся, но такое его поведение подпортило его репутацию. За неделю до выборов Буш выступал в моем шоу вечером в среду, Клинтон – в четверг, а Перо – в пятницу.

Это не было традиционными президентскими дебатами. Но в тот момент ничего лучшего придумать было нельзя.

Другая точка зрения

Марти Зайгер

Именно в это время – в конце 1980-х – Ларри женился на Джули. Я был шафером на их свадьбе. По поводу этого брака могу сказать лишь одно: все произошло слишком быстро, и они вообще мало знали друг друга. И я даже помню, почему мне так показалось. Однажды мы вместе обедали в Нью-Йорке. Ларри и Джули тогда только обручились. Я был со своей женой, а еще там присутствовала Энджи Дикинсон. Она сидела рядом со мной. В разговоре выяснилось, что Джули свободно говорит по-французски. И Ларри сказал:

«Я и не знал, что ты говоришь по-французски».

Энджи наклонилась ко мне и шепнула:
«А они заключили брачный контракт?»

Глава 14
О. Джей

[100]

Наверное, даже мои сыновья, которым сейчас восемь и девять лет, слышали, что дело О. Джея Симпсона было самым громким судебным процессом века. Но для них тот век – прошлый. Сейчас О. Джей никого не интересует. Если бы я даже стал объяснять, наверное, было бы трудно донести до них, насколько большое значение придавали в то время этому делу. Лучше всего, наверное, пояснить на примере. Билл Клинтон рассказал мне, что во время встречи на высшем уровне российский президент шепнул ему на ухо: «Так он сделал это?»

О. Джей был самым знаменитым человеком, который когда-либо был обвинен в убийстве. Долгое время он был героем для миллионов. На футбольном поле он проявлял чудеса, играл как бог, да и выглядел как картинка. Можно спорить о том, насколько справедливо считать героями звезд спорта. Конечно, О. Джей не спасал чужие жизни. Да и разве можно сказать, что он изменял вашу жизнь, когда вы просыпались утром в понедельник? Нет. И вместе с тем – да. Он улучшал ваше настроение. Когда вы видели, как он бежит по полю, вы были рядом с ним. Когда вы видели его в аэропорту толкающим багажную тележку, вы улыбались и у вас появлялось желание взять в аренду машину у Hertz[101]. Джеки Робинсон был черным. Мухаммед Али был черным. О. Джей был и черным, и белым сразу. У него была жизнь белого и белая жена.

Когда я вел репортажи с игр Miami Dolphins, то как-то был свидетелем, как один из тренеров был шокирован, узнав, что у черного игрока New England Patriots жена – белая. И дело было не в расовых предрассудках. Просто в начале 1970-х очень редко можно было встретить вместе черного мужчину и белую женщину. Но О. Джей Симпсон мог встречаться с чьей угодно сестрой. Он предуготовил сцену для Майкла Джордана, Дерека Джетера, Тайгера Вудса[102]. Эти парни уже не воспринимались цветными. Это были кумиры Америки. На них взирали как на богов.

Когда появились сообщения об убийстве Николь Браун Симпсон, я и не думал подозревать О. Джея. Это казалось не просто нелепым, а чем-то совершенно невозможным. Вначале нам рассказали, что О. Джей узнал об убийстве, когда был в Чикаго. И как же он мог убить жену и официанта, который принес ей выпить, если он был в двух тысячах миль от них? Только потом

стало известно, что на самом деле О. Джей сел на самолет в Чикаго уже после того, как Николь и Рон Голдман были найдены мертвыми у дома, где жила Николь.

Немногие знали, что существовал не один О. Джей. Первый, которого все видели по телевизору, всегда улыбался. Его друг детства рассказывал, что О. Джей был капитаном команды в любой игре, которую они затевали, тем, к кому любой член его команды мог прийти с любой проблемой. Он никогда не спорил с судьей на площадке, никогда не выходил из себя во время матча. Те, кто снимал рекламу Hertz, говорили, что никогда не работали с более сговорчивой звездой. Съемки проходили в аэропорту в два часа ночи, но О. Джей никогда не жаловался. Нужен еще один дубль? Пожалуйста, нет проблем! Его секретарша говорила, что никогда не слышала, чтобы он ругался.

Но после убийства мы услышали о другом О. Джее. Пошли слухи о наркотиках, о его буйном характере, о приступах ревности. Когда называлось имя кого-то из его друзей, становилось понятно, в чем была причина этой ревности. Говорили, что Николь нередко звонила в Службу 911, жалуясь на насилие, которое совершалось у них в доме.

Мне несложно понять, как такие противоположные характеристики могут быть применимы к одному и тому же человеку. Слободан Милошевич был известен как Балканский мясник. Он умер во время процесса по обвинению его в преступлениях против человечества. Я однажды брал у него интервью. Через несколько лет этот человек, который стал символом убийств и этнических чисток, специально попросил одного дипслужащего отклониться от маршрута его визита, чтобы пожелать мне всего доброго и поинтересоваться благополучием моей семьи. Всякий неординарный человек неоднозначен, и «обычные» черты редко доминируют среди характеристик такой личности. Увы, но большинство не понимает этих сложностей и не желает видеть в окружающих глубины. Они воспринимают все исключительно в черно-белой гамме. Именно так и обстояло дело с обвинением О. Дж. Симпсона.

Мы знали, что что-то произойдет в тот день, когда О. Джей обещал явиться в полицейский участок, но не сделал этого. Вместо этого он оставил предсмертную записку, которую зачитал вслух на телевидении его близкий друг Роберт Кардашян[103]. От слов «Я не могу так больше…» меня пробрала дрожь.

В тот момент я встречался с Синди Гарви. Синди когда-то была замужем за Стивом Гарви, который играл за Dodgers. Она была подругой Николь. Она ненавидела О. Джея и считала, что это он совершил убийство. В тот вечер я в эфире и разговаривал с

ней и представителем NAACP. С самого начала эта история была больше чем просто история об убийстве. Сами понимаете, что бы там на самом деле ни произошло, она в любом случае разыгрывалась в черно-белых терминах.

В предыдущие четыре года в Лос-Анджелесе сложилась обстановка, предуготовившая сцену для всего этого. Вначале избили Родни Кинга. Это было в 1991-м. Кинг был черным, превысил скорость, и его после автомобильной погони остановили белые полицейские. Чернокожие неоднократно жаловались на жестокость полицейских. На этот раз, однако, все смогли убедиться в этом, поскольку сцена была заснята скрытой камерой. Разгорелся крупный скандал. Самые большие скандалы всегда получаются из-за одного-единственного человека. Трудно полностью осознать ужас такого события, как, например, ураган «Катрина». Но картинка с мальчиком, обнимающим кота на крыше дома, уже залитого водой, доходит до сердца каждого. Видео с Родни Кингом было жутким. Человек лежал на земле, а его в потемках были ногами и дубинками еще долго после того, как он потерял всякую возможность сопротивляться. Этот видеосюжет навсегда изменил представление о журналистике. С этого момента репортером мог быть каждый. Каждый мог заснять какое-либо событие и транслировать его на весь мир.

Но без этой пленки кто бы смог доказать, что избиение имело место? Общественность была возмущена, и полицейских призвали к ответу. Но было решено, что в Лос-Анджелесе после такого резонанса в СМИ судебное разбирательство не может быть объективным, поэтому суд перенесли в Сими-Вэлли. Среди присяжных было десять белых, один азиат и один латиноамериканец, и офицеры полиции были оправданы. Вот это была насмешка! В Лос-Анджелесе вспыхнул бунт. Сожгли более семи тысяч объектов. Погибло более пятидесяти человек. Больше двух тысяч получили ранения. Только в одном ЛосАнджелесе ущерб оценивался в миллиард долларов, но беспорядки захватили и другие города. Эти цифры говорят о многом. И образ, который снова дошел до всех, – белый водитель грузовика, которого группа чернокожих вытащила из кабины и избивала молотком и обломком бетонного столба. Этого парня звали Реджинальд Денни. Позже я брал у него интервью. Его избиение было заснято с вертолета.

Я всегда стараюсь показать зрителям ситуацию под разными углами. Реджинальд Денни не выдвигал обвинений против тех людей, что избили его. Он обнимал мать одного из них после вынесения приговора. Денни обвинял власти Лос-Анджелеса в том, что никто не отреагировал на его неоднократные звонки в

Службу спасения. Он подал иск в суд, и его интересы представлял известный чернокожий адвокат Джонни Кокрэн. Джонни много лет проработал помощником прокурора и прекрасно знал о проблемах, существующих в полиции. Итак, у меня в программе был белый человек, не испытывающий злобы по отношению к черным, которые его избили, и нанявший черного юриста для защиты своих интересов, возбудив дело против городских властей. Для журналистики очень важно показывать ситуацию на таком уровне. Без этого в памяти людей остается лишь воспоминание о сюжете с избиением, который сотню раз прокрутили по телевидению.

Процесс О. Джея должен был в любом случае получиться громким. Но он оказался еще громче, потому что еще были свежи воспоминания о делах Родни Кинга и Реджинальда Денни.

К концу моей программы с участием Синди Гарви и человека из NAACP мониторы стали показывать в прямой трансляции погоню за белым автомобилем Bronco. Камера с вертолета показывала вереницу преследовавших его полицейских машин. Вначале я даже не знал, что в Bronco находится О. Джей. Это было для меня чем-то странным. Я никогда не вел подобных программ. Я не контролировал ход программы, поскольку никак не мог повлиять на события, разворачивающиеся перед моими глазами. Это было дико. Когда программа начиналась, я надеялся, что О. Джей не решится покончить с собой. Через 50 минут единственное, о чем я мечтал знать: каким путем он собирается попасть на трассу I-5. Мы оставались в эфире. Продюсер принесла мне карту дорог, так что я мог сказать, где разворачиваются события, которые я комментировал. Мы получили сообщение о том, что за рулем машины находится Эл Каулингс, друг О. Джея, а сам О. Джей сидит на заднем сиденье. По обочинам дороги выстроились люди с плакатами: «Вперед, О. Джей, вперед!» Они не хотели отказываться от образа О. Джея из рекламы Hertz. Наконец Bronco доехал до дома О. Джея, и тот сдался полиции. В этот вечер мы были в эфире три часа без перерывов.

События меняют человеческие жизни. Но это конкретное событие изменило мою личную жизнь так, как я и не мог себе представить: оно привело меня в Лос-Анджелес освещать процесс. До дела О. Джея я бывал в Лос-Анджелесе, но не слишком хорошо знал этот город. Я знал ресторанчик Nate ‘n Al Deli в Беверли-Хиллз, в котором впервые побывал еще в 1985 году. Лосось, солонина и копченая говядина лежали в стеклянной витрине слева – точно так же, как и сегодня. Рядом с кассой стояла ваза с халвой. Сид Ялловиц сидел во второй кабинке – тот же самый Сид, чья фотография баскетбольной команды всех звезд до сих

пор красуется в стеклянной витрине на первом этаже в Еврейском общественном центре Бенсонхерста. Я сел на стул напротив него и сказал: «Здорово, Ялловиц!» Мы как будто снова оказались в кондитерской у Мальца. Сид дружил с Эшером Дэном, наверное, еще с детского сада. Я помнил Эшера по Бруклину. Но понятия не имел о том, что Эшер женился на Айрис Зигель, той самой девочке, которая отказалась выйти со мной из школы, когда мы учились в Лафайете. Теперь Эшер торговал недвижимостью в Лос-Анджелесе и завтракал в Nate ‘n Al Deli. Я сел с Сидом и Эшером и сказал себе: «*Можно* снова вернуться домой». В Nate ‘n Al Deli были не только воспоминания о Бруклине. Официантка Кэй Коулмен становилась твоим другом на всю жизнь с первого же момента знакомства. Что это был за характер! Она могла бы стать мэром Беверли-Хиллз. Это была добрейшая женщина на свете. Но не дай бог оставить ей маленькие чаевые! Однажды у меня на глазах она швырнула мужчине доллар обратно со словами: «Знаешь, приятель, тебе он нужен больше, чем мне!» Затрудняюсь сказать, в какой именно момент это произошло, но еще во время процесса О. Джея, что-то сказало мне о том, что я, кажется, прижился в этом городе, который Dodgers тоже считали теперь своим домом.

Я помню, как спросил актера Питера Фалька, снимавшегося в телевизионных детективах, о деле Симпсона. «А, – махнул он рукой, – там дел-то на десять минут для “Коломбо”[104]». Он полагал, что для раскрытия этого преступления достаточно такого короткого времени. Но эти «десять минут для “Коломбо”» несколько месяцев будоражили всю Америку. И я был в центре событий, не сходя со своего места в Nate ‘n Al Deli.

Оказалось, что Сид играл с О. Джеем в теннис. Один из юристов, работавших на О. Джея, Роберт Шапиро, иногда тоже заходил позавтракать в наш ресторанчик. Так же, как и Рози Гриэр, духовник О. Джея. Одно время гулял слух, что О. Джей признался ему во всем на исповеди, но Рози это отрицал. Рози был тем самым человеком, который защищал супругу Роберта Кеннеди во время покушения и кому удалось выхватить пистолет у Серхана Серхана[105]. Я никогда не забуду запись: «Рози, хватай пистолет!» Рози был другом книгоиздателя Майкла Винера, которого я тоже хорошо знал. Майкл опубликовал историю О. Джея, написанную модельером Фэй Резник, которая заявила, что была лучшей подругой Николь и что О. Джей следил за своей женой. Когда мы договаривались об интервью, которое должна была дать Фэй в моей программе, судья Лэнс Ито попросил нас подождать, пока не будут выбраны присяжные. Мы так и сделали, и потом судья Ито пригласил меня к себе в кабинет, чтобы

поблагодарить. Не знаю почему, но мне обычно не везло с парнями по имени Лэнс. Однако с судьей Ито мы как-то сошлись. Мы проговорили с ним почти целый час. Когда я собрался уходить, то вышел не в ту дверь и попал прямо в зал заседаний. Первое, что я услышал, было приветственное рычание:

«Пр-р-ривет, Лар-р-р-ри!» Это был О. Джей. Кругом были телекамеры, потому что заседание как раз должно было продолжиться после перерыва. Я очень смутился. «Привет, Джус», – ответил я. Также я поздоровался с Бобом Шапиро, а потом, конечно же, со всеми представителями обвинения. Я не хотел, чтобы кто-то мог заподозрить меня в симпатиях к той или иной стороне. Это было нелегко. Когда я вышел из здания суда, меня окружили репортеры, и со всех сторон посыпались вопросы. «Ларри, это правда, что вы – ключевой свидетель по делу О. Джея?» Мне пришлось сказать «Без комментариев», и я повторил это, наверное, раз одиннадцать, прежде чем я смог оттуда выбраться.

В итоге оказалось, что я влез в это дело по самые уши. В то время я был свободен и начал встречаться с женщиной, которая была консультантом присяжных со стороны защиты, и при этом еще с одной – она была представителем обвинения и отвечала за связи с прессой. Не думаю, что они знали друг о друге. Зато об этом знали все за нашим столиком в Nate ‘n Al Deli. Я приходил утром, все хотели знать, какие новые детали я разузнал этой ночью. Сейчас, когда я вспоминаю об этом, мне не приходит в голову, что я встречался с женщинами с разных сторон процесса. Что же я такое делал?! Я просто вспоминаю реакцию Билла Клинтона, когда ему стало об этом известно. «Ваша гибкость в отношениях с женщинами меня восхищает», – сказал он. Мне тогда это доставляло удовольствие и, надо признать, действительно приносило пользу. Мы могли передавать записки О. Джею через консультанта присяжных и спрашивали его, не захочет ли он прийти на нашу программу, когда разбирательство завершится.

Как-то до начала процесса я завтракал с прокурором ЛосАнджелеса Джилом Гарсетти. Мой друг Эшер хорошо запомнил этот завтрак. «Мы его припрем к стенке», – сказал Гарсетти.

Он оказался прав. На месте преступления была найдена перчатка и кровь О. Джея. Улики были явными, и обвинение считало, что дело в шляпе. Но у них ничего не получилось. Обнаружилось, что некоторые свидетельства – ложные. Помните свидетеля обвинения, который предоставлял данные об анализах ДНК? Бедняга. Дэннис Фанг его звали. Барри Шек, выступавший

со стороны защиты, разнес его в пух и прах. Потом был еще Марк Фермэн – один из первых полицейских, оказавшихся на месте преступления и собиравших улики. Оказалось, он был расистом и манипулировал доказательствами. Когда Ли Бэйли[106] задавал вопросы Фермэну, все затаили дыхание – так это было драматично. Бэйли спросил у Фермэна, произносил ли он слово «ниггер» в последние десять лет? Фермэн категорически отрицал это. Он, естественно, не знал, что у защиты есть пленка с записью, на которой он произносит расистские ругательства, кажется, раз сорок. Бэйли верил О. Джею. По крайней мере он утверждал, что верит ему. Бэйли и Джонни Кокрэн убедили помощника прокурора Кристофера Дардена провести эксперимент – дать О. Джею померить перчатку, которая была найдена неподалеку от места совершения преступления. О. Джей говорил Бэйли, что на него такая перчатка не налезет. Это было большой ошибкой обвинения. За время исследования перчатка несколько раз была заморожена и разморожена. А О. Джей надевал на руку резиновую перчатку, чтобы не запачкать вещественное доказательство, пока будет его мерить. Когда перчатка не подошла, это дало Джонни Кокрэну возможность обратиться к присяжным со знаменитой фразой: «Перчатка не налезает, подсудимого оправдают!»

К концу разбирательства Кокрэн и Шапиро перестали разговаривать друг с другом. Шапиро не нравилось, что Кокрэн сыграл в своей заключительной речи на расовом вопросе. А с Шапиро мы очень подружились. Если бы мне предложили пари, то я бы сказал, что, скорее всего, Боб считал, что О. Джей виновен. Но он никогда не говорил этого. Если бы он это сделал, то бы нарушил все правила судебной этики. Но по его лицу и жестам об этом можно было догадаться.

Меня очень поразило, насколько быстро присяжные пришли к соглашению. После восьми месяцев разбирательства сложно было поверить, что присяжные договорятся между собой всего за несколько часов. Я-то думал, что у них уйдут недели только на то, чтобы обсудить все доказательства… а потом еще лет сто на то, чтобы принять решение. Я помню, как ждал вердикта присяжных в номере отеля. Я выглянул в окно. На улицах никого не было. Ни одна машина не проезжала мимо. Все замерли перед телеэкранами.

Со мной были Сид и мой исполнительный продюсер Венди Уолкер. Все мы держали кулаки, пока оглашали вердикт. Это был, наверное, самый напряженный момент в моей жизни. По крайней мере я никогда так не стискивал кулаки. Но ведь и дела, подобного этому, никогда еще не было.

Когда я услышал слова «не виновен», я сперва не поверил. Но вторая моя мысль удивила меня самого. Я подумал: «Ну вот! Процесс закончился. Придется возвращаться в Вашингтон». А потом я представил, как празднует черная аудитория и как застыла в шоке белая.

Трудно поверить, что сейчас в Америке – черный президент, если вспомнить мое шоу, которое вышло в эфир в тот вечер, когда был произнесен вердикт по делу О. Джея в 1995 году. Моим гостем был тогда писатель Доминик Данн. Он считал, что общество в тот момент разделилось настолько, что все достижения последних 30 лет в области расового равноправия можно было считать разрушенными.

У одного моего знакомого по этому поводу возникли некоторые странные теории. Одна из них заключается в том, что Барак Обама никогда бы не стал президентом, если бы не дело О. Джея. Согласно его теории Америка увидела свое отражение в телеэкране, когда огласили вердикт, и то разобщение, которое она увидела там, ей не понравилось. Джонни Кокрэн говорил, что обществу необходимо зеркало, чтобы понять существующие в нем различия. С моей точки зрения, все это несколько притянуто за уши. Сразу после того процесса Обаму бы точно не выбрали. Но, может быть, дело Симпсона стало одним из событий, цепь которых привела к переменам, которые мы сегодня наблюдаем.

В тот вечер, когда был вынесен вердикт, уже в самом конце нашей программы, позвонил О. Джей. На суде он не выступал. Никто не слышал его голоса на протяжении восьми месяцев. И всем хотелось услышать то, что он мог сказать. Ему предоставили номер со специальным паролем, чтобы мы знали, что это действительно он. Самое странное в нашем разговоре было то, что CNN попыталась оборвать шоу в назначенное время, хотя О. Джей только-только начал говорить. Оказывается у них было запланировано пустить специальное интервью О. Джея в записи. И Венди пришлось заявить им: «Пусть у вас будет специальное интервью О. Джея. А у нас будет сам О. Джей».

Когда все это закончилось, я стал невольно задумываться, а что было бы, если бы О. Джей остался на месте, совершив убийства, и звал полицию? Что было бы, если бы он стоял там с ножом в руке, когда полицейские прибыли на место, и сам сказал им, что убил свою жену и официанта? Что было бы, если бы он просто сказал: «Я был жутко зол и совсем потерял разум! Я виновен. Накажите меня. Я заслуживаю смерти»? Мне кажется, что способность Америки прощать уже обеспечила бы ему свободу к этому времени. Он бы просидел несколько лет, написал книгу о случившемся и стал бы героем всех возможных ток-шоу.

Возможно, даже превратился в эксперта по таким состояниям и был бы всеми прощен. Но он никогда уже не смог бы улыбаться, как прежде.

А так О. Джея никто не простил. Гражданский процесс против родственников убитых он проиграл. И сейчас, когда я пишу эти строки, он сидит в тюрьме в 90 милях от Рено за то, что пытался выкрасть некоторые из своих спортивных трофеев. Его осудили аж на 33 года. Конечно, наказание совершенно не соответствует преступлению. Эти предметы были его же собственностью. Никто не пострадал. В похищении его обвинили лишь потому, что в Неваде считается, что если человек запер дверь во время совершения такого проступка, то это похищение. Понятно, что О. Джей сидит в тюрьме в данном случае практически ни за что. Но может быть, если вернуться в прошлое и взглянуть на картину шире, то окажется, что его не зря осудили. Короче говоря, не наша это забота.

Просто удивительно, как человек, имевший когда-то такое большое значение, теряет его прямо на ваших глазах. Для меня же, наоборот, значимость этого дела только выросла с годами. Если бы не О. Джей, я, может быть, и не стал задумываться о переезде в ЛосАнджелес. Можно даже предположить, что у меня не было бы двоих моих младших сыновей, если бы не О. Джей. Потому что именно в Лос-Анджелесе я встретил женщину, которая стала их матерью.

Но, однако, прежде чем появились Чанс и Кэннон, меня ждал еще один сюрприз.

Глава 15
Младший

Все началось так невинно. Я был в Вашингтоне, сидел в своем кабинете на CNN. И тут мне сообщили: «Ларри, там звонит какая-то дама из Майами, она назвалась Аннет».

Я сразу понял, кто это. Я никому не рассказывал, что в свое время был женат на Аннет. Даже своему брату. Единственное упоминание о нашем браке сохранилось в записях Броуард-Сити-Холла. После свадьбы мы разошлись с ней очень быстро. Но главное – мы не разговаривали вот уже… тридцать лет! И я не мог представить себе, что ей вдруг понадобилось. Я поднял трубку, стал говорить какие-то обычные дежурные фразы типа «Ну, как ты?…» и тому подобное. Но она тут же оборвала меня.

«У меня рак легких», – с ходу заявила она. Аннет всегда много курила. Наверное, даже больше, чем я в свое время. Но я даже не успел отреагировать на это ее заявление. Она, не останавливаясь, продолжила: «У тебя есть сын. Он собирается жениться. Я хотела, чтобы ты узнал о нем прежде, чем я умру. И я *настаиваю*, чтобы ты с ним познакомился».

Всегда есть вероятность того, что женщина, с которой ты жил, окажется беременной. Но с тех пор, как мы были вместе, прошло больше 30 лет. Я совершенно обалдел, услышав эту новость. Другого слова я просто не могу подобрать. Относительно ранней части этой истории мне больше нечего вам рассказать, потому что в течение 33 лет я при этом не присутствовал. Так что я лучше предоставлю слово Ларри Кингу-младшему, который расскажет вам то, о чем я никогда не знал.

Ларри Кинг-младший

Сын

Я никогда не говорил никому, кто мой отец, если только меня не спрашивали прямо: «А Ларри Кинг – твой отец?»

Так я поступаю и по сей день. Не так давно я брал напрокат машину в Hertz, и парень за конторкой, взглянув на мои водительские права, переспросил: «Ларри Кинг?»

«Да, сегодня я без подтяжек», – ответил я. Он только рассмеялся.

Я всегда помнил, чему учила меня мать. Она говорила: «Будь самим собой. Как только ты попытаешься воспользоваться именем отца в своих интересах, ты перестанешь быть мужчиной. – Она очень твердо внушала мне это. Она повторяла: – Я назвала тебя

Ларри, потому что так было нужно. Ты знаешь о своем происхождении. И никто не будет с этим спорить. Не исключено, что твой отец не будет рядом с тобой и не признает тебя, когда ты этого захочешь. Но в глубине души он тебя любит. И обязательно наступит день, когда он окажется рядом. Но вырастить тебя – моя забота».

Мои мать и отец встретились в 1958-мпримерно через год после того, как отец приехал в Майами. Она играла в боулинг, а он брал интервью у людей на улице.

Она была от него без ума. Она тогда очень любила ходить в кино. И отец заключил с ней пари. Может быть, это было сказано в шутку, но он как-то заявил ей: «Спорим, ты не сможешь прожить неделю без кино». В тот момент их отношения приближались к концу, но после этого она вообще никогда больше не ходила в кинотеатр. Никогда. Ни разу. Даже когда прошли годы и я просил: «Мам, ну давай сходим в кино», – она неизменно отказывалась.

По-моему, такая любовь – это просто сумасшествие. Любовь моей матери к отцу была так сильна, что с момента их знакомства до самой смерти она собирала вырезки из газет и бережно их хранила. У меня остались огромные коробки с этими вырезками. Когда я спросил ее, почему она так делала, она ответила мне: «Это лучший способ дать тебе узнать, кем был твой отец».

Когда я появился на свет, их отношения уже закончились. Я родился 7 ноября 1961 года. Официально они развелись в 1962-м. Через год отец вновь женился.

Когда мать познакомилась с отцом, у нее уже было трое детей. Наверное, ей тяжело было растить четверых одной. Она работала на двух работах: в химчистке и в винном магазине. Я всегда восхищался ею. Меня помогали растить старшие сестры. А мой старший брат был военным, так что я не часто видел его.

Отца я не видел никогда, но, кажется, его имя всегда было у всех на устах. Сегодня его знают во всем мире, но тогда, в конце 1960-х, его называли Мистером Майами. Я был фанатом Dolphins, и в середине дня всегда настраивался на его спортивные передачи. Я слушал его репортажи, сидя с транзистором на стадионе Orange Bowl и глядя через трибуну на него в комментаторской кабинке.

Может быть, это странно, но мне тогда казалось, что нас что-то связывает. Хотелось ли мне тогда оказаться рядом с ним в кабинке комментатора? Хотелось ли поговорить с ним? Конечно. Но, слушая его, я чувствовал, что он и так говорит со мной. Я вбил себе в голову, что он знает, что я на стадионе. Хотя,

конечно, он об этом не знал.

Когда мне исполнилось девять, мать снова вышла замуж.

Ее больше нет, и она не может рассказать об этом. Но мне все-таки кажется, что она вышла замуж лишь для того, чтобы в семье был мужчина. Ричард Лав был очень хорошим человеком. Он никогда не пытался лезть не в свое дело. И говорил мне, как и мать, что однажды мой отец обязательно придет ко мне.

А потом жизнь моего отца вырвалась из-под контроля. *Miami News* вышла с заголовком на первой странице: «Ларри Кинг арестован».

Я был в пятом классе. Родители других ребят в школе много говорили об этом. К этому времени я подрос, и одноклассники стали меня дразнить. Они говорили: «У твоего отца куча денег. Почему же *ты* вечно без гроша?» Мне хотелось защитить его. Но я не знал, что мне защищать. Я рос, не понимая, почему мы с ним не общаемся, и вдруг теперь я стал ответственен за его проблемы. Много чего я передумал тогда. Я ведь даже не знал, думает ли отец обо мне хоть когда-нибудь.

У меня было свидетельство о рождении. Еще у меня было письмо, которое дала мне мать, сказав, что оно от отца. Оно было напечатано на фирменном бланке радиостанции, на которой он работал. Не знаю, писал ли он его на самом деле. Может быть, его написала моя мать, ведь письмо было напечатано на машинке. Но это письмо помогало мне сохранять присутствие духа, когда я всерьез задумывался над тем, кто же я такой.

В письме было сказано: «Я совершал ошибки в своей жизни. Но ты – не ошибка. Пусть я не с тобой, но ты навсегда останешься моим сыном. Будь добрым со своей матерью». В трудные времена я всегда обращался к этому письму.

После ареста отца меня совсем затравили, и мать просто выбивалась из сил, стараясь защитить меня. Тогда она посоветовала:

«Давай какое-то время ты будешь Ларри Лав. А когда все успокоится, ты снова сможешь говорить, что тебя зовут Ларри Кинг». Мой отец уехал из города, и в течение нескольких лет я действительно говорил всем, что меня зовут Ларри Лав. Сейчас это выглядит глупо, но в то время моя мать поняла, что мой мир рухнул, и дала мне самый лучший в той ситуации совет.

Когда я достиг того возраста, что мог заказать себе личную кредитную карточку, мне отказали из-за плохой кредитной истории моего отца. Мне пришлось прийти в банк вместе с матерью и заявить: «Я – Ларри Кинг-младший, у меня другой номер социального страхования. Проблемы с финансами были не у меня». Я никогда не пытался использовать имя отца, и я не

заслуживал, чтобы меня наказывали за его ошибки.

Я помню, нередко мне говорили, что я веду себя так, словно я старше, чем на самом деле. Теперь я понимаю, что, вероятно, так и было. Мне рано пришлось повзрослеть. Моя мать была достаточно сурова со мной, по крайней мере больше, чем другие матери со своими детьми. Не думаю, что я смог бы достичь успеха в бизнесе, если бы не воспитание моей матери. Она заложила в меня необходимый фундамент.

Моим первым местом работы стал McDonald's. Я делал соусы. Филе-о-фиш. Потом меня повысили: я стал готовить картошку фри. Затем – главный по грилю. А потом вырос до кассира. В конце концов я стал помощником менеджера ресторана. Это было круто! Я должен был ходить на работу в галстуке. Мать обязательно приходила в наш ресторан по воскресеньям. Она могла часами сидеть и наблюдать, как я работаю. Она смотрела на меня и сияла от гордости. Ведь это ее сын был помощником менеджера.

Потом в McDonald's запустили рекламную кампанию. В рекламе сняли гендиректора компании, который говорил: «Моим первым местом работы был McDonald's». Я был классическим примером истинности этой рекламы. И сейчас я могу зайти в любой ресторан McDonald's и, услышав определенный сигнал, понять, что у них заканчиваются биг-маки.

В 1979-м я собрался поступать в колледж. Я хотел учиться в Университете Майами. И всегда мечтал играть в Hurricane[107]. Я разговаривал с матерью, и она сказала: «У меня нет столько денег, чтобы отправить тебя в университет. Но если ты начнешь учиться в Общественном колледже Дейда и у тебя будут хорошие оценки, то сможешь получить стипендию, а уж я помогу всем, чем смогу». Я только потом узнал, что она перезаложила наш дом, чтобы помочь мне попасть в Университет Майами.

К этому времени мой отец вернулся в Майами. Помню, как в канун Нового года я пошел на свидание. Мы пошли в ресторан, танцевали. А когда ехали домой, я включил радио и услышал, как мой отец говорит: «Я еще четыре часа буду в Dupont и продолжу свой репортаж отсюда». Я проводил девушку, развернулся и поехал в Dupont. И весь остаток вечера я просидел там, глядя на него. Я не подходил к нему. Просто сидел и смотрел.

Где-то в глубине души мне хотелось подойти к нему в перерыве и представиться. Но я очень уважал свою мать. А она всегда говорила, что он будет рядом со мной, когда придет время. «Я еще к этому не готов, – думал я. – И он тоже не готов». Мне просто хотелось быть к нему поближе. То же самое я чувствовал, когда ходил в Orange Bowl, слушал его репортаж об игре по

приемнику и смотрел на него. Я испытывал почти такое же чувство успокоения. Посмотреть вживую эфир из Dupont Plaza – это максимум, что я мог себе позволить на тот момент.

Когда я стал учиться в колледже Дейда, многие говорили: «Почему ты не хочешь попытаться поработать на радио?» Я был таким же общительным и открытым, как отец. И однажды я действительно прошел пробы и получил место диджея на WMDS. Мне сказали: «Парень, у тебя есть то же, что и у твоего отца». Но я никогда не задумывался о подобной карьере. Наверное, так я просто чувствовал себя ближе к отцу. Но вместе с тем это все время вызывало вопросы. Я теперь постоянно слышал: «Почему твой отец никогда о тебе не упоминает?» После двух лет учебы в колледже Дейда я получил возможность поступить в Университет Майами. Я комментировал футбольные игры на студенческой радиостанции. А после стажировки получил работу на местной станции WNWS. Мама всегда слушала мой эфир и делала записи для себя. Она говорила, что поступала точно так же, слушая передачи отца. Она посоветовала мне перестать вставлять в речь «Ух-х-х-х», следить за тем, как я делаю паузы, и еще кое-что. Некоторые из работников станции знали моего отца. Я чувствовал, что рано или поздно мы должны с ним столкнуться. Потом я стал вести ночное шоу. И в то же самое время отец вел свою программу на Mutual. И мы были конкурентами примерно месяца три.

А затем мама сказала: «Знаешь, это как-то нечестно, что ты представляешься, как Ларри Кинг-младший. Так ты никогда не выйдешь из его тени. Ты должен понять, чего ты можешь достичь сам, а не как его сын. Лучше вернись к тому имени, которое носил твой отец, прежде чем начал работать на радио». И я стал выходить в эфир под именем Ларри Зайгера.

Я заканчивал учиться, когда WTVJ – телеканал, на котором начинал работать мой отец, – предложил мне работу.

«Как поживает ваш отец?» – спрашивали меня те, кто знал его.

«Нормально», – отвечал я.

У меня хорошо получалось притворяться. Если кто-нибудь говорил мне: «Я знаю вашего брата Энди», – я отвечал: «Замечательно, передавайте ему привет!» Но на что я рассчитывал?

На телестудии я зарабатывал восемь долларов в час и старался работать как можно больше, в том числе в выходные. И я стал спрашивать себя: «Действительно ли мне это нравится? Или я просто гонюсь неизвестно за чем?»

Мне предложили работу в Юго-Восточном банке, я должен

был руководить небольшой группой сотрудников. И подумал, не попробовать ли себя в менеджменте. Может быть, как раз это мне подходит. Я как раз был в банке, когда мне позвонила мать.

«Тебе сегодня предстоит ответить на много вопросов», – предупредила она.

«Что случилось?»

«У твоего отца случился сердечный приступ».

«Он жив?»

«Насколько я знаю, да».

«По-моему, нужно его навестить».

«У твоего отца только что случился сердечный приступ, – сказала она. – Последнее, что ему нужно, чтобы перед ним вдруг появился ты».

Я послал в больницу открытку. Не знаю, получил ли он ее. Может быть, она так и не дошла до него или потерялась среди других посланий. Но мне необходимо было это сделать.

В 1989 году я получил работу в American Express. В *Miami Herald* примерно в то время появилась большая статья об отце. Он упоминал обо всех своих детях, кроме меня. Точно так было, когда выходили книги отца. Я сразу же смотрел в них страницу с посвящениями, потому что очень хотел увидеть там и свое имя. Но ни разу не видел. Но это не слишком трогало меня, а статья в *Miami Herald* задела. Но благодаря ей я осознал, насколько изменилась моя собственная жизнь. Я работал в компании из списка Fortune 500, и подобные истории могли отразиться на моей репутации. Когда вышла статья, коллеги по American Express начали спрашивать меня, действительно ли он мой отец. И когда я говорил «да», то удивлялись, почему обо мне нет ни слова в статье. Полагаю, к этому времени и моя мать начала несколько переживать по этому поводу.

В 1992 году, перед тем как я женился, мы с Шэннон поместили в газетах объявление о нашей помолвке. Ну, сами знаете, как положено писать в таких случаях: «Отец жениха – Ларри Кинг. Мать – Аннет Кэй Лав». Через несколько дней нам пришло письмо. Его открыла Шэннон. Письмо оказалось составлено из вырезанных откуда-то букв, наклеенных на лист. Как послание с требованием выкупа из кино. «Кто ты на самом деле такой?»

«И долго ты еще собираешься жить со всем этим?» – спросила Шэннон.

«Всю жизнь».

Потом мать узнала, что серьезно больна. Она не сказала мне об этом сразу. Но у нее определили рак, и, вероятно, она поняла, что ей осталось недолго. Теперь мне совершенно понятно, что

перед смертью она больше всего хотела выполнить обещание, которое дала мне, когда я был ребенком. «Придет время, и твой отец будет с тобой».

Она связалась с отцом и все ему рассказала. Хотелось бы мне знать, что за разговор у них был.

Ларри Кинг

Я продолжал держать телефонную трубку, и в голове кое-что стало проясняться. Когда я жил в Майами, люди иногда подходили ко мне и говорили: «Ваш сын здорово играет в гольф». Но я-то знал, что Энди в гольф не играет. Это казалось какой-то бессмыслицей. Я на секунду задумывался: «Я что, не знаю о каком-то своем сыне?» – но тут же забывал об этом. Самое удивительное было то, что, хотя в Майами меня знала куча народу, никто ни разу не подошел и не спросил напрямик о Ларри-младшем. Я никогда не видел упоминания о нем в газетах. Никогда не слышал его передач на радио. Как так вышло, что никто ни разу не спросил у меня: «Что это за парнишка, которого называет себя Ларри Кинг-младший?»

И что же это за человек? Как у меня оказался не известный мне сын? Я позвонил Марку Баррондессу, моему юристу. Ну вы сами понимаете, какая первая мысль возникает у любого юриста в подобном случае: «Чего они хотят? Действительно ли он ваш ребенок? Ведь если он *действительно* ваш сын, тогда он имеет право быть включенным в ваше завещание». И не только мой юрист рассуждал подобным образом. В тот момент я встречался с Синди Гарви. Она говорила: «Они тебя разводят! Просто хотят вытянуть из тебя денег побольше. Будь осторожен!»

И Марк полетел в Майами, чтобы встретиться с Аннет. А потом и с Ларри-младшим. После этих встреч он позвонил мне и сказал:

«Знаешь, если тебе охота тратить 750 долларов на ДНК-тест, трать, пожалуйста. Но это твой сын. Он разговаривает, как ты. Он смеется, как ты. Он вообще как ты».

Я позвонил своему другу Гербу. И естественно, Герб сказал:

«Я с этим разберусь».

Ларри Кинг-младший

В бизнесе при приеме на работу нового сотрудника бывает период предварительной адаптации, когда человек еще официально не приступил к своим обязанностям, а просто привыкает к коллективу, чтобы потом сразу начать работать в полную силу. Нечто подобное проводил со мной Герб. Мы встретились с ним в отеле Watergate.

Он проделал огромную работу, готовя меня к встрече с отцом.

«Это твой отец, – сказал он мне. – В нем есть и положительные, и отрицательные черты. Не забывай, ошибки совершают все. Иногда жизнь просто не складывается так, как хочется». Он старался помочь мне понять отца. И в то же время проверял меня, чтобы облегчить отцу прием меня в семью.

Увы, в наше время многие пользуются подобными ситуациями в надежде разжиться деньгами, особенно если человек занимает такое же положение, как мой отец. Моя мать не хотела от отца ничего. Она лишь хотела, чтобы он узнал и полюбил меня. Отец и понятия не имел о том, что мать всю жизнь твердила мне: «Зарабатывай сам и не проси ни цента у отца». Он понятия не имел о том, что у меня были замечательные учителя в American Express и Intuit, что моя карьера и без него шла в гору. Но то, что мать была неизлечимо больна, вероятно, помогло ему понять все правильно. Матери не нужны были никакие деньги. Она вложила всю жизнь в меня, и теперь ей было необходимо знать, что рядом со мной вместо нее будет отец.

Глядя назад, я вижу, что было тогда кое-что, чего я не понимал. Мать знала, что умирает. Но я в тот момент еще об этом не знал. И не понимал, почему она вдруг решила спустя столько лет все открыть отцу. Но, когда все это произошло, я почувствовал, что это был действительно самый подходящий момент. Мать не могла умереть, не развязавшись с этим делом.

Ларри Кинг

Каково было ему? Не знаю… Я до сих пор вспоминаю передачу, которую я вел с борта корабля Surfside Six. Ко мне зашел Джо ДиМаджио-младший, и я спросил, не хочет ли он выйти в эфир.

Он так легко согласился, что я с трудом в это поверил. Он начал рассказывать о своем отце, которого никогда не знал. Он помнил, как в детстве его привезли к фотографу, чтобы сделать фотографию с отцом для обложки журнала *Sport*, а потом тут же увезли обратно. Его отец был очень далек от него. Джо ДиМаджио был первым игроком Yankees, который всегда жил один в номере. Его сын решил играть в футбол вместо бейсбола, потому что чувствовал, что в фамилии ДиМаджио для него кроется проклятие. Когда его взяли в Marines, он позвонил отцу, чтобы рассказать об этом. «Удачи», – сказал отец. И все.

Джо-младший был в близких отношениях с Мерилин Монро[108]. Она очень привязалась к нему. Она связала его с отцом. Когда они ехали в лимузине на ее похороны, отец взял

сына за руку. На его памяти это был единственный раз, когда отец прикоснулся к нему.

Я просто не могу поверить, что отец может сознательно так отдаляться от своего ребенка. И тем не менее в течение 33 лет я ни разу не прикоснулся к своему сыну. Каково было ему быть Ларримладшим, иметь знаменитого отца, который никогда не признавал его вслух? Да и мать, которая хранила тайну и считала, что так и надо? Да, именно такой была Аннет. Она всегда хотела контролировать все сама.

Это было для меня так удивительно, что я и представить не мог, что же чувствует Ларри-младший. Его мать была смертельно больна, он собирался жениться и должен был впервые встретиться с отцом, который ничего не знал о его существовании больше 30 лет.

Ларри Кинг-младший

Мы с женой собрались встретиться с отцом на выпускном вечере моей сестры Хаи в Американском университете в Вашингтоне. Это было перед смертью моей матери. Мы посчитали, что так нам будет удобнее. Там ведь должно было быть много людей. И я не знал, чего ждать. Может быть, этой единственной встречей все и ограничится? Может, мы пообщаемся немного и снова расстанемся навсегда? Или наш разговор закончится фразой «Еще увидимся»?

Мы обнялись и отступили на шаг друг от друга. Он спросил:

«Как себя чувствует Аннет?» И мне показалось, что возникла какая-то временная петля. Черная дыра между нами затянулась. Ведь не забывайте: все, что я знал о нем, я слышал из уст моей матери. И я никогда еще не слышал, чтобы он произносил ее имя:

«Аннет».

Он расспрашивал о моих братьях и сестрах. Я никогда не слышал, чтобы он говорил о Кэнди, Пэйми, Ронни. Он рассказал мне о времени, которое проводил с ними, и спрашивал, какими они стали теперь. И 33 года разлуки благодаря этому будто исчезли. Я словно попал в иную реальность. Хотя я, конечно, знал об отце от матери, мне было необходимо самому увидеть и услышать его. До этого момента я жил, цепляясь за единственное письмо, которое, как я верил, написал мне отец. Но я никогда не слышал слов, обращенных ко мне. Я не могу описать, что испытывал в тот момент. Но я чувствовал, что мать улыбается.

Ларри Кинг

Время куда-то исчезло, и он мне сразу понравился. Аннет проделала замечательную работу, вырастив нашего сына. Но и

сам Ларри таков, что его *невозможно* не полюбить.

Ларри Кинг-младший

У нас завязался удобный для всех разговор о спорте. Этот разговор, похожий на многие другие, был удивителен тем, что теперь, когда мы познакомились, я увидел в отце черты, которые были свойственны и мне. Мы с ним одинаково смеялись. Мы были схожи фигурой. Походка, жесты – все было у нас одинаковое.

Это было как-то нереально. Потому что я не просто познакомился с отцом. Я открыл для себя вторую половину моей семьи. Теперь у меня была любящая и заботливая сестра. Она рассказывала мне о том, чего я никогда не знал, – каково было расти рядом с отцом. Она заполняла пробелы в том, что, как я думал, было идеальным, но на самом деле таковым вовсе не являлось. У меня был брат. У меня был дядя, о котором я вообще ничего не знал. Он тоже обо мне не слышал и теперь пытался поближе узнать меня. Это было невероятно.

Некоторые удивлялись, почему я не испытывал отрицательных эмоций по поводу того, что произошло. Но я смотрел на это иначе: ведь если бы не отец, меня бы просто не было. Так почему я должен злиться на него? Ну, допустим, я рос не в идеальной семье. Но детство мое все-таки было счастливым. Я понимаю, что все бывает по-разному. Вы, наверное, читали про Тима Макгроу[109], который ничего не знал о Таге[110], своем отце, пока не прочитал свидетельство о рождении. А я, когда мы с отцом встретились, наконец-то почувствовал, что все стало на свои места.

Когда тот вечер закончился, мне на самом деле не нужно было ничего больше. Все остальное, что могло случиться потом, как я думал, уже не сможет с этим сравниться. Я был счастлив в тот момент и не представлял, как хорошо все окажется в дальнейшем.

Глава 16
Жена

Как ни странно, я никогда не женился на женщинах намного младше меня. За исключением Аннет, которая была старше меня, самая большая разница в возрасте была у нас с Шэрон: она младше меня лет на восемь. Молоденькие девочки никогда меня не привлекали. Герб как-то сказал по этому поводу: «Я не могу просыпаться утром в одной постели с кем-то, кто не знает, кто такой Эдлай Стивенсон[111]».

Однажды я познакомился с молоденькой девушкой, гримером на телестудии в Вашингтоне. Она была очень красивой. Я сказал:

«Не хочешь ли сходить куда-нибудь? Например, в Palm?» Она была современной девушкой и предложила мне поехать туда на ее машине.

В тот момент Хая жила со мной. Ей было, кажется, лет восемнадцать, а мне уже за пятьдесят. Когда та девушка заехала за мной, я попросил Хаю составить ей компанию, пока я буду одеваться.

Хая вернулась ко мне, скрипя зубами от негодования. «Ты что, с ума сошел? – спросила она. – Ей же двадцать два года! Она могла бы быть моей подругой!»

Мы с девушкой поехали в Palm, заняли места. Это было около 22 ноября, годовщины убийства Кеннеди. Я рассказал ей, как услышал ужасную новость по радио и едва не попал в аварию, когда резко разворачивался на дороге, чтобы вернуться на радиостанцию. Потом спросил у нее: «А ты где была в тот момент?»

И она ответила: «Я тогда еще не родилась».

«*Еще не родилась?*»

А теперь я смотрю на Шон. В тот год, когда убили Кеннеди, ей было четыре. Я бы и не обратил тогда внимания на четырехлетнюю девочку. Но я сразу обратил на нее внимание в 1996 году, когда покупал у Tiffany[112] в Беверли-Хиллз подарок Хае на день рождения. Это было накануне Рождества. Обычно я рассказываю эту историю так:

«Мы с Шон врезались друг в друга прямо перед Tiffany, и это дорого мне обошлось. Почему это не оказался Target[113]?»

Я хочу, чтобы она рассказала сама эту историю. Ну а что касается того, каково это быть замужем за мной, тут уж она точно более квалифицированный специалист, чем я.

Шон Саусвик-Кинг

Жена

Я выходила от Tiffany. А Ларри как раз переходил улицу от Beverly Wilshire. Мы шли прямо друг на друга. Он поднял глаза, и я тоже. Он буркнул мне что-то приветственное. Я сделала еще несколько шагов и буркнула что-то в ответ. Никто не сказал ничего, и мы направились дальше, каждый своей дорогой.

Конечно, я знала, кто он такой. Я смотрела его передачи во время процесса над О. Джеем Симпсоном. Не могу сказать, что была его страстной поклонницей. Но, когда случалось что-то действительно серьезное, я всегда настраивалась на его программы. Меня не очень волновал его звездный статус. Я с самого детства находилась рядом со знаменитыми людьми. Мой отец работал в Warner Brothers[114], Arista и Capitol Records[115], и у нас дома часто бывали звезды. Beach Boys[116] сидели за нашим роялем и играли свои песни. Помню, как Глен Кэмпбелл[117] отвозил меня школу. Когда по радио звучала его песня, он начинал хлопать в ладоши и приговаривать: «Давай, Глен, давай!» Для меня это было в порядке вещей.

Мой отец был менеджером Донни и Мэри Осмондов[118], когда они поднялись на вершину популярности, и они попросили меня поехать с ними на гастроли в качестве бэк-вокалистки. Всякий раз в аэропорту нас встречали толпы людей. Неважно, в какое время суток прилетал самолет. Мы могли приземлиться в три часа ночи в совершенно чужой стране, и тысячи людей с плакатами ждали нас. Фанаты порой готовы были разорвать нас на части, честное слово!

Потом я вышла замуж, родила сына и развелась. Я снималась во многих сериалах. Всегда любила комедии. Я принимала участие в съемках самой первой серии «Шоу Гэрри Шендлинга». У меня была роль какой-то идиотки. Я играла девушку, которая приходила к Гэрри на свидание и пела ему целиком тему из «Острова Гиллигэна»[119]. Еще я брала интервью у кинозвезд и рок-музыкантов, когда в течение семи лет работала в Hollywood Insider. Так что столкнуться со знаменитостью не было для меня чем-то необыкновенным.

Я продолжала идти по направлению к лифту, чтобы попасть на парковку, где оставила свой автомобиль. Когда я оказалась рядом с машиной, Ларри как раз выходил из задних дверей Tiffany, и мы снова врезались друг в друга. И вот тогда он сказал: «Лучше вам побыстрее удрать отсюда, а то завтра мы попадем во все желтые газеты».

Я рассмеялась. Он так быстро завоевал мое расположение. Он умел чувствовать нужный момент. Мои родственники любили по

многу раз пересказывать какие-нибудь смешные случаи. И Ларри тоже. Так что это для меня очень знакомо.

Мы перекинулись с ним парой слов. Я сказала, что только что рассталась с одним человеком и пока не слишком горю желанием завязывать новые отношения. Однако я совсем не против дружбы с ним. Я не знала тогда, что сказать Ларри о том, что не хочешь завязывать отношения, – все равно что дразнить быка красной тряпкой. Если ему говоришь, что у него нет шансов, он обязательно решит: *нет, я это сделаю.*

Ларри Кинг

Шон была очень зрелой женщиной. И просто поражала… Я сразу же в нее влюбился… еще до того, как узнал, что она была квотербеком[120] женской футбольной команды в старших классах. Практически все девушки, с которыми я встречался в то время, что работал на радио и телевидении, были очень красивыми. Меня заводило, что я могу нравиться красивым женщинам. Мне было необходимо, чтобы какая-нибудь очаровательная дама говорила мне: «Ты такой интересный. У тебя такой замечательный голос». Я-то никогда о себе так не думал.

Шон была не просто красавицей, она была умницей, и у нее была прекрасная семья. А кроме всего прочего, у нее были исключительные способности к бизнесу. Она изобрела заколки-шиньоны и сама сняла информационно-рекламный ролик, благодаря которому ее изобретение принесло ей миллионы в самые короткие сроки. Когда я смотрел на Шон, у меня возникало чувство, будто я взял джек-пот в лотерее. Что могло быть лучше этого?

Конечно, нужно было убедить ее в том, что и я для *нее* то, что надо. Это стало своеобразным вызовом. Шон только что рассталась с человеком, который еще продолжал преследовать ее. Я загорелся духом соперничества. Иногда я и сам не понимаю, что заводит меня больше – сама женщина или этот вызов.

Шон Саусвик-Кинг

Он сказал: «У меня нет ручки. Я остановился в Wilshire. Позвоните мне».

В начальной школе Колфакса я всегда была дежурной по коридору. И поднимала руку первой, когда требовался кто-то для выполнения поручения. А Ларри специально вызывался регулировать движение перед школой, потому что им с друзьями нравилось создавать заторы на дороге и устраивать хаос. А я была правильной девочкой. И если я говорила, что позвоню кому-то, то обязательно вносила это в список дел и звонила. В те дни я

собиралась ехать в Юту, праздновать Рождество с родителями. Перед отъездом стала проверять, что мне еще осталось сделать и кому надо позвонить. В ожидании нужного сигнала светофора на углу Риверсайд и Вудмен у меня появилась свободная минутка, и я позвонила ему. Мы поговорили недолго, и я дала ему свой номер.

Ларри Кинг

Она уехала в Юту прямо накануне Рождества. Мы встретились с ней 21 декабря, но это была единственная встреча до ее отъезда. Вернулась она, кажется, 8 января. Но до этого я звонил ей каждый день. Сильнее всего меня зацепило, когда она сказала, что ее бывший друг пытается вернуться. Я чуть не сошел с ума.

Как-то перед одной из встреч с Шон в Нью-Йорке я случайно наткнулся на Аль Пачино. Он спросил, чем я занят, и я рассказал, что встречаюсь с девушкой, которая очень мне нравится.

«Я могу чем-нибудь тебе помочь?»

«Ну, завтра мы с ней идем обедать…»

«Я понял! – перебил меня Аль. – Я зайду в ресторан как бы случайно и буду вести себя так, будто мы с тобой знакомы всю жизнь. Не волнуйся! Отработаю по полной программе».

Я никогда не говорил с ней об Аль Пачино.

И вот мы с Шон пришли в ресторан. И тут заходит он, кидается на меня с объятьями: «Привет, Ларри! Черт, где же ты пропадал?!»

Это точно не помешало.

Я был полностью покорен Шон. Помню, она была на съемках в Нэшвилле. А я в это время был в Филадельфии с Колином Пауэллом и его благотворительной организацией[121]. Я весь день пытался дозвониться до Шон, но она была в студии и не отвечала. Я оставлял сообщения на автоответчике ее мобильного, но она не перезванивала. Мне уже пора было выходить в эфир…

Колин спросил: «Что у вас случилось?» Я ответил: «Это все девушка».

Он взглянул на меня понимающе. Наконец я получил сообщение, что мне звонит Шон. Помню, как я обрадовался. Колин взял телефон и сказал: «Послушайте, вы что, хотите уничтожить этого мужчину? Сломать его карьеру? Может быть, это не в вашем стиле, но вы должны ему перезванивать».

Шон Саусвик-Кинг

Шло время, и мы все лучше узнавали друг друга. В каком-то смысле мы были полными противоположностями. Но вместе с тем

у нас было много общего. Я бы солгала, если бы сказала, что разница в возрасте не играла совсем никакой роли. Ведь Ларри был почти на 30 лет старше меня. Но я помню, как мой отец работал с оркестром Глена Миллера. Он включал дома музыку и учил нас танцевать джиттербаг[122]. Когда в самом начале нашего знакомства мы с Ларри отплясывали джиттербаг, он был поражен: «Ого! И где это ты научилась?»

Ларри Кинг

Наша песня – The Way You Look Tonight Фрэнка Синатры. Это одна из моих любимых его записей. На той же пластинке он поет еще There Used To Be a Ballpark Right Here.

Шон Саусвик-Кинг

Когда мы сблизились, мои родители восприняли это в штыки.

«Он же был женат сотню раз!» – говорили они. Уж и сама не знаю, как мне удалось объяснить им все. Если честно, я даже не знаю, как Ларри объяснил это мне. Наверное, в какой-то момент он почувствовал мои колебания. Потому что как-то ночью, часа в три, мне позвонила очень хорошая его подруга и сказала: «Шон, Ларри попросил меня сказать тебе, что на самом деле он был женат всего три раза».

Как будто бы я ей поверила! Совершенно очевидно, что он сам относился к этому очень болезненно. Он был женат восемь раз, но долгие годы все знали только о семи его браках. Наверное, если речь идет о семи или восьми браках, то три не должны казаться чем-то очень страшным по сравнению с этим. Но для меня прошлое было прошлым. Я думала о нас только в настоящем.

Еще для меня очень серьезным был вопрос веры. Я из мормонов, и моя вера в Господа очень сильна. Если бы мы поженились и у нас родились дети, они должны были быть воспитаны в моей вере, потому что он вообще не придерживался никакой. Но его это устраивало. Не исключено, что все-таки этот вопрос какое-то время его беспокоил. На его месте меня бы, наверное, он точно беспокоил. Но как было бы на самом деле, я не знаю. Может быть, если бы я была настолько далека от религии, как он, мне было бы все равно.

Я понимала, что должна буду растить детей так, чтобы им было известно об их еврейском происхождении и традициях этого народа. Но именно генеалогические архивы мормонской церкви помогли Ларри выяснить все о его собственном происхождении. Если бы не эти архивы, он так и не узнал бы, кем и откуда были предки его отца.

Мы еще не были помолвлены, когда отправились с ним и Хаей подписывать книги. Они с Хаей написали книгу для детей. Мы сидели на заднем сиденье лимузина, и вдруг Ларри явно начал нервничать. В волнении он проговорил: «Я хочу рассказать тебе кое-что, чего до сих пор не рассказывал. Ты знаешь о Хае и Энди. Но у меня есть еще один сын. Я должен сказать тебе об этом, потому что сегодня ты с ним встретишься».

Мне было неважно, трое у него детей или десять. У меня тоже был сын Дэнни от первого брака. Но наверное, Ларри боялся, что мне это не понравится. Не понимаю, почему новость о наличии еще одного ребенка могла мне не понравиться. Для меня важно только то, что человек делает и как он относится ко мне. Поэтому я лишь подумала: «Зря ты мне раньше этого не сказал». Но это был Ларри с его стремлением все преуменьшить. Он всегда пытался – и до сих пор пытается – выдавать желаемое за действительное.

Может быть, это связано с тем, что он рано остался без отца. У Ларри вообще было много боли в жизни. Мне кажется, в некоторых его решениях я до сих пор вижу влияние смерти отца. Из-за этого он всегда чувствовал себя брошенным. Об этом нелегко говорить. Если бы он слышал, что я говорю об этом, то, возможно, воспротивился.

В тот день я познакомилась с Ларри-младшим и его женой. Мы вместе обедали. Все это было как-то нереально: отчасти потому, что Ларри ничего не говорил мне об этом раньше, но, возможно, еще и потому, что он испытывал чувство вины за все те годы, когда его не было рядом с Ларри-младшим. Но в конце концов я, кажется, поступила так, как поступаю всегда. Я стала защищать Ларри.

И я буду защищать его всегда. И готова принять в себя все пули, что будут выпущены в него.

Ларри Кинг

Я сделал Шон предложение, когда она лежала в больнице. И я так боялся получить отказ.

Шон Саусвик-Кинг

Я только что вернулась с процедур и еще чувствовала сильную слабость. Он был у моей постели и сказал: «Если ты откажешься, ты разобьешь мне сердце. Поэтому я даже спрашивать не буду. Я просто положу это здесь. Вот, это мое предложение. Если ты решишь, что принимаешь его, дай мне как-нибудь об этом знать». С этими словами он проделал какой-то жест рукой, словно птичка взвилась и взмахнула крыльями. И это

стало нашим сигналом.

Ларри Кинг

Мы отправились объявить о нашей помолвке к родителям Шон. Когда мы сказали ее матери, та едва не упала в обморок. В тот же день, когда состоялось наше официальное обручение, когда мы с Шон обменялись кольцами, на голливудской Аллее славы появилась моя звезда. Мы не стали ничего говорить об этом, потому что мой поверенный, Марк Баронdесс, тоже обручился в тот же самый день, и мы не хотели лишать его праздника. Занятное было времечко. Уоррен Битти, режиссер, который снимал меня в «Булворте», захотел снять еще несколько эпизодов, поэтому и пришел на CNN. А Марк Баронdесс привел свою невесту Роуз. И когда пришел Уоррен, мне пришла в голову идея. Я предложил: «Слушай, попробуй подкатить к Роуз?» Уоррен Битти, как известно, – красивый мужчина. И вот он подошел к Роуз и спросил: «Привет, что ты делаешь сегодня вечером?»

Она смутилась.

И чем больше она смущалась, тем сильнее он увивался вокруг нее и нашептывал ей всякие глупости.

Наконец, когда съемка закончилась, он преградил ей дорогу и опустился на колено. Она совершенно перепугалась. Она не понимала, что он собирается делать.

Он достал кольцо. Видели бы вы ее лицо в этот момент!

А потом спросил: «Ты выйдешь за него замуж?» – и показал на Марка.

Весело было!

Шон Саусвик-Кинг

Мы решили, что наша свадьба состоится в доме его друзей, у которых был большой участок. Церемония должна была проходить на теннисном корте, специально декорированном для этого случая. Светильники собирались подвесить на прозрачной проволоке, так, чтобы казалось, будто они парят в воздухе. Должен был петь Вик Дэмон. Обещал прилететь Билли Грэм. Все должно было быть изумительно!

На той неделе я узнала, что у Ларри есть еще одна дочь, с которой они были в разлуке. Об этом написали в журнальной статье. Я понимала, что люблю Ларри. И знала, что хочу выйти за него замуж. Но я определенно хотела поговорить с ним обо всем этом до венчания. Но вокруг происходило слишком многое. Отовсюду прибывали гости. Я изо всех сил старалась поспеть везде. И как раз в тот момент, когда мне прислали свадебные

туфли, зазвонил телефон. Это был Ларри. Он сказал, что у него сильно болят плечо и грудь.

Ларри Кинг

Я поехал в больницу на очередное обследование. Оказалось, что артерия закупорена. Если бы я покинул больницу, вновь мог случиться инфаркт. Врачи из UCLA хотели сделать мне еще одну операцию, а время свадьбы неумолимо приближалось. Герб настоял на дополнительной консультации и решил пригласить врачей из Нью-Йорка.

Венди Уолкер

Исполнительный продюсер шоу Larry King Live

Гости собирались на свадьбу. Мне пришлось организовать оперативный штаб в Уилшире, чтобы обзвонить всех и предупредить, что церемония откладывается.

Шон Саусвик-Кинг

Мы решили пожениться в больничной палате в тот же день, как приедут врачи из Нью-Йорка.

Ларри Кинг

По-моему, если можно сделать предложение, когда твоя возлюбленная лежит на больничной койке, то можно и пожениться, когда лежишь на ней сам.

Шон Саусвик-Кинг

Это было какое-то безумие. Я чувствовала недовольство некоторых его друзей. Они явно относились ко мне скептически. Но Сид и Эшер – в гораздо меньшей степени. Его поверенный сказал мне, в чем была суть этого недовольства: «Что возомнила о себе эта девчонка, если решила выйти за Ларри без брачного контракта?» Видимо, они думали что-то вроде: «Эта цыпочка начнет фыркать на Ларри, доведет его до инфаркта, а потом захапает его денежки». Но, если бы Ларри умер, я бы ничего не получила. У меня дела шли прекрасно, когда наши пути пересеклись. И мне хватало своих денег. Я просто знала, что мы должны пожениться. Мое описание свадебной церемонии может показаться странным, но расскажу, как все было.

Ларри лежал в постели. К его сердцу были подсоединены приборы. Я стояла рядом с его кроватью, почти не накрашенная. Тут же были Герб, Хая, мои родители. Последние больше не воспринимали Ларри в штыки, они понимали, что я люблю его. Все выглядело совершенно по-идиотски. Волосы у Ларри были

спутаны. У моих родителей сохранились фотографии той свадьбы. Смотреть на них сейчас довольно забавно.

Ларри Кинг

Я лежал и думал, что женюсь на Герби, потому что он находился ближе всех ко мне. А Шон стояла чуть дальше.

Шон Саусвик-Кинг

Я только об одном и думала: «Пусть он останется жив».

Венди Уолкер

Палата была битком набита. Там было много людей, о присутствии которых, как мне кажется, Ларри и Шон даже не подозревали. Тогда еще не было сотовых телефонов со встроенными камерами.

Поэтому я взяла и записала имена всех присутствующих на церемонии – просто для того, чтобы Ларри и Шон знали, кто там был. Потом вставила листок в рамочку и послала им.

Это, наверное, прозвучит ненормально, но я не очень была удивлена тем, как все происходило. Ларри действительно хотел этого брака и сильно переживал, что церемония не состоялась, как запланировано. А женившись, он сразу почувствовал себя лучше.

Ларри Кинг

Черт знает что творилось! Не только сегодняшние рассказы об этом похожи на какой-то дурдом, но и тогда это выглядело именно так. Меня захватило каким-то водоворотом. Мне в любую минуту могли назначить еще одну операцию на сердце. Или же отправить в НьюЙорк для другой процедуры…

Приехал доктор Айсом с русским специалистом по фамилии Шахнович. Они прилетели из Нью-Йорка на военно-медицинском вертолете. Никогда этого не забуду. Шон плакала. И тогда Шахнович сказал: «Перестаньте, пожалуйста, ваши слезы преждевременны».

Прекрасная фраза! Действительно, краткость – сестра таланта! Из-за этой фразы я сразу ему поверил. Шахнович сказал, что может убрать тромб с помощью ангиопластики. Я подписал бумагу, в которой говорилось, что UCLA не несет ответственности за все, что может со мной случиться. И мы с Шон решили отправиться в Нью-Йорк вместе с Айсомом и Шахновичем на их вертолете.

Шон Саусвик-Кинг

Из-за всего этого у меня страшно разболелась голова – со мной всегда так происходит после большого напряжения. В тот день мигрень была просто жуткой. Так что кровать в медицинском вертолете занимала я. А Ларри сидел в кресле.

Ларри Кинг

Мы прилетели в Нью-Йорк, мне сделали ангиопластику. Это не такая тяжелая процедура, как обычная операция. Зонд вводят через паховую область. Через день или два меня уже выпустили из больницы.

Шон Саусвик-Кинг

Когда мы вернулись в Лос-Анджелес, у нас состоялась вторая свадебная церемония. Шафером был Тед Тернер. Подружкой невесты была Джейн Фонда. Мы снова повторили все, что полагается. А потом была веселая вечеринка. Аль Пачино прочитал стихотворение Э. Э. Каммингса[123].

Ларри Кинг

Оно называется «Где-то, где я никогда не бывал…». Аль читал его наизусть. Мы поместили его в рамке в нашей гостиной.

Где-то, где никогда не бывал, даже сверх охотно
любого познания, твои глаза обладают безмолвием:
в жесте легчайшем твоем – все, что меня заточает,
чего невозможно коснуться, ибо слишком близко оно
твой малейший взгляд отворяет меня без труда
хоть и как пальцы я сжал себя,
за лепестком лепесток, раскрываешь меня, как раскрывает Весна
(касаясь умело, загадочно) свою первую розу,
а пожелаешь закрыть меня, я и жизнь моя – мы красиво захлопнемся, вдруг,
как когда сердцевина цветка представляет
снег, сверху падающий осторожно
из постижимого в нашем мире не сравнимо ничто
с мощью хрупкости твоей колоссальной: чье сложение
подчиняет цветом своих государств меня,
смерть и вечность с каждым вздохом рисуя
(не пойму, что такое в тебе, что тебя закрывает
и раскрывает; только что-то во мне понимает
голос глаз твоих глубже всех роз вокруг)
ни у кого, у дождя даже, нет таких нежных рук [124].

У нас в гостях был еще и Дон Риклс. Он здорово всех повеселил. Были мормоны и евреи. Риклс утверждал, что мормоны приехали в закрытом фургоне. Слава богу, у них оказалось прекрасное чувство юмора.

Глава 17
Секс и рождение

Вот чего я никогда не понимал у Господа – так это его правила относительно секса.

Марк Твен исчерпывающе сформулировал эту проблему в своих «Письмах с Земли». Господь дает нам вожделение, склонности, биологические потребности. А потом говорит: «Делать это можно только с одним-единственным человеком на протяжении всей жизни».

По-моему, в этом нет смысла.

Ленни Брюс[125] ярко обыгрывал эту нелепость. Ленни говорил:

«Представьте, что вы растите своих детей, внушая им правило, что никто никогда не должен касаться их локтей, за исключением их супругов. Только в браке можно касаться локтей друг друга. А про гениталии вообще никто ничего не говорит. С гениталиями можно делать все что угодно. Но выходя из дома, обязательно нужно закрывать локти. И вот в один прекрасный день муж возвращается домой, видит, что жена касается локтями с каким-то чужим мужчиной, и убивает его. Почему? Потому что такой реакции его научили. Вот это и называется предрассудком».

Интересно, как бы дети относились к сексу, если бы им ничего об этом не рассказывали? Когда я только начинал работать на радио, у меня в Pumpernik's каждую субботу был детский день. Это чем-то напоминало шоу Арта Линклеттера «Дети говорят ужасные вещи»[126]. Однажды моим гостем был маленький гений. Ему было лет одиннадцать. По-моему, в этом возрасте он уже поступил в Мичиганский университет и помогал в учебе футболистам. Действительно удивительный мальчик. Я спросил у него:

«Что для тебя самое непонятное в жизни?» Он ответил: «Секс».

Я поинтересовался: «Что ты имеешь в виду?»

Он ответил: «Я знаю, что мои мать с отцом занимаются сексом. И я знаю, когда они собираются этим заняться, потому что они смотрят друг на друга по-особенному, а потом я иду в свою комнату, а они – в свою. Но я не понимаю, что в этом такого исключительного».

Мальчик был достаточно умным, чтобы знать об этом, но недостаточно взрослым, чтобы понимать, что это на самом деле такое. Мать его была учительницей. Она сказала, что, когда он

спросил у нее, что такое оргазм, ей пришлось рассказать ему, потому что он уже знал, что такое существует. Она объяснила, что это похоже на то, как ты очень хотел чихнуть и наконец чихнул. И ведь это действительно так и есть. А все остальное – только предварительные звуки и подготовка. Я часто вспоминаю об этом, когда чихаю.

Просто удивительно, насколько все мы заморочены на сексе. По-моему, это отголоски пуританского воспитания. Мне всегда казалось, что секс – совершенно личное дело каждого. Я просто не понимаю, какое отношение он может иметь к общественной жизни. Почему для кого-то должно иметь значение, что кандидат на пост губернатора штата Нью-Йорк встречается с другими женщинами, а его жена – с другими мужчинами, если они договорились обо всем между собой? Какая разница, что женатый губернатор НьюДжерси – гей? Это дело касается только его и его жены. Какое это имеет отношение к тому, как он управляет штатом?

Когда в январе 1998-го появились первые публикации об интрижке Билла Клинтона с практиканткой, я понял, что мы вступаем в новую эру. Потом я услышал имя, увидел фотографии. Моника Левински. Писали и о ее родителях. И я понял, что, кажется, ее знаю. А потом сообразил. Я встречался с ее тетей – сестрой ее матери. И подумал: «Оказывается, я *действительно* знаю эту девочку».

Я не хотел обсуждать в эфире то, что могло происходить между Биллом Клинтоном и Моникой Левински. Мне нет дела до того, с кем люди занимаются сексом, меня это не касается. Я всегда считал, что это должно оставаться исключительно внутрисемейным делом Билла, Хиллари и их дочери. Но, увы, эта тема стала главной во всех программах на долгое время.

Я помню, как однажды президент CNN попросил меня записать вопросы, которые прилично задавать по поводу личной жизни кандидатов. Я ответил, что не могу этого сделать. Здесь не может быть никаких правил. Каждое интервью уникально, и все зависит от ситуации. Я не люблю обсуждать в эфире, кто с кем занимается сексом, но иногда я вынужден говорить о сексе в своих передачах. Случай с Клинтоном и Моникой Левински далеко не единственный. Был скандал с Джимом Бэккером и Джессикой Хан. Была президентская кампания 1998 года, когда Гэри Харт[127] предложил журналистам следовать за ним, если они сомневаются в его супружеской верности. Вскоре после этого появились его фотографии с фотомоделью Донной Райс на борту яхты Monkey Business, и Харт был вынужден выйти из президентской гонки. Я в течение часа расспрашивал Джудит

Экзнер[128] о ее отношениях с Джоном Кеннеди. В то время ей было уже за пятьдесят, но до тех пор никто никогда не говорил о том, что они встречались. Имя Джудит Экзнер ни разу при жизни Кеннеди не появлялось в печати. Журналисты никогда не упоминали даже о том, что Франклин Рузвельт ездил в инвалидной коляске, пока он был президентом. Дэвид Бринкли рассказывал, что, когда он был еще молодым, его включили в группу журналистов, которые должны были работать в Белом доме. Когда он впервые увидел, как Рузвельт въезжает в комнату в инвалидной коляске, то был в шоке: «Как? Наш президент – инвалид?» Рузвельт был парализован ниже пояса, и его специально поднимали, когда он выступал на трибуне. «Почему об этом не пишут?» – стал спрашивать Бринкли других репортеров. И все они отвечали ему одно и то же: «А зачем? Какое это имеет отношение к его президентским решениям?»

Экзнер рассказывала, что они обедали с президентом Кеннеди, потом он шел на пресс-конференцию, а затем возвращался к ней. И никто не спрашивал, кто она такая. Пока он был сенатором, до того, как он объявил о своем решении баллотироваться в президенты, он даже приводил ее в дом, где они жили с Жаклин в Джорджтауне. Она очень нервничала из-за этого. Я спрашивал об этом Бена Брэдли. Он был близким другом Кеннеди еще до того, как стал редактором *Washington Post*. Он сказал, что ничего об этом не знает и что ему нет до этого дела. Тогда мы жили совсем в другом обществе. В этом отношении можно сказать, что мы сделали огромный шаг назад. Когда желтая пресса стала смаковать истории о сексе, страна повернула вспять.

Если рассматриваешь тему, поднятую желтой прессой, встаешь с ней на один уровень. Дженнифер Флауэрс[129] сообщила мне несколько больше подробностей, чем хотелось бы, рассказав, что занималась сексом с Клинтоном, когда тот был губернатором Арканзаса. Флауэрс это было нужно, потому что пикантные подробности могли помочь ей более выгодно продать свою книгу. Но я всегда старался вести разговор на более высоком уровне. Хотя это было и непросто.

Однажды я спросил у Флауэрс, почему, по ее мнению, такой замечательный человек и политик попадает в подобные ситуации. Ну, понимаете, почему с хорошими людьми происходят нехорошие вещи?

«Мне кажется, – ответила она, – он в такие моменты думает не той головой».

Гостем нашей программы была и Линда Трипп[130]. К сожалению, без этого было не обойтись. Без Линды Трипп

никакой истории бы не вышло. Мне не нравилась Линда, потому что, на мой взгляд, она называла себя подругой Моники, а на самом деле просто хотела уничтожить президента. Наверное, это чувствовалось в моих вопросах. Это она убедила Монику сохранить синее платье с пятнами спермы. Это она записывала свои разговоры с Моникой так, что та об этом не знала. Правда, на моем шоу она не использовала слово «запись». В Мэриленде ее обвинили в незаконной записи разговоров, поэтому ей пришлось употреблять слово «документировать», чтобы избежать дополнительных обвинений.

Вероятно, после того как Билл Клинтон заявил, что он не относит оральный секс к настоящему сексу, Трипп и решила заменить слово «запись» на «документ».

На мой взгляд, Моника была жертвой. Она была всего лишь стажеркой в Белом доме, и президент для нее был слишком важной фигурой. Какими глазами смотрела на него 22-летняя девочка, как вы думаете? Помню, как Моника Левински появилась на вечеринке, которую я устраивал в Вашингтоне, как раз во время этого скандала. Я думал, Тим Рассерт[131] свалится в обморок. Папарацци бежали за ней по улице. Моника была в тот момент, вероятно, самой знаменитой женщиной в мире. К ней подошел Вольф Блитцер[132]. Она сказала ему: «Когда вы были в Белом доме, вы не обращали на меня внимания».

Мне кажется, она подвергалась огромному давлению. Она была среди чуждых ей людей, как я, когда попал в окружение Лу Вольфсона. А что делает человек, когда оказывается не в своем мире? Он попадает в неприятности. Только что она была обычной стажеркой. И вот она стала главной фигурой расследования, и на нее смотрит вся Америка. Мне нужно было высказаться по этому поводу. На мой взгляд, Кеннет Старр[133] со своим расследованием создал гораздо больше проблем, чем сам Клинтон.

Что же нужно было сделать Клинтону? Ему нужно было лишь сказать, что все это касается только его и его жены. История получила бы продолжение, но не оказалась бы настолько раздутой. Клинтон влип в неприятности в тот момент, когда сказал: «У меня никогда не было секса с этой женщиной». Он влип еще сильнее, когда сказал, что оральный секс – это не секс. Наверное, об этом можно спорить. Может быть, это чем-то схоже со словами судьи Верховного суда Поттера Стюарта, который заявил насчет порнографии: «Я не могу дать этому определения, но, когда я это вижу, я это узнаю».

Однажды Мартин Лютер Кинг-младший сказал мне, что в своих проповедях говорил о многом, но не о супружеской

верности. Он поступал так для того, чтобы его не обвиняли в лицемерии. В случае с Клинтоном отрицание им своих поступков дало свободу всем республиканцам, которые хотели до него добраться. Боб Барр, конгрессмен из Джорджии, который первым предложил объявить Клинтону импичмент, был в гостях на моей программе и заявил, что ему наплевать на супружескую измену Клинтона. Его волнует исключительно создание препятствий для правосудия, подкуп свидетелей, подстрекательство к лжесвидетельству и возможное уничтожение доказательств.

Я старался сосредоточиться в своей программе на том, как скандал влияет на процесс импичмента. Мне казалось, что поведение Клинтона не может стать причиной импичмента. Но Клинтон был многим неугоден, поэтому такое предложение и прошло. Решить, останется ли Клинтон на посту до окончания срока, должен был Сенат. В тот день я позвонил президенту, чтобы пожелать ему удачи и сказать, что он будет желанным гостем в моей программе в любой момент, если захочет поделиться своими чувствами. Я оставил свое сообщение его секретарю. Washington Redskins в тот день играли с Tampa Bay. Когда я смотрел матч, Клинтон перезвонил мне и услышал в трубке звуки репортажа.

«Это Redskins играют?» – спросил он.

«Да».

«И кто выигрывает?»

«Tampa Bay ведут, 16–7, но Skins пока не сдаются».

«Да ну? А кто выиграл в матче с Jets? Я весь день был так занят…» Вот это умение отвлечься! Потом мы немного поговорили об импичменте.

«Какая глупость! – сказал Клинтон. – Но я не собираюсь им поддаваться».

Он не поддался. Когда срок его президентства закончился, когда он дописал автобиографию, то пришел ко мне на программу и сказал, что должен благодарить своих мучителей. Он считал, что именно те, кто хотел его уничтожить, в конечном итоге помогли ему. Хиллари приводили в такое бешенство люди, которые выступали против Клинтона, что только благодаря им она взглянула на него другими глазами.

На другой день после того, как Клинтон признался перед всем народом в своих отношениях с Моникой, он с Хиллари и Челси улетел в Мартас-Виньярд, чтобы попробовать восстановить свою семью. Я все время вспоминаю, как смотрел в Белом доме фильм вместе с президентом. Это был фильм «Руди», о великом игроке команды Университета Нотр-Дам Руди Рюттигере[134]. Он сам присутствовал на показе. Челси принесла попкорн. Она

сидела рядом с отцом. Тот обнял ее за плечи. Было замечательно. Любому отцу более чем печально лишиться таких моментов. Позже Клинтон признавался, что его больше всего страшило, что он нанес непоправимый урон своим отношениям с Хиллари и Челси и что уже никогда не сможет восстановить их полностью. Я помню, как видел их всех на экране телевизора идущими к Marine One[135]. Челси прильнула к матери, а президент потянулся к ней, чтобы привлечь ее к себе. Это был один из тех личных моментов, которые, по моему мнению, не должно выставлять на всеобщее обозрение. Но я продолжал смотреть, пока вертолет не взлетел.

Довольно тяжело признаться в измене своей жене. Но что же говорить дочери? Жена – взрослый человек. Она может обозвать тебя сукиным сыном. Она может с тобой развестись. Жене не обязательно навсегда оставаться твоей женой. Но дочь всегда будет твоей дочерью.

Мне было очень жаль Билла Клинтона и его семью за все, через что им пришлось пройти. Многим не нравился Клинтон как политик, и они утверждали, что он заслуживает того, что получил. Я так не думаю. Я не большой поклонник библейских текстов, но слова «Кто без греха, пусть первым бросит камень» считаю великими. У всех людей есть слабости. И порой мы не можем не стать их жертвой. Например, моей слабостью раньше было курение. Я не мог бросить курить. Передо мной можно было вывесить все статистические данные, но я все равно не расстался бы с сигаретой. Я способен понимать тех, кто подвержен слабостям. Поэтому я и мог сопереживать как президенту, так и его семье.

Венди Уолкер

Освещать историю Клинтона – Левински было очень тяжело. Но вы видели и видите Билла Клинтона в наших программах лишь потому, что Ларри никогда не делал ничего, чтобы Билл мог почувствовать, что с ним обходятся нечестно.

Ларри задавал вопросы. И получал ответы. А выводы зрители должны сделать сами. Это во многом отличается от манеры других ведущих, которые все время рассчитывают, как бы им поймать своего гостя на чем-нибудь горячем.

Именно поэтому, когда интервью заканчивается, зритель может сказать: «Этот человек выглядел превосходно». А другой может возразить: «Да ты что, шутишь? Мне так не показалось».

Зрители сами судят гостя. Но Ларри не судит никого. В этом-то и состоит разница.

Я действительно восхищаюсь Клинтонами за то, что они смогли сохранить свою семью. Обычно я не подвергаю

психоанализу собственную жизнь. Но сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что многое понял именно в тот период, и это заставило меня осознать удар, который я нанес собственным детям. Как раз примерно в то время я узнал о существовании Ларри-младшего. Потом забеременела Шон. Это произошло практически одно за другим. Одна радость за другой. Я уже и не думал, что у меня будут еще дети.

Шон Саусвик-Кинг

Я забеременела примерно месяцев через десять после нашей свадьбы. Когда я рожала, я все время успокаивала Ларри, который был со мной. Он страшно сердился, что ребенок не появился на свет к шести часам, потому что в шесть начиналось его шоу. Он хотел сообщить всем, что у нас ребенок.

Ларри Кинг

Я всегда стараюсь торопить события. Неужели вы этого еще не сделали? Тогда *вперед!!!*

Шон Саусвик-Кинг

Роды были довольно тяжелыми. Ларри гонял врачей, как сумасшедший. Наш сын появился на свет в 6.31 пополудни. Грета ван Састерен, тогда работавшая на CNN, объявила об этом в 6.36.

Ларри Кинг

Я впервые присутствовал при родах. В 1960-е отцов не пускали в родильное отделение. Смотреть такое было запрещено. А тут я сам перерезал пуповину. Мы назвали нашего сына Чанс (Случай), потому что мы встретились с Шон благодаря случаю.

Чансу было четыре месяца, когда мы отправились к Биллу Клинтону в гости в Белый дом. Мы думали, что приглашение будет отменено, потому что в этот день закончилась война в Боснии, но этого не случилось.

Клинтон взял Чанса на руки и вошел с ним в Овальный кабинет. Он зачитывал сообщение об окончании войны, а фотографы снимали его с Чансом на руках. Он посмотрел на ребенка и сказал: «Ты еще не понимаешь, что здесь происходит. Но когда-нибудь, малыш, ты будешь изучать в школе историю. И учитель скажет: «Сегодня мы поговорим с вами о Боснии», – и когда он это произнесет, *подними руку*! Ты был здесь. И сможешь показать в классе эту фотографию. Ты был здесь!»

Шон Саусвик-Кинг

Чансу было пять месяцев, когда я вновь забеременела. В тот

день мы поехали в больницу рано утром. Я думала, что малыш родится где-нибудь в середине дня. Но он оказался очень шустрым. Такой он и есть, наш Кэннон.

Ларри Кинг

Мы назвали его Кэнноном, потому что он был зачат на улице, которая носила это имя. Но не знаю, что бы мы делали, если бы зачали его на Элевадо.

Я помню, что, когда родился Кэннон, заметил, что у него затруднено дыхание. Все кругом увлеклись разговорами, и мне пришлось обратиться к врачам, указывая им на это. Оказалось, возникла проблема с бронхами. Все прошло через несколько дней. Но именно я заметил это первым.

Глава 18
Президенты

Когда-то давным-давно мне предложили читать в одном университете курс по интервью.

«Вы можете составить для нас учебный план?» – спросили они. Я никогда не учился в колледже, так что не представлял себе, что это такое.

«Ну, просто опишите, чему вы будете учить на первой неделе занятий, чему на второй и так далее».

Иными словами, к примеру, я мог бы на третьей неделе учить студентов тому, как брать интервью у президентов.

Но дело в том, что, по-моему, то, что я мог бы рассказать в третью неделю, не сильно отличалось бы от того, что я рассказывал бы в первую. Суть вопроса всегда одинакова: быть собой. На президента я смотрю с тем же интересом, что и на слесаря. Наверное, именно этим я и отличаюсь от всех прочих. Если мне предстоит беседа с президентом, я не буду сидеть часами, придумывая заранее 600 вопросов. Это не мой стиль, и не это сделало меня тем, кто я есть.

Иногда, когда меня ждет большое серьезное интервью, я слышу:

«Ну, сегодня ты должен быть на высоте».

Значит, я должен добавить в программу нечто особенное для такого случая?! Меня всегда это оскорбляет. Разве я не должен вносить нечто особенное в программу, когда беседую со слесарем? Естественно, когда я собираюсь брать интервью у президента, я сознаю, что это президент. Но если я стану относиться к нему иначе, чем ко всем остальным, это буду уже не я.

Я был дружен со всеми президентами Соединенных Штатов, начиная с Ричарда Никсона. И чем дольше длилась дружба с каждым из них, тем сильнее я воспринимал их как обычных людей, особенно после того, как они оставляли свой пост. Джеральд Форд однажды начал запинаться и путаться в словах во время интервью. Нам пришлось закончить его раньше времени, и в тот же день с ним случился инсульт. Джордж Буш-старший расплакался, заговорив о потере дочери. Мой сын Чанс показывал в нью-йоркской студии CNN приемы карате и ударил Билла Клинтона по яйцам. Билл стоически перенес этот удар.

Так что я отношусь к президентам не так, как относятся к ним историки. Я знаю, что у каждого из них есть свои слабости. И

еще знаю, что события, происходящие в масштабах мира, никто не в состоянии контролировать. Порой президенты поступают неправильно, но и каждый человек ошибается время от времени. Есть события, которые президенты провоцируют намеренно, как Линкольн спровоцировал гражданскую войну. А есть события, на которые ни один президент повлиять не в силах, как не в силах и прекратить их. Джордж Буш-младший как-то сказал очень правильную вещь. Его спросили: «Что о вас будет думать история?» И он ответил: «Понятия не имею. Меня-то уже не будет».

Я могу рассказать вам лишь о том, каково это – общаться с президентами, пока они живы.

Ричард Никсон

Когда Никсон подал в отставку, я был безработным. Я совершил ошибку и был наказан за нее – точно так же, как и Никсон. У меня не было причин терять работу, точно так же, как не было у Никсона причин лишиться своего поста. Зачем нужно было взламывать представительство Демократической партии в Уотергейте накануне выборов 1972 года? Никсон на этих выборах победил в 49 штатах. Его победа над Джорджем Макговерном была одной из самых внушительных подвижек в истории президентства. Эти выборы он легко выиграл бы, даже не имея ни единого документа из тех, что находились в штабе демократов.

Я понимаю тех, кто пережил падение. Поэтому знаю, через что пришлось пройти Никсону. Мне кажется, это помогло мне, когда спустя несколько лет после отставки я брал у него интервью. Никсон чувствовал мою искреннюю симпатию. Когда я спросил его об Уотергейте, он сказал, что никогда там не бывает и даже отворачивается, когда проезжает мимо.

Самое удивительное для меня в Никсоне было то, каким образом этот политик достиг таких высот, будучи, в общем-то, не очень приятным человеком. Невозможно сделать себя приятным для людей специально. Про то, как грубо обращался Никсон с людьми во время своих поездок в ходе президентской кампании, рассказывали немало. А он не просто не был приятным человеком, думаю, он вообще не отличался любовью к людям. Мне кажется, он больше любил ситуации.

Если бы я был владельцем сети СМИ, я бы нанял Никсона в качестве аналитика. Никто так, как Никсон, не мог объяснить, как именно сложилась та или иная ситуация. Мог ли он решить проблемы, появившиеся в результате такой ситуации, это другой вопрос. Но он был замечательным аналитиком, удивительно проницательным и хватким.

Он питал пристрастие ко всему иностранному. И пожалуй, предпочел бы общество премьера Брежнева обществу губернатора Пенсильвании. Именно поэтому во время его правления в стране произошло столько либеральных перемен – ему было не до них. Его больше волновало установление дипломатических отношений с Китаем.

Его подвела собственная неуверенность. Однажды я беседовал с ним в программе на радио в Майами. Он был главным гостем. После него в программе должны были принять участие четверо представителей профсоюза мужской моды. В городе проходил их съезд, и, пока мы беседовали с Никсоном, они ожидали своей очереди и наблюдали за нами.

В перерыве Никсон обратился ко мне.

«Видишь тех парней? – Тон его был очень подозрительным. – Они точно говорят обо мне».

«Откуда вы знаете?» – спросил я.

«Знаю», – ответил он.

Может быть, они обсуждали его галстук или цвет костюма. Но Никсон считал, что каждый что-то имеет против него. Он был непростым человеком. Но практически любой человек, достигший в своем деле вершин, не простой. Да, Никсон не был приятным человеком. Но Хьюберт Хамфри рассказал мне одну историю, благодаря которой я увидел Никсона в ином свете.

Никсон и Хамфри были противниками на президентских выборах 1968 года, в которых, как оказалось впоследствии, Никсон победил с минимальным в истории преимуществом. Через несколько лет, в канун Рождества, Хамфри попал в госпиталь Sloan-Kettering. У него был рак, и он собирался пройти курс химиотерапии. Его супруга проводила праздничный вечер с родственниками, и он дал указание телефонистке не соединять его ни с кем, кто будет ему звонить. Раздался звонок. «Черт! – подумал Хамфри. – Я же просил…» Это оказался Никсон. Один из них умирал, другой был в немилости. Они проговорили много часов в тот рождественский вечер. Я часто вспоминаю эту историю, потому что впервые после отставки Никсон приехал в Вашингтон на похороны Хамфри.

Итоги его президентства неоднозначны. Он открыл двери в Китай. Хамфри бы такого сделать не смог. Республиканцы затоптали бы президента-демократа, решившего посетить коммунистический Китай. Но, к сожалению, имя Никсона в первую очередь всегда ассоциируется с Уотергейтским скандалом и отставкой.

Одно из ярких воспоминаний, связанных у меня с Никсоном, относится к библиотеке его имени. Когда я последний раз был

там, в одном из залов был выставлен его настольный блокнот. Последняя запись в нем была такой: «9 вечера, вторник. Larry King Live». В тот день он дал согласие на участие в нашей программе, а к вечеру его увезли в больницу с инсультом. Через несколько дней он скончался.

Джеральд Форд[136]

Музей Форда в Гранд-Рапидс, штат Мичиган, – это красивое здание с тремя фасадами. Когда комика Марка Расселла спросили, что он думает о нем, тот ответил: «Ну да, Форд-то правил всего три года».

Форд пришел к власти в переломный момент. Уотергейтский скандал был событием невероятным – президент нарушил закон. Через месяц после своего вступления в должность Форд даровал Никсону полное прощение. Никогда не забуду его фразу: «Наш долгий национальный кошмар кончился…» Но это прощение не далось даром. Страна разделилась на два лагеря. Время было крайне напряженным. Собственный пресс-секретарь Форда после обнародования этого заявления подал в отставку. И многие считали, что именно прощение, дарованное Никсону, послужило одной из причин поражения Форда на выборах 1976 года.

Но когда я спросил его об этом много лет спустя, Форд ответил, что считал и считает, что поступил тогда правильно. Его доводы действительно имеют смысл. Если на президентском посту он хотел заниматься решением существующих в стране проблем, нужно было поставить точку в деле Никсона. Он верил, что со временем народ поймет его правоту.

На моей памяти Форд был самым обычным человеком из всех, кто занимал президентское кресло. Он никогда не стремился занять его. Это был настоящий конгрессмен – из тех, к кому обращаются за помощью, если задерживают выплату пособия. Джеральд Форд обязательно добился бы, чтобы был наведен порядок.

После того как он однажды споткнулся и скатился вниз по трапу, сходя с самолета, его стали изображать неуклюжим увальнем. В свое время даже была популярна шутка о том, что он играет в футбол без шлема. Однако в школе он учился отлично. Форд был привлекателен и легок в общении. Попав в Белый дом, он стал проводить гораздо менее консервативную политику, чем та, за которую выступал в конгрессе. Но такое произошло не с ним одним после занятия высшего государственного поста. Управление страной волейневолей заставляет занимать более центристскую позицию. Когда вы являетесь депутатом от Мичигана, вы представляете население штата Мичиган. Но

оказавшись президентом, вы становитесь представителем всех граждан без исключения.

Форда неприятно поразило, когда в 1980 году Рональд Рейган пытался помешать его выдвижению. Но фатальной ошибкой в ходе дебатов с Джимми Картером стало заявление о том, что Восточная Европа не находится под давлением Советов. Это также стало одной из причин его неудачи.

Можно сказать, что главная роль, которую сыграли Форд и его супруга Бетти, – это роль целителей. Форд старался воссоединить страну после отставки Никсона. И я помню, как он рассказывал о вмешательстве родных, стремившихся помочь Бетти избавиться от пристрастия к алкоголю и обезболивающим средствам. Имя Бетти Форд стало синонимом реабилитации. Первое, что вспоминаешь, сталкиваясь с этим понятием, – это Центр Бетти Форд. Такое впечатление, словно до него реабилитационных клиник вообще не существовало в природе. Превосходно пошутил на эту тему Альберт Брукс. «Где же тогда лечилась сама Бетти Форд?» – спрашивал он.

Позже Джеральд Форд очень сдружился с Джимми Картером. Это произошло уже в годы правления Рональда Рейгана. Рейган направил их представлять Америку на похоронах Анвара Садата. Там же был и Никсон. Но он поспешил после церемонии вернуться домой, а Форд и Картер летели вместе и после этого очень сблизились.

Форд с печалью наблюдал за тем, как со временем Республиканская партия все больше и больше склонялась к крайне правым позициям. Я присутствовал на съезде республиканцев в 1992 году, когда Джордж Буш был выдвинут на второй срок. Раш Лимбо занимал в зале, где проходил этот съезд, почетную ложу. Пэт Бьюкенен[137] произносил речь на пленарном заседании. Форд обернулся ко мне и спросил: «Что стало с моей партией?»

Джимми Картер

Джимми Картер опередил свое время. Он видел возможности мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Я узнал об этом только недавно, но, оказывается, он еще в 1970-е установил на Белом доме солнечные батареи. Теперь это выглядит само собой разумеющимся, но женщины в клуб Alfalfa были допущены благодаря Джимми Картеру.

Клуб Alfalfa («Люцерна») получил свое название в честь одноименного растения. Это растение, пожалуй, приносит больше пользы, нежели клуб. Он не занимается благотворительной деятельностью. Он устраивает обеды. И все. Клуб Alfalfa был

создан в 1913-м. На ежегодный обед собираются президенты, члены кабинета министров, судьи Верховного суда, дипломаты, руководители бизнеса. Я помню, как на одном из таких обедов разговаривал с *Дэвидом Рокфеллером*[138]. И он сказал: «Разве можно встретить всех этих людей в одном зале? Я просто не верю своим глазам». В бытность президентом страны Джимми Картер не посещал обеды клуба, потому что на них не допускались женщины. Вот по этой причине женщинам тогда и было разрешено иметь членство в этом клубе.

Картер считался блюстителем морали – он любил проповедовать на эту тему, иногда даже чрезмерно нудно. Мой приятель Герб шутил по поводу мирного соглашения, подписанного Египтом и Израилем. Он говорил: «Знаешь, почему Картеру удалось уговорить Садата и Бегина? Своими разговорами он уморил их до смерти. В Кэмп-Дэвиде они размещались в разных апартаментах. И Картер, наверное, сказал каждому из них: “Я предлагаю еще раз обсудить эти вопросы. На это понадобится не более шести часов”. И они взвыли: “Еще шесть часов? Нет! Мы все подпишем, несите документы!”»

На самом деле все, конечно, было не так. Добиться мирного соглашения было очень тяжело. С Менахемом Бегином[139] договориться было чрезвычайно трудно. Анвар Садат[140] был гораздо уступчивее. Бегин хотел расставить все без исключения точки над i. Он по многу раз все перечитывал и относился к каждому пункту договора крайне недоверчиво. Он говорил Картеру: «Минутку. Минутку. Что это на самом деле значит? Давайте поменяем здесь артикль».

Позже Картер рассказывал: «Всякий раз, когда он начинал выводить меня из себя, я повторял себе: *моя семья не была уничтожена при Холокосте. Я не имею права упрекать его в чрезмерной дотошности. Я не имею права заставлять его безоговорочно доверять всему*». Когда он говорил об этом, в глазах у него стояли слезы. В конце концов договоренность между Египтом и Израилем была достигнута. И по сей день люди могут беспрепятственно путешествовать туда и обратно.

Кто-то однажды заметил, что из Картера вышел бы прекрасный святой, но президент получился не слишком удачный. Я думаю, что он просто не всегда мог справиться с ситуацией. Когда Иран захватил заложников, он повел себя не очень правильно. Он не был слабым или наивным. Люди почему-то забывают, что Картер был выпускником Военно-Морской академии и командовал атомной подводной лодкой.

Надо сказать, что его навыки руководителя лучше проявились после того, как он оставил президентский пост. В этот период он

действительно достиг много. Он ездил по всему миру. Он наблюдал за ходом избирательных кампаний. Организовывал мирные переговоры. Писал романы, стихи и детские книжки. Деньги, заработанные на продаже книг, он вкладывал в свой Центр. Они с Розалин строили дома и занимались гуманитарной помощью. Он получил Нобелевскую премию мира. Можно не соглашаться с его взглядами, но нельзя не признать, что это был выдающийся человек.

Рональд Рейган

Есть одна замечательная история про Рональда Рейгана, которая стала известна благодаря его голливудским агентам. Когда он был актером, с ним работали Сонни Верблин, который потом стал владельцем New York Jets и управляющим Madison Square Garden, и Лью Вассерман. На церемонии инаугурации Рейган сказал им:

«Если бы вы, ребята, получше выполняли свою работу, я бы здесь не оказался».

Актерское прошлое помогало Рейгану и в Белом доме. Он прекрасно умел общаться. Люди его любили. Такое за деньги не купишь. Некоторые критиковали Рейгана за то, что в его поведении слишком много актерства. Но я не стал бы винить его в этом. Таким уж он был. Я, например, журналист. И если бы стал баллотироваться в президенты, то вел бы себя как журналист.

Очень многое в жизни зависит от правильно выбранного момента. Герб хорошо это сформулировал. Он говорил, что иранцы освободили заложников в последние дни президентства Картера потому, что уже видели пришествие Рейгана на белом коне. И не знали, чего от него ждать. А вдруг Рейган нападет на них? Они не были ни в чем уверены.

У Рейгана было много положительных качеств. Он подружился с Горбачевым и предложил ему разрушить Берлинскую стену. Это было великое начинание.

Рейган смотрел на вещи просто, без задних мыслей. Мой брат очень любил его, потому что Рейган умел выслушивать тех, кто лучше его разбирался в том или ином деле, и на основе этой информации принимать правильные решения. Но больше всего Марти поражал сам облик президента. Рейган был шесть футов два дюйма ростом и очень широк в плечах. Марти вспоминал, что, когда Рейган подошел пожать ему руку, фигура президента полностью заслонила окно. Он производил впечатление человека, сильного телом и духом, и очень уважительно относился как к своим сотрудникам, так и к посту президента. Например, он никогда не снимал пиджака, находясь в Овальном кабинете. Но

многие сторонники правого крыла очень удивились бы, если б узнали, что порой он был не прочь и грязно пошутить.

Кроме того, Рейган отличался тем, что не держал ни на кого зла. У него были прекрасные взаимоотношения с Типом О'Нилом, спикером конгресса. И вот что однажды рассказал мне Тип: «Как-то раз я резко раскритиковал его в конгрессе. Когда я вернулся в кабинет, секретарь доложил: "Президент на связи".

"Вот черт…" – думал я, подходя к телефону. "Здравствуйте, мистер президент…"

"Тип, а ты уже слышал новый анекдот?…"»

В присутствии Рейгана невозможно было не улыбаться. Он пригласил меня войти в Комитет по физическому развитию. Я тогда весил на двадцать фунтов больше нормы и выкуривал по три пачки сигарет в день. Когда я появился на приеме в Розовом зале, Рейган, увидев меня, поинтересовался: «Это ты – парень с рекламных плакатов?»

По многим вопросам я был не согласен с Рейганом. На мой взгляд, его идея стимулирования экономики была кошмарной. Я был согласен с тем, что говорили бедные: «Пусть простимулируют нас, мы не против».

Очевидным промахом его политики был и скандал с Ираном. Такое могло произойти только при президенте, который не уделял должного внимания многим вещам.

Его продолжали любить как человека, но следующие выборы выиграл его вице-президент.

Сразу после того, как Рейган покинул Белый дом, они с Нэнси пригласили меня на обед в отеле Bel-Air. Когда мы туда прибыли, там шла церемония чьего-то бракосочетания. Нас пригласили присоединиться к гостям. Мы вошли вместе со свадебной процессией в холл. Рейган вместе с отцом вели новобрачную. Удивительно, как запоминаются некоторые мелочи. Рейган ел фруктовое мороженое, причем с таким аппетитом, как это мог бы делать мой девятилетний сын. Да уж, это мороженое определенно ему нравилось!

За эти годы мы очень подружились с Нэнси. Многие не знают ее настоящую. Нэнси имела очень большое влияние в администрации мужа. Она была веселой, застенчивой, но в то же время строгой. Очень сдержанная, она с неприязнью относилась к фанатикам крайне правого крыла. И если вы ей не нравились, вас ни за что не пустили бы в дом, потому что Ронни выполнял все ее желания.

Я впервые заметил, что болезнь Альцгеймера берет над президентом верх, когда ему вручали Медаль Свободы. Это было на приеме в Белом доме. Рейган стоял под портретом Линкольна.

Я был рядом с ним вместе с Джорджем Уиллом и еще некоторыми людьми. Рейган сказал: «Помню, как я первый раз проходил мимо этого портрета. И каждый раз, когда я снова оказываюсь в этой комнате, я испытываю то же чувство». А через несколько минут он снова повторил те же самые слова.

Нэнси рассказывала, что в конце это было действительно тяжело. Ей пришлось включать телевизор только в черно-белом режиме. Цвета плохо влияют на больных синдромом Альцгеймера. Любое цветное изображение они видят как будто впервые.

Эта болезнь вообще во многом удивительна. Но Рональда Рейгана она не сделала озлобленным. До самых последних дней, когда в комнату входила женщина, он вставал с места.

Джордж Буш 41-й

Лучше всего характеризует Джорджа Буша-старшего разговор за обедом, который у нас однажды состоялся. Он сказал: «Вы же знаете моего внука, он еще был у вас в эфире во время съезда. Милый парнишка. Он поступает в Джорджтаун».

«Это хорошо», – отозвался я.

И тут он спросил: «А вы не знаете никого в Джорджтауне?» Я ответил: «Но ведь вы – президент».

А он мне сказал: «Да понимаете, пользоваться своим положением мне как-то неловко».

Мне это очень понравилось. Именно за это многие любили его. Я достаточно близко общался с Джорджем Бушем и Биллом Клинтоном, но Буш все-таки мне как-то ближе. Я даже собирался вместе с ним прыгнуть с парашютом, но мой врач запретил мне.

Буш был человеком планеты. Мне кажется, во время Войны в Заливе он вполне проявил свою силу и свою восприимчивость. Он собрал коалицию, прогнал Саддама Хусейна из Кувейта и выиграл войну за сто дней с минимальными потерями. Ему хватило ума держаться подальше от Багдада. У него были прекрасные советники. Брент Скаукрофт, например, был категорически против вторжения в Багдад. Вряд ли Бушу понравилось, что его сын втянул нас в войну с Ираком. С абсолютной уверенностью я, конечно же, сказать этого не могу. Однако многое можно было понять по языку его тела. Я отдыхал в том же месте, что и Скаукрофт, когда *The NewYorker* опубликовал большую статью о нем. Там весьма критически отзывались об этой войне. И я решил спросить Буша, что думает об этом Скаукрофт. «Мы это не обсуждали», – ответил Буш.

После победы в Заливе у Буша была, кажется, 90 %-ная поддержка населения. Когда наши части возвращались домой, их

встречали торжественными демонстрациями. И если бы не экономические проблемы, народ относился бы к Бушу 41-му совершенно по-другому. Но его репутация пострадала, когда выяснилось, что он ничего не знает об электронных сканерах в кассах супермаркетов. Это доказало, насколько далек он от жизни. Трудно победить на выборах, когда в сознании людей закрепляется подобный образ. Бушу пришлось столкнуться с категорическим неприятием – он шел на выборы на второй срок и был побежден малоизвестным выскочкой. Конечно, это нелегко.

Я считаю Буша добрым умным человеком, но ведь именно из-за Буша я попал в самую странную дипломатическую ситуацию, в которой мне только довелось побывать. Это случилось во время празднования его 80-летия на стадионе Minute Maid Park, где играли Astros. Церемония проходила на второй базе. Собралось очень много народу. Планировалось, что выступят бывшие лидеры пяти государств, представлявшие на празднике Израиль, Канаду, Мексику, Англию и Россию.

Все, кто выступал до них, говорили очень пространно, поэтому церемония слишком затянулась. Я как ведущий старался изо всех сил веселить всех присутствующих и не давать им скучать. Но вскоре стало очевидно, что программу нужно каким-то образом укоротить.

И я сказал президенту Бушу, что предложу мировым лидерам выбрать кого-то одного, кто будет говорить от их имени.

Это услышал Дэн Куэйл и заметил: «Не слишком удачная идея…» Но других вариантов не было, и президент согласился: «Хорошо, попробуйте».

Я подозвал к себе всех лидеров и обрисовал им ситуацию. Казалось, что все всё поняли. Бывший лидер Канады Брайан Малруни был ближайшим другом Буша и заявил: «Говорить буду я».

«Ладно», – согласился я.

Но Михаил Горбачев запротестовал: «*Нет! НЕТ!*»

Он сказал: «Я приехал из такой дали ради этого. Говорить буду я!» Остальные переглядывались, не зная, как поступить. Они казались похожими на парней-старшеклассников, столпившихся на школьном дворе.

Я подошел к президенту и сказал: «У нас возникла небольшая проблема…»

Куэйл заметил: «Я же вам говорил!»

«Горбачев непреклонен», – сказал я.

И Буш ответил: «Ну что ж, это он изменил мир».

Я вернулся к Малруни и повторил ему слова Буша. И Малруни согласился: «Действительно».

Горбачев поднялся, чтобы говорить. Я думал, он заведется надолго. Но нет: он шутил, говорил очень выразительно и закончил буквально за считанные минуты.

Когда я вспоминаю об этом, я сам с трудом в это верю. Ларри Зайгер из Бруклина бегал туда-сюда, ведя переговоры между Бушем и Михаилом Горбачевым…

Билл Клинтон

Посмотрите в словаре определение слова «очаровательный», и вы сразу представите себе Билла Клинтона. Самый заклятый его враг не продержался бы против него и пяти минут, но Билл мог и быстрее покорить его.

Я помню момент, когда в Белом доме вывесили его портрет. Был устроен прием по этому поводу, и Джордж Буш 43-й был в полном восторге. Он все время говорил о том, каким замечательным человеком и прекрасным президентом был Клинтон. Через несколько недель я встретился с Бушем и напомнил ему об этом. «Вы не слишком переусердствовали в своих похвалах?» – спросил я.

Он удивился: «Вы что, шутите? Билл – лучший. Неужели вы этого не понимаете?»

Клинтон действительно один из самых умных людей, которых только можно встретить. Его знания поражают. Он познакомился с Хаей, и они тут же начали обсуждать Американский университет. Она закончила это учебное заведение, а он однажды выступал там с речью. Он вспомнил все аудитории, в которых побывал, и многих из администрации университета мог назвать по именам. Просто удивительно, сколько всего он знает и помнит. Он умеет вникать в самые разнообразные вещи – от кулинарии до баскетбола и управления государством.

Мне всегда нравилось брать интервью у Клинтона. Он – лучший собеседник в мире. Некоторые журналисты, правда, говорили, что он их разочаровал, но я этого никогда бы не сказал. Правда, он имеет привычку опаздывать, ну что ж тут поделаешь.

У него большое сердце, он прекрасно разбирается в проблемах афроамериканцев, и у него прирожденный талант разрешать проблемы. Он смог разобраться в ситуации на Балканах. И покинул свой пост, сохранив любовь сограждан. Если бы не Моника, его вообще можно было бы считать самым удачливым президентом.

Есть хорошее высказывание – забыл, кто его автор, может, я сам: «Не делай ничего такого, чего ты не хотел бы видеть в первом абзаце своей эпитафии».

Несмотря на достижения в борьбе с нищетой и в вопросе гражданских свобод, в первой строчке эпитафии Линдона Джонсона всегда будет стоять слово «Вьетнам». А у Никсона – «Уотергейт». Клинтон очень старался спихнуть Левински хотя бы во второй абзац. И все равно в первых строках возникает слово «импичмент».

Его явная слабость была в потакании своим желаниям. Мне кажется, и сам Клинтон не мог объяснить, почему он поступает так, а не иначе.

Но разве у великих людей нет недостатков? Черчилль страдал манией. Линкольн впадал в депрессию. Интересно, как он это называл, своим голубым периодом? В свои черные дни он запирался ото всех. Когда у Линкольна или Черчилля случались моменты слабости, они могли полностью отстраниться от дел на три-четыре дня. Погружались в свои мысли или спали. Слабости Клинтона не мешали ему быть прекрасным президентом. Он всегда был и остается тружеником. Он постоянно в делах.

Даже самых лучших президентах есть за что укорять. Франклин Делано Рузвельт был великим – величайшим президентом на моей памяти. Мне было двенадцать, когда он умер. И я помню, как шел по улице и видел рыдающих людей. Рузвельт победил Великую депрессию и выиграл мировую войну. Не думаю, что кому-то еще из президентов довелось столкнуться одновременно с такими огромными проблемами. Но он не отдавал приказ бомбить железные дороги, ведущие к концентрационным лагерям. Он никогда не выступал за гражданские права или за черных на Юге. Элеонора говорила, что он мог бы сделать гораздо больше вместе с южными демократами, но предпочел остаться в стороне. Мне хотелось бы поговорить с Рузвельтом об этом. На каждого человека оказывает влияние его происхождение, время, в которое он живет, и сложности, с которыми ему приходится сталкиваться. Именно с этой точки зрения его и надо оценивать.

Как показало время, люди, которые пытались объявить импичмент Клинтону, остались в истории не более чем примечаниями. А Клинтон оказался замечательным президентом.

Джордж Буш 43-й

Джордж Буш мне действительно нравится. С ним замечательно ходить на бейсбольные матчи. Он из тех, кто просидит все девять иннингов. Мне грустно констатировать, что к тому моменту, как он покинул свой пост, его авторитет в народе упал до ниже некуда. Его проблема была в том, что он никогда не был любопытен. Его не интересовало неизвестное. А это большой

недостаток.

Он сделал много хорошего. Он вложил в борьбу со СПИДом больше, чем любой другой президент в мире. Но когда я думаю о времени его президентства, то прежде всего вспоминаются его действия после 11 сентября, неспровоцированная война с Ираком, решение о начале которой было неверным с самого начала и которая обернулась для нас полным кошмаром, его неумелые действия при ликвидации последствий урагана «Катрина» и худший экономический кризис со времен Великой депрессии. Никто не мог этого предвидеть, когда я проводил дебаты между кандидатами от республиканцев накануне предварительных выборов в Южной Каролине в 2000 году. Но если сейчас просмотреть запись этих дебатов, можно заметить, что отголоски будущих проблем витали в воздухе уже тогда…

Глава 19
Все сгодится

Те дебаты в Южной Каролине по силе можно было сравнить с боксерским поединком в тяжелом весе.

Никто не мог предвидеть такого, когда CNN покупало права на трансляцию этих дебатов. Все началось после того, как Маккейн выиграл предварительные выборы в Нью-Гемпшире. Буш был фаворитом той гонки, Маккейн – новичком. Нью-Гемпшир существенно поколебал расстановку сил. Пресса предсказывала, что если Маккейн победит в Южной Каролине, то кандидатом от республиканцев станет он. И тут начались две недели самой грязной политики.

В прошлом тоже бывали грязные кампании и драматические предварительные выборы. Одной из самых знаменитых была телевизионная реклама, которую запустил Линдон Джонсон во время предвыборной борьбы с Барри Голдуотером в 1964-м. Там показывали маленькую девочку, собирающую в поле цветочки на фоне тикающих часов. А потом – БУМ! – ядерный взрыв. Смысл был в том, что, если вы будете голосовать за Голдуотера, нашему миру настанет конец. Эту рекламу показали только раз, и Джонсон на выборах остановил часы Голдуотера.

Но борьба между Бушем и Маккейном в основном шла скрыто. В Южной Каролине муссировались слухи о том, что у Маккейна чернокожий ребенок. Особенно пострадала его репутация, когда Буш на встрече с ветеранами заявил, что Маккейн отвернулся от военных. Можно себе представить, что это значило для человека, который провел более пяти лет в лагере для военнопленных. Маккейн ответил тем, что начал в своих роликах ставить под сомнение добропорядочность Буша.

Когда эти двое прибыли в студию, не было ни дружеского рукопожатия, ни приветствия.

«Джон».

«Джордж».

Маккейн сжимал кулаки.

Буш заметил: «Знаете, ведь это политика».

«И все сгодится, Джордж? – поинтересовался Маккейн. – Все-все?»

«Пора начинать», – сказал я.

В дебатах принимал участие и третий кандидат: между непримиримыми соперниками сидел Алан Кейес. Он призывал их обратить внимание на моральные проблемы общества, но Буш и

Маккейн, казалось, вообще его не слышали. Конечно, споры между кандидатами случались и раньше. Но у меня возникло ощущение, что эти двое всерьез недолюбливают друг друга. Мне самому почти не приходилось задавать какие-либо наводящие вопросы. В какой-то момент, когда Маккейн сказал, что он не использует порочащую соперников рекламу, Буш достал листовку как раз такого содержания и помахал ею перед носом у Маккейна.

Это было черт знает что. Всякий раз, когда потом в разговоре с кем-либо из них я вспоминал об этих дебатах, они тут же пускались в живейшие воспоминания. Меня всегда удивляло, что впоследствии эти двое могли обниматься друг с другом. Одна фраза Буша из тех дебатов особенно запомнилась, тем более что теперь она звучит даже более значимо, чем тогда. Он сказал, что президент «должен вносить определенность в неопределенный мир».

Он не представлял, с какой степенью неопределенности ему предстоит столкнуться, заняв президентский пост.

Нет ужаснее даты, чем 11 сентября. Во время нападения на ПёрлХарбор мне было восемь лет. Мы тогда даже не знали, где находится этот Пёрл-Харбор. А тут был Нью-Йорк! К тому же было неизвестно, кто в этом виноват. Этот день помнят все. И я почти каждому гостю своего эфира задаю один и тот же вопрос: «Где вы были, когда самолеты врезались в башни Всемирного торгового центра?»

Я услышал новости утром, примерно в десять минут седьмого. Я включил телевизор и увидел горящую башню. Сначала подумал, что это реклама нового фильма Арнольда Шварценеггера. Когда я понял, что произошло, то разбудил Шон. Чансу было тогда два года, Кэннону – год.

Все превратилось в череду расплывчатых картинок. Люди, прыгающие с вершин небоскребов. Известие о том, что Барбара Ольсон, комментатор CNN, была в том самолете, что врезался в Пентагон. Я знал ее мужа Теда. Окна здания, в котором я когда-то жил в Вашингтоне, были выбиты звуковой волной при падении самолета. Мы не знали, закончился ли этот кошмар. А вдруг террористы атакуют Международный аэропорт Лос-Анджелеса? Стали известны удивительные факты. Один слепой мужчина спустился пешком по семидесяти девяти лестничным пролетам со своей собакой. Мой продюсер Грег работал так напряженно, что был не в состоянии осознать все, что проходило перед глазами. В тот вечер нашим гостем был мэр Джулиани. Рекламы в программе не было. Да и кому могло бы прийти в голову рекламировать крем для ног сразу после трагедии? Как только передача завершилась, Грег залился слезами.

Мы работали без отдыха, по-моему, пятьдесят три дня. Я поехал в Нью-Йорк. Представитель пожарной службы провел меня на «Объект 0» через две недели после катастрофы. Помню, как мне давали Vicks VapoRub[141]. Было трудно дышать: едкий запах был еще очень силен. Никогда не забуду свои разговоры с пожарными. Они отличаются от обычных людей тем, что бегут к тому, от чего все остальные убегают. Один из них рассказал, что выбирал между профессиями полицейского и пожарного и решил, что пожарным быть лучше, потому что люди всегда рады его видеть. Никогда не рассматривал этот вопрос с такой точки зрения. Но ведь он прав – полицейского видеть не всегда приятно. Мы побывали в пожарной части, которая потеряла всех своих сотрудников.

Еще помню, как разговаривал с оператором подъемного крана, который убирал обломки рухнувших зданий. Он сказал: «Не таким я планировал заниматься». Он говорил о том, что желал строить, а не разбирать завалы. Потом я был в той больнице, где мне делали шунтирование, и беседовал там с пациентами в ожоговом центре. К одному мужчине вообще нельзя было прикоснуться, настолько сильными были боли. Его не могли даже укрыть простыней. Думая о том ужасе и ущербе, который мы пережили из-за Аль-Каиды, я до сих пор продолжаю удивляться, почему ни у кого не вызвали никаких подозрений двое студентов из Саудовской Аравии, которые часами тренировали на летном симуляторе повороты в воздухе, но не проявляли никакого интереса к действиям при взлете и посадке?

Когда Буш, в тот момент общавшийся со школьниками, узнал об атаке террористов, он сначала растерялся. Но потом будто вырос на наших глазах: помчался в Нью-Йорк и, надев каску, с мегафоном в руках обращался к отрядам спасателей. Он объехал всю страну. Демократы приветствовали его стоя, когда он обращался к народу. Его рейтинги молниеносно взлетели.

Он начал свою работу президента как человек, старавшийся поменьше лезть в международные дела. Но обстоятельства принудили его переменить отношение. В этом отношении ситуация была благоприятной. Мир симпатизировал Америке, Америка нервничала. По почте стали приходить конверты со спорами сибирской язвы. Мало кто в конгрессе возражал, когда Буш решил заняться Саддамом Хусейном: Хусейн травил курдов газом.

Я верил Колину Пауэллу, когда он докладывал в ООН об иракском оружии массового уничтожения. Зачем ему было лгать? Все это выглядело вполне правдоподобно, и никто не хотел выступать на стороне Хусейна. Мы вторглись в Ирак и свергли

статую Саддама. Буш выступал в форме пилота истребителя на фоне плаката с надписью: «Миссия завершена». Но иракцы не приветствовали нас на улицах, как предрекал Дик Чейни[142]. Никто не рассчитывал на продолжение военных действий. Генерал Шинзеки, требовавший все больше людей, был смещен. Мы распустили иракскую армию. Те, кто был с нами не согласен, затаились в ожидании удобного момента для новой атаки.

Я не мог понять смысла кампании Джона Керри, который хотел занять место Буша в 2004-м. Керри получил во Вьетнаме Серебряную звезду, но члены Общества ветеранов ставили под сомнение его героизм. Керри приходилось отвечать на обвинения, хотя он всего лишь допускал существование разных точек зрения. Но для того, чтобы покончить с нападками, ему было достаточно задать Бушу в ходе дебатов лишь один простой вопрос: «А где были вы?»

Это был бы точный удар. Буш не служил во Вьетнаме. Дик Чейни тоже. Так же, как и Лимбо, и Бьюкенен. Но зато все они выступали как истинные патриоты. С Керри случилось то же самое, что и с Джорджем Макговерном[143] в 1972-м. Макговерн был героем войны. Он совершил 35 вылетов на бомбардировщике над территорией гитлеровской Германии. Ни у кого другого в Сенате не было лучшего послужного списка, чем у Макговерна. Он был жестким и сильным человеком. Но республиканцы выставили его слабаком, и народ им поверил. Немногие знали, что именно Макговерн предложил проект Вьетнамского мемориала. Меня раздражает, когда люди судят о человеке, не видя целостной картины.

Керри не задал Бушу простого вопроса и из-за этого показался слабым. Нельзя все решить фразой: «Без комментариев». Говоря так, вы признаете собственную вину. Керри не смог победить в Огайо и проиграл выборы 2004 года.

После выборов я встречался с Колином Пауэллом. Мы с ним давно знакомы. В тот раз мы проговорили часа два. Было ясно, что его дезинформировали насчет оружия массового уничтожения, и он выступил с этими непроверенными сведениями перед всем миром в ООН. Его первый заместитель был в ярости. «Они его подставили!» – возмущался он.

Я спросил у Колина: «Почему так получилось?»

«Не знаю, – ответил он, – но я больше в эти игры не играю». Через неделю он подал в отставку.

Американцы не просто так стали выступать против войны в Ираке. Больший удар по администрации Буша был нанесен ее некомпетентными действиями по ликвидации последствий урагана «Катрина». На моей памяти много ураганов, во время

одного из них я даже вел радиопередачу в Майами. Но видеть, как страдают люди из-за неправильных действий властей, – это совсем другое дело.

Новый Орлеан – совершенно уникальный город. Я помню, как швырял в толпу «золотые дублоны» с передвижной платформы на Марди Гра[144]. И откуда бы ты ни был родом, в Новом Орлеане ты всегда чувствуешь себя как дома. Именно поэтому так больно видеть, что столько людей лишились крова.

Нам показал все это Андерсон Купер. Я каждый день общался с ним через спутник, и он рассказывал о том, что власти даже не стали использовать автобусы для эвакуации людей, как федеральное правительство оказалось не в состоянии адекватно отреагировать на масштаб бедствия. Мы разговаривали с людьми, потерявшими кров, с теми, кто застрял в спорткомплексе «Супердоум». Власти не поспевали нигде с оказанием помощи. Это был полный провал.

И тогда мы и на войну в Ираке взглянули по-другому.

Никакого оружия массового уничтожения найдено не было. Потери американской армии перевалили за тысячу, потом за полторы. Террористические акты стали обычным делом, у наших солдат не было необходимых средств защиты, а журналистам не позволяли фотографировать гробы, прибывающие на родину К тому же финансовые затраты на наше присутствие в Ираке вылились в серьезный дефицит бюджета. Я порой задумывался, что было бы, если бы Джордж Буш выступил по телевидению и сказал что-нибудь вроде:

«Честное слово, я старался, как мог. Я исходил из той информации, которая у меня была. Я думал, что прав. Но, как выяснилось, сведения были неверными. Мне не хочется больше терять наших ребят в Ираке. Всем им пора вернуться домой». Что бы произошло тогда?

Но он не мог так поступить. Он не мог потерять поддержку правого крыла. К тому же политики *вообще* крайне редко говорят: «Я был неправ». Спросите Джимми Картера. Поступал ли он неправильно? А Линдон Джонсон? Он никогда не говорил, что совершил ошибку с Вьетнамом. Но это мучило его и едва не довело до самоубийства. Он вновь начал курить, а потом умер от инфаркта. Джорджу Бушу не грозит такой конец, потому что у него очень ограниченное мировосприятие и он никогда не сомневается в своих решениях. Мне бы очень хотелось видеть его хотя бы чуть-чуть более прозорливым и не столь непоколебимым.

Было ощущение, что сегодня война в Ираке шла удачно, а назавтра все пошло прахом. Наше положение в мире поколебалось, а вслед за этим и экономика. В начале 2007 года

мой брат заметил, что американцы, играющие на бирже, предпочитают акции небольшой фармацевтической компании, в которой он работал, гигантам вроде General Motors. «Как это могло произойти?» – недоумевал он. Накануне президентских выборов 2008 года мы узнали о крахе Lehman Brothers. Это финансовая компания существовала с 1850 года. Каждый вечер в моих программах высоколобые аналитики пытались как-то объяснить происходящее. И я пришел к выводу, что в ситуации не разбирается никто. Уоррен Баффетт[145] терял деньги. Кирк Керкорян[146] потерял за день миллиарды. Мне самому участие в схеме Понци[147], устроенной Бернардом Мейдоффом[148], обошлось в 2,8 миллиона долларов. Все мы, как заблудившиеся в лесу дети, пытались отыскать просвет среди деревьев.

В конце второго президентского срока Джордж Буш начал все же проявлять какие-то признаки неуверенности в себе. Поддержка всего лишь 28 % избирателей, вероятно, все же как-то влияет. Я всегда старался смотреть на своих собеседников с сочувствием. Возможно, года через два будет интересно обсудить с ним сегодняшнее положение дел. Если уж кому-то и довелось прочувствовать на своей шкуре всю мировую неопределенность, так это Джорджу Бушу. Мало кто из президентов сталкивался со столькими проблемами сразу. Никто из нас не представляет, насколько тяжела эта работа. Президенту известно то, что неизвестно никому из нас. Но за семь лет, прошедших после 11 сентября, мы не подверглись нападению на американской территории.

Прежде чем судить Буша, 43-го президента страны, разумнее подождать какое-то время. Почему я так говорю? Когда Гарри Трумэн[149] покинул пост в 1953 году, он был одним из самых непопулярных президентов в истории. Он уволил героя всей Америки генерала Дугласа Макартура[150], и, когда генерал вернулся домой, его встречали парадом. Трумэна во время его президентства обвиняли в симпатиях к коммунистам. Я помню, как возмущались люди, когда он объявил о плане Маршалла для помощи послевоенной Европе. Они говорили: «Зачем нам тратить деньги на какую-то там Грецию или Турцию? А как же мы?» Но именно план Маршалла предотвратил распространение коммунизма в Европе. И теперь, спустя более чем полвека, мы понимаем, что Трумэн был абсолютно прав, уволив Макартура. Мы понимаем, что именно Трумэн объединил вооруженные силы. Теперь Трумэн оправдан. Им восхищаются. Так что история имеет свойство менять взгляд на многое. И весьма вероятно, что через полвека Джорджа Буша-младшего будут оценивать совсем иначе.

Я могу назвать тот день, что я провел с Бушем в Белом доме

за разговорами о бейсболе, одним из лучших своей жизни. Он спросил, не хочу ли я отправиться с ним в полет на президентском самолете, чтобы продолжить разговор. Я не смог тогда полететь с ним. Но надеюсь, что мы еще сможем когда-нибудь завершить ту беседу.

Глава 20
Пожалуйста, ваши вопросы

Я занимаюсь вопросами и ответами. Так что вопросы я люблю. Причем не только задавать, но и отвечать на них. Особенное удовольствие я получаю, если вопросы ко мне возникают у моих слушателей на лекциях или во время публичных выступлений.

Людям интересно, у кого мне было сложнее всего брать интервью, каково было общаться с Владимиром Путиным и откуда взялись подтяжки.

Но вы никогда не услышите от меня слов: «Рад, что вы задали мне этот вопрос», – потому что я убедился, что, когда их произносит какой-либо политик, на самом деле он подразумевает: «Я *не* рад, что вы задали мне этот вопрос. Я просто тяну время, чтобы придумать, что бы вам на него ответить».

Я буду отвечать честно, как могу. А если не смогу честно, то по крайней мере постараюсь, чтобы вы улыбнулись.

Ваше самое трудное интервью?

Без всякого сомнения, интервью с Робертом Митчэмом. Мне очень нравился этот актер, и я мечтал с ним побеседовать. В оригинальном фильме «Мыс страха» (Cape Fear) он просто великолепен. Это не обычный ужастик.

В начале интервью я спросил: «Можно я буду звать вас Бобом?» Он взглянул на меня и сказал: «А я буду звать вас Ларом?»

У нас оставалось еще 59 минут и 50 секунд. Он отвечал на все мои вопросы односложно. Помню, я спросил его о замечательном режиссере Джоне Хьюстоне: «Что вы испытывали, работая с ним?»

«Я приходил, делал, что нужно, и уходил».

«Иными словами, вы хотите сказать, что все режиссеры одинаковы?»

«Если видел одного, видел всех».

«Как вы относитесь к Аль Пачино?»

«Я с ним не знаком».

Если не хочешь разговаривать, зачем приходить на ток-шоу? Я испробовал все приемы, которым научился за годы работы, чтобы как-то протянуть этот час. В любом интервью я стараюсь использовать вопросы, начинающиеся со слова «почему?». На такой вопрос не ответишь одним словом. Только если вы не

Роберт Митчэм. Например, на один такой вопрос он ответил мне: «Потому что».

Испытываешь смешанные чувства, когда кто-то, кем вы восхищались, разочаровывает вас.

Я так ничего от него и не добился. И пришлось делать то, чего никогда не делаю. Я начал занимать время рассуждениями. Я сказал:

«Я как-то спрашивал актера Дэвида Дьюкса о других актерах. Он сказал, что самый недооцененный актер – это Роберт Митчэм. Он сказал, что в “Ветрах войны” (Winds of War) в какой-нибудь сцене могло участвовать шесть актеров с репликами. Сцена не обязательно должна была быть написана под Митчэма. Но каким-то образом ему удавалось любую сцену сделать *своей.* – Я суммировал комплимент Дьюкса, сказав: – Любая сцена становилась вашей просто из-за вашего присутствия».

Митчэм ответил мне на это:

«Так и есть».

Интервью закончилось, и все стало еще более странным. Поднявшись, чтобы уходить, он спросил: «Ну и как я справился?»

Много лет спустя я брал интервью у его сына Джима. Я рассказал ему, что произошло у нас с его отцом. И он ответил: «Ничего удивительного. Отец, скорее всего, прикалывался. Он, вероятно, просто хотел развлечься».

Вы можете представить, что я подумал, когда продюсеры сказали, что хотят вновь пригласить Митчэма.

Я не мог в это поверить.

А они сказали, что интервью с ним получило высокий рейтинг.

Когда вы начали носить подтяжки?

В какой-то момент, еще в 1980-х, я слегка похудел. Моя бывшая жена, Шэрон, поинтересовалась: «А ты не пробовал носить подтяжки?»

«Нет, – ответил я, – никогда в жизни».

«Так почему бы не попробовать?» – предложила она.

Я купил себе пару, пришил пуговицы к штанам и стал носить подтяжки. Вечером после шоу три или четыре человека позвонили мне и сказали:

«А подтяжки смотрятся хорошо!»

Мне только это и было нужно услышать.

Кого вы ненавидите?

Не могу слышать этот вопрос без того, чтобы не вспомнить одну историю.

Я работал в Майами. Однажды зазвонил телефон. Я взял трубку.

«Кинг? Это Бум Бум Джорно».

Я не знал никакого Бум Бум Джорно.

«Есть карандаш? Записывайте. 14 ноября. Мемориал жертв войны. Boys Town из Италии. Поет Серджио Франки. Вы – ведущий. Черный галстук».

Он повесил трубку.

Что-то подсказывало, что согласиться будет в моих интересах.

Я отправился туда, и каждый говорил, как он рад меня видеть. Я подошел к Серджио Франчи. Я спросил у него: «Как они вас заполучили?»

Он сказал: «Мне позвонил парень по имени Бум Бум Джорно». Там был оркестр из двадцати музыкантов. И ансамбль из католической школы. И кардинал из Италии. Я шутил. Серджио пел. Они собрали четыреста тысяч долларов. Вечер прошел замечательно. Все были счастливы.

По окончании вечера Бум Бум подошел к моей машине.

«Мы вам очень признательны», – сказал он.

А потом наступил один из тех моментов, когда вспоминаешь, как выглядит луна над головой.

Бум Бум сказал:

«Мы хотим отблагодарить вас».

«Спасибо, Бум Бум, – сказал я. – Я был рад сделать это. Мне не нужно ничего».

Но Бум Бум возразил: «Мы не любим быть кому-то обязаны».

«Ну хорошо, что вы имеете в виду?»

И он сказал шесть слов. Услышав их, я почувствовал, как мурашки побежали по телу.

«Есть кто-нибудь, кого вы не любите?»

Мне показалось, что я схожу с ума. Но когда понял, что этого не происходит, сразу вспомнил генерального менеджера нашего телеканала. Но вслух сказал: «Нет, спасибо. Я так не могу».

Бум Бум был разочарован. И задал другой вопрос:

«Вы любите бега?»

«Конечно».

«Мы с вами свяжемся».

Где-то через неделю мне позвонили: «Эпплтри. В третьем забеге. В Хайли. Сегодня».

Я отправился в Хайли и поставил все, что у меня было, на Эпплтри. Он победил. Когда я рассказываю об этой истории кому-нибудь, то всегда добавляю в конце шутку: «Я понял, что моя лошадь победит, когда остальные пятеро жокеев слетели с лошадей перед финишем».

Но вдумайтесь, какая сила заключена в этих словах: «Есть

кто-нибудь, кого вы не любите?»

И все-таки, вы кого-нибудь не любите?

Я не то чтобы *не* люблю *кого-то*. Скорее, я не люблю *что-то*. Не люблю фанатизма. Не люблю лицемерия.

Не могу сказать, что я не люблю Элиота Спитцера[151]. Но меня бесит, что Спитцер порицает публично проституток, в то время как сам пользуется их услугами. Меня оскорбляет это лицемерие.

Меня бесит конгрессмен-республиканец, который выступает против сексуальных меньшинств, когда сам – гей. Как можно толкать пламенные речи с обличениями какой-то группы людей, когда сам принадлежишь к этой группе?

Я недостаточно близко знаком с Кларенсом Томасом[152], чтобы не любить его. Но я бы отнесся к нему с большей симпатией, если бы видел в его решениях больше сочувствия. Как можно опровергать утверждение, если до этого обратил себе на пользу его предпосылки?

На что похоже интервью с гением?

Я брал интервью у одного немца, который получил Нобелевскую премию по химии. Он открыл что-то связанное с размножением.

Я задал ему вопрос: «В чем тайна жизни?»

«В чем тайна? – переспросил он. – Я расскажу вам. – И он сформулировал все максимально кратко. Он сказал так: – Я могу взять любого человека в мире и написать о нем книгу в сотню страниц. Я могу описать его хромосомы, гены, волосы, группу крови. – У него с собой была маленькая баночка, и он поднял ее перед собой. – И в то же самое время спермой, которая создала все человечество, не наполнишь даже эту баночку».

Вот то, что нам известно. И то, чего мы не знаем.

Что вы вынесли из вашей дружбы с Марлоном Брандо?

Мы с Марлоном как-то обедали вместе, и он указал мне на сидящую неподалеку пару.

«Они несчастливы», – сказал он.

«Откуда ты знаешь?» – удивился я.

«Посмотри, как мужчина скрестил ноги, как он смотрит ей через плечо, а не в лицо».

Корни его гениального актерского мастерства лежат в наблюдении за людьми.

Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы нас удивить, если бы мы знали его лучше?

Эл Гор. Этот человек не так прост, как кажется. Он может быть очень интересным собеседником. На обеде с радиои тележурналистами Гор сидел рядом с Биллом и Хиллари

Клинтон. И он сказал:

«Меня чаще всего спрашивают, каково это – быть на расстоянии вздоха от президента Соединенных Штатов? И я всегда переадресую этот вопрос: Хиллари, каково это?»

Мы нередко встречались с Элом Гором, когда я вел радиошоу на Mutual. Он жил неподалеку и часто сам приезжал на студию. Мы с Гором, Гербом и Артом Бухвальдом[153] обедали в Palm примерно в то время, когда вышла книга Гора Earth in the Balance[154]. Эл спросил, можно ли ему прийти и рассказать о книге в моем шоу. Я сказал, что нужно договориться с продюсерами, и дал ему телефон Тэмми.

Когда я предложил ей эту идею, она сказала: «Окружающая среда уже всем надоела. И он уже всем надоел. Люди не будут это смотреть».

Эл сам позвонил ей.

Она ответила: «Я подумаю».

Вскоре Эл перезвонил мне и сказал: «Твой продюсер меня отфутболила».

Прошло немного времени, и Билл Клинтон объявил, кто будет вице-президентом. Им стал Эл Гор!

И тут уже Тэмми заявила: «Мы должны его пригласить!»

Я позвонил ему. И он оказался так добр, что не стал упоминать о том, что было. Он даже пришел к нам на шоу в подтяжках.

В 2000 году Гор опередил Буша примерно на шестьсот тысяч голосов. Огромный перевес! Каким мог бы стать мир, если бы Гор стал президентом? Можно только догадываться. Но одно можно сказать наверняка: мы бы не ввязались в войну с Ираком.

Гор – не безумный либерал, а умеренный демократ. Он знает жизнь и был во Вьетнаме. И еще он – замечательный отец. Помните случай, когда его сына сбила машина в тот момент, когда он возвращался с бейсбольного матча? Гор был с ним рядом в больнице все 33 дня. Он вообще не уходил домой, и парнишка выкарабкался. Гор не любит говорить об этом. Но этот случай сам по себе говорит о многом.

Надо сказать, что одна из самых сумасшедших, драматических передач на CNN связана на моей памяти с Элом Гором. Вопрос о NAFTA[155] собирались обсуждать в сенате. Соглашение, скорее всего, отклонили бы. Шансов практически не было. Рано утром мне позвонил Гор. Я еще лежал в постели. Он спросил: «Хотите вести дебаты?»

«Чьи?»

«Между мной и Россом Перо по поводу NAFTA. Никто в Белом доме, кроме президента, его не поддерживает. Вы не созвонитесь

с Перо?»

Я позвонил Перо, и он дал согласие. Через пять дней состоялся эфир. Гор появился в сопровождении большой делегации из Белого дома. Для них это было важным событием. Росс Перо пришел всего с одним человеком.

Росс совершил большую ошибку. Он прекрасно знал предмет, он не раз обсуждал его раньше и принимал все как должное. Но он не знал, что в Гарварде Гор считался чемпионом по таким обсуждениям. И как бы ни был подготовлен Перо, Гор был подготовлен еще лучше. К тому же Гор был лично заинтересован в этом соглашении. Проект предложил сам Клинтон. А для Перо это была политика, с которой он не был согласен.

Прежде чем открыть дебаты, мы установили определенные правила. Члены групп поддержки не имели права говорить с участниками диалога во время перерывов. Они должны были действовать исключительно сами, без чьей-либо помощи. Прямо перед началом Гор подошел к камере и склонился к ней. Я потом спросил у него:

«Что вы делали?»

«Я молился», – пояснил он.

Гор начал с того, что достал фотографии Рида Смута и Виллиса Холи, конгрессменов, которые провели законопроект о повышении пошлин почти на 20 000 импортных товаров в 1930 году. И сказал, что, по мнению многих экономистов, именно эти пошлины стали основной причиной Великой депрессии. Несложно было понять, к чему он ведет. Видишь этих двух парней, Росс? Они разрушили Америку. Хочешь, чтобы твое фото встало в ряд с ними?

Перо вышел из себя. Но и Гор не унимался. Он завелся по-настоящему. Это было понятно сразу. Росс не выходил из обороны. Вдруг Перо назвал Гора лжецом. «Рекламная пауза. Мы скоро к вам вернемся», – поспешил объявить я.

Наступили две с половиной минуты рекламы. Никто не должен был заходить в студию в это время. Там были только мы трое. Это были первые в истории дебаты между простым гражданином и вице-президентом, и этот гражданин только что назвал вицепрезидента лжецом. Однако Гор принял это достойно. Он заметил:

«Я понимаю, что не всегда можно справиться со своими эмоциями».

Перо не собирался просить прощения. Но Гор сказал, что извиняться не за что.

Когда передача закончилась и все вышли из студии, один из членов администрации Клинтона подошел ко мне. «Я скажу

президенту, что это была ошибка. Я был не прав».

В тот вечер мы собрали самую большую аудиторию, и этот рекорд держался 15 лет. Соглашение в конце концов было подписано. Не так уж и плохо для простого парня Эла Гора.

Какого гостя программы можно назвать идеальным?

Приятно или нет разговаривать с человеком, никак не зависит от его профессии. Замечательным гостем может быть и слесарь, а государственный деятель может оказаться никуда не годным собеседником. Всегда приятно разговаривать с человеком, который, во-первых, может внятно объяснить, чем он занимается; во-вторых, увлечен своим делом; в-третьих, относится к своему делу с юмором; и, в-четвертых, в некоторой степени готов к словесному противостоянию. Именно это делало прекрасным собеседником Фрэнка Синатру. Если у гостя программы есть эти качества, зритель ни за что не станет переключать канал.

Кого вы считаете самым экстраординарным человеком из ваших знакомых?

Могу сказать не задумываясь: самым уникальным человеком двадцатого века был Нельсон Мандела. Я ездил в Южную Африку на встречу с ним. Меня до сих пор потрясает, что он пригласил охранников тюрьмы, в которой сидел, на свою инаугурацию. Будь на его месте другой, случилась бы война. Такая способность прощать поистине непостижима. Это действительно дар свыше.

Вам нравится делать программы об НЛО?

Это бывает занятно. Они всегда имеют успех, потому что большая часть населения хочет верить в инопланетян.

Однажды в 1980-е у нас был удивительный вечер. Гость был приглашен в последнюю минуту. Я даже сам не знал, кто придет. Тэмми лишь сказала мне, что моим собеседником будет автор книги Communion («Контакт»). И ничего больше.

Я понятия не имел, о чем эта книга. Но мне это даже нравилось. В студию вошел очень симпатичный мужчина. Звали его Уитли Штрибер.

Сами понимаете, слово «контакт» может означать очень многое. Поэтому я сразу спросил: «Уитли, о чем именно ваша книга?»

Он ответил приблизительно так: «Знаете, однажды ночью я спал и вдруг услышал какие-то звуки, доносившиеся с заднего двора. Я выглянул на улицу и увидел космический корабль. Прежде чем я добрался до двери, она отворилась, и в комнате появились сотни маленьких человечков. Я испугался. А потом эти человечки проникли внутрь моего тела через все его отверстия».

И как прикажете это воспринимать? Я ничего не мог с собой поделать – я расхохотался.

В наушнике прозвучал голос из аппаратной: «Держи себя в руках». Но я был не в силах.

«Я понимаю, вам это кажется смешным, – сказал Уитли. – Но, мистер Кинг, мне тогда было вовсе не смешно».

Я спросил: «И что же было потом?»

«Потом они забрали меня к себе на корабль. Он поднялся в воздух». Я снова не смог сдержать смех.

«А потом, Уитли?»

«Они снова проникли в меня через все отверстия».

Я сидел и представлял, как эти маленькие человечки забираются к нему в задницу. Скажите честно, разве можно не смеяться?

«И как вы считаете, что они изучали?»

Он все время повторял: «Я не обижаюсь на вас, мистер Кинг. Я понимаю, как трудно в это поверить».

После программы я спросил у Тэмми: «Вы что, решили меня подставить?»

И я был совершенно поражен, когда узнал, что книга стала бестселлером и по ней даже был снят фильм.

Джимми Картер говорил, что видел НЛО. Губернатор Аризоны в них не верил, пока не увидел собственными глазами. Летчики рассказывали, что порой по ночам видят странные вещи. НЛО завораживают людей. Мне кажется, они не видят в них угрозы. Нам приятно узнать, что на других планетах тоже есть жизнь. Теория, согласно которой правительство не разглашает сведения об НЛО, чтобы не допустить паники в обществе, неубедительна. Такая информация привела бы людей в восторг. Они очень хотят в это верить.

Что бы вы хотели понять?

Я очень хотел бы понять, зачем люди ходят смотреть автогонки. Неужто просыпаются утром с мыслью: «Давай-ка пойдем посмотрим, как там поворачивают налево»?

У кого бы вы хотели взять интервью?

На этот вопрос я всегда отвечал: «У Господа Бога». И первый вопрос, который бы я ему задал, был такой: «У Вас есть сын? От Вашего ответа зависит очень многое».

А если серьезно, мне хотелось бы побеседовать с папой римским. Папы меня всегда очень интересовали. Я бы спросил: почему он захотел стать папой? Как вам удается сохранить веру? Религиозные лидеры всегда притягивали меня.

Самое удивительное, не исключено, что папа меня знает. И, видя меня на экране, может быть, выключает телевизор.

Однажды папа Иоанн Павел II сказал, что, возможно, он даст нам интервью. И это уже достижение.

Мои сотрудники очень хотели бы пригласить принца Чарльза. Американцев привлекает монархия. Но я не так очарован, как мои зрители. Может быть, потому, что все передачи о королевских семьях снимают со зрителями и экспертами в студии. Что думает об этом королева-мать? Но побеседовать с принцем Чарльзом мне действительно было бы интересно. Каково это – ждать, когда станешь королем? В чем тяжесть королевского происхождения? Ни за что не хотел бы оказаться на его месте. Но мне интересно, как он с этим справляется.

А еще мне бы очень хотелось познакомиться с Джеромом Сэлинджером. Ему сейчас девяносто. Я нисколько не был похож на Холдена Колфилда, героя «Над пропастью во ржи», но я его понимаю. И хотя не нахожу личных параллелей, он чем-то мне близок. Сэлинджер стал затворником, находясь на пике популярности. Почему человек вдруг может захотеть удалиться от мира? Перестал ли он писать? Или все-таки пишет, но не публикует своих книг?

Один мой знакомый любил помогать друзьям добиться невозможного. Когда он узнал, что я считаю невозможным взять интервью у Сэлинджера, хотя очень этого хотел бы, он выяснил, где живет Сэлинджер, проехал 400 миль, постучался в дверь и познакомился с его супругой. Он спросил ее, что надо сделать, чтобы получить возможность побеседовать с Джеромом. Она сказала, что он не дает интервью никому. Но если все-таки очень хочется как-то вступить с ним в контакт, лучше всего написать письмо. И не так давно я написал ему. Мне просто хотелось бы поговорить с этим человеком.

Какое место из тех, где вы побывали, вы считаете наиболее интересным?

Атомную подводную лодку. Одна из особенностей плавания на подводной лодке – там всегда отличная кухня. Моряки-подводники проводят в океанских глубинах по шесть месяцев подряд. Если бы при этом их еще и плохо кормили, они бы взбунтовались.

Наступит ли когда-нибудь мир на Ближнем Востоке?

Каждый раз, когда мне приходится вести какие-либо дискуссии, в которых участвуют представители Израиля и Палестины, я не могу избавиться от ощущения, что и те и другие правы. Насилие – вот что неправильно. Но принципиальная установка той и другой стороны совершенно ясна и справедлива: это наш дом.

«Эту землю даровал нам Господь».

«Но мы всегда здесь жили».

Споры ведутся и ведутся, и конца им не видно.

Но нужно помнить, что в установление мира в Северной Ирландии тоже никто не верил, однако он достигнут. Я разговаривал с сенатором Джорджем Митчеллом, который активно способствовал его заключению. Он считает, что отношения между Израилем и Палестиной более сложны. Вражда слишком сильно укоренилась в людских сердцах.

Я общался с премьер-министром Ицхаком Рабином в ходе избирательной кампании в 1992 году. Он сказал: «Больше всех ненавидят войну солдаты». Он устал видеть смерть. Он говорил, что нет другого выхода, кроме мира.

У меня просто открылись глаза, когда я встретился с палестинской правозащитницей Ханан Ашрави на Западном берегу Иордана. Она много раз была гостем моей передачи. Но только когда я сам поехал туда, я осознал, насколько близки палестинцы и евреи. Там не встретишься с безграмотностью. Это мы в Соединенных Штатах безграмотны. А палестинцы и евреи – прекрасно образованные люди. Среди выдающихся мировых поэтов есть и евреи, и палестинцы. Их культуры очень похожи. У них почти одинаковая кухня. Это двоюродные братья. И то, что они относятся друг к другу с такой ненавистью, просто невероятно.

Я был в гостях у Ханан с моим братом Марти и моим агентом Бобом Вульфом. Мы собирались заехать к ней на часок.

Ханан стала возражать:

«Как, вы не останетесь обедать? Но мы готовили весь день! – Эти слова могла произнести моя тетя Дора. – Даже не пытайтесь отказаться, вы остаетесь!»

Она показывала мне дом, точно так, как это могла бы сделать тетя Дора. «Проходите сюда, я хочу вам показать, здесь мы только что поклеили новые обои. А теперь я покажу вам кухню».

Мы превосходно пообедали. Сев в машину, чтобы ехать обратно, мы с Марти и Бобом переглянулись. И первое, что я сказал, было:

«Как эти люди могут враждовать между собой?»

Не исключено, эта проблема неразрешима. Но все-таки мне кажется, что в этом противостоянии тоже можно найти какой-то просвет. Недавно специальным представителем на Ближнем Востоке назначен Джордж Митчелл. А у него верный подход ко многим вопросам. «У тебя может быть 900 неудачных дней подряд, – как-то сказал он мне. – Но все, что тебе нужно, чтобы стать счастливым, – это всего лишь один хороший день».

Вы официально сменили свое имя на Ларри Кинг?

Я сменил имя в 1959 году, спустя два года после начала работы на радио. Я сделал это из-за AFTRA – Американской

федерации артистов телевидения и радио. В этой организации двое артистов не могут носить одно и то же имя. Допустим, в ней состоял бы кто-то еще, у кого от рождения было бы такое же имя. Тогда он должен был бы зарегистрироваться как Ларри Кинг, эсквайр, или что-нибудь в этом роде. Это очень просто. Нужно пойти в суд и объяснить судье, что хочешь изменить имя, потому что выступаешь в эфире. Если среди ваших знакомых кто-то хочет поменять имя и переживает из-за этого, можете рассказать ему одну историю. В Нью-Йорке есть один судья по имени Шмак[156]. Если вы попадете с прошением о смене имени к нему, вам нужно очень веско обосновать свое решение.

Кто был самым просветленным из ваших гостей?

Их было много, но, пожалуй, больше всего мне понравилось то, что говорил мне еще на Mutual Свами Сатчидананда[157]. Он сказал много удивительно мудрых вещей. Этот человек создает атмосферу поразительного мира и спокойствия. Мне кажется, на каком-то этапе своей жизни он долго молчал. И слушать его было очень интересно.

Он говорил так:

«Зачем переживать? Зачем нервничать из-за чего-то? Вы просыпаетесь утром, а на небе могут быть облака или может идти дождь. Вы заслужили это? Это как-то зависит от вас? Нет. Значит, это дар. Просто поблагодарите себя за этот дар, и ваш день будет чудесным.

Представьте, что вы пришли в ресторан, и вам принесли подгорелый тост. Каким образом вы должны действовать, чтобы его заменили на хороший? Что лучше: заорать на официантку: “Дура! Что ты мне дала подгоревший тост? Забери это отсюда и принеси другой!” Или сказать: “Мисс, простите, что докучаю вам, но этот тост, на мой вкус, слишком сильно поджарен. Если это возможно, принесите мне, пожалуйста, другой, посветлее, когда не будете очень заняты”?».

Я решил подбросить ему парочку провокационных вопросов. Я сказал:

«Хорошо, Свами. Представьте себе, что я пообещал отвезти вас завтра в аэропорт. Вы сообщили мне время вылета, и мы договорились встретиться в определенный час. Я сказал вам: “Не волнуйтесь. Я обязательно приеду”. Но не приехал. В результате вы опоздали на самолет. А потом я позвонил и начал оправдываться. Вы вскипели…»

«Нет, – прервал меня Свами. – Я бы не вскипел».

«Почему?»

«Потому что переживал бы за своего друга Ларри. Что с ним случилось? Он не приехал в назначенное время. И как только я

услышал бы по телефону ваш голос, вы не успели бы даже начать извиняться, тут же сказал бы: “Как вы, друг мой? У вас все в порядке?” Я могу полететь другим рейсом. Но я рад, что с моим другом Ларри ничего не случилось. И кто же здесь хозяин положения?»

«Ладно, Свами, – согласился я. – Но хочу задать вам самый сложный вопрос, чтобы проверить прочность вашей позиции. Представьте, что вы пришли с работы раньше обычного. Вы поднимаетесь наверх и застаете свою жену в постели с другим. Что вы будете делать в такой ситуации?»

Вместо ответа он спросил у меня:

«А что бы вы стали делать?»

«Впал бы в бешенство», – ответил я.

«Хорошо, – сказал он. – А скажите мне, что вам было бы нужно больше всего в тот момент, когда вы стали бы свидетелем этой сцены?»

«Не знаю, что мне могло быть нужно в этот момент».

«Вам была бы нужна информация, – ответил он. – Вы хотели бы знать, что это за мужчина. Вы хотели бы знать, как это все случилось. А как лучше всего получить такую информацию? Вы должны сказать: “Я сейчас пойду вниз и сделаю чай. Надеюсь, вы присоединитесь ко мне, и мы втроем поговорим о том, что происходит”. Вы – хозяин положения. Вы не ведете себя глупо. И любовник вашей жены никак не сможет сказать, что вы болван. Вы берете ситуацию в свои руки, потому что это наилучший способ узнать что-то. Я не говорю, что вы не должны испытывать горечи. Я не говорю, что это не должно причинять вам страданий. Но в такой момент для вас нужнее всего информация».

Потом он сказал:

«Ларри, задумайтесь об этом. Как вы получаете информацию? Вы задаете правильные вопросы. Человек, которому вы их задаете, вам небезразличен. Вы умеете внимательно выслушать собеседника. А если бы вы на него орали? Разве вы получили бы нужные ответы?» Этого я никогда не забуду. Но могу ли я жить так, как советовал Свами? Увы, нет.

Что вы узнали от своих гостей о деньгах?

Я много раз беседовал в своих передачах о деньгах – со Сьюз Орман[158], с министрами финансов. Я знаю теперь, что деньги делаются деньгами и что только богачи могут позволить себе не ходить на работу. Иными словами, даже если вы – просто водитель автобуса на пенсии, вы имеете полное право считать себя богачом.

Есть ли что-то такое, чего вам не хватает в ваших программах?

Больше всего, пожалуй, мне не хватает разговоров о спорте. Раньше, на радио Mutual, у меня была возможность много говорить об этом. Но на CNN такого нет. Yankees – отстой! Dodgers – молодцы! Неважно, что вы думаете о спорте. Потому что все это – лишь игра, а об игроках вы можете думать, что хотите. «По-моему, у Рафаэля Фуркала рука тверже, чем у Дерека Джетера. Пит Роуз заслужил место в Зале славы!» И что они могут со мной сделать?

С журналистом Диком Янгом случилась как-то одна история, когда он в своей газетной рубрике обругал какого-то спортсмена чуть ли не последними словами. Он даже назвал его худшим из всех людей на земле. А на следующий день он случайно наткнулся на него и тут же заявил: «Ничего личного».

Вас раздражают поклонники, которые просят автограф?

Томми Ласорда из Dodgers рассказал мне однажды такую историю. Когда ему было 12 лет, он стоял с отцом у выхода со стадиона «Поло Грандс».

Вышел один из игроков.

«Можно попросить ваш автограф?» – спросил Ласорда.

«Катись отсюда, пацан».

Через восемь лет Ласорда играл на месте питчера в одной из команд и столкнулся на поле с тем самым игроком.

В первый раз Ласорда ударил его в плечо. Во второй раз – по ноге.

Когда он в очередной раз оказался рядом с ним, тот закричал на Ласорду: «Эй, парень!…»

«Урод!» – крикнул Ласорда ему в ответ.

А потом, встретившись с ним после игры, сказал ему: «Нужно давать автографы».

Вы выступаете по самым разным поводам. Что вы можете посоветовать тому, кому доведется произносить надгробную речь?

День кончины Боба Вульфа стал одним из самых печальных дней в моей жизни. Позвонила его дочь, и я снял трубку:

«Привет, как дела?»

«Папа умер», – ответила она. Я прямо-таки рухнул на кровать. Мой продюсер Венди понимала, насколько я подавлен, и предложила отправить на похороны небольшую группу представителей CNN. Я не любитель подобных церемоний, но на этот раз собирался сказать несколько слов в память о товарище. Я хотел, чтобы моя речь, несмотря на трагичность момента, была все же не слишком мрачной. Малая толика юмора всегда к месту.

Похороны были роскошными. Боб был так известен, что на улице у синагоги установили динамики, чтобы те, кто не попал внутрь, могли тоже слушать службу. Боб был агентом Ларри

Берда. Но Ларри стеснялся выступать. Заключительное слово было предоставлено мне.

Поднявшись, я начал так: «Если в конторе у Боба звонил телефон, и на одной линии был Ларри Берд, а на другой – я, то как вы думаете, кого он оставлял ждать?»

Конечно, шутить гораздо легче, если вы *не* любили того, кого хоронят.

Когда хоронили Эла Джолсона[159], кто-то заметил: «Ого, вот это толпа!»

И по-моему, комик Джордж Джессел ответил на это: «Ну да, они все пришли убедиться в этом собственными глазами».

И, насколько я помню, тот же Джессел произнес на похоронах голливудского импресарио Гарри Коэна: «Дайте людям то, что они хотят, и они будут приходить снова и снова».

Но лично я больше всего люблю старый анекдот про похороны, где раввин заканчивает надгробное слово и обращается к пришедшим, предлагая теперь кому-нибудь из них сказать что-нибудь доброе об усопшем.

Никто не встает.

«Что, *никто* не желает выступить?» – спрашивает раввин. Все сидят, не шелохнувшись.

«Разве нельзя сказать о покойном совсем *ничего* хорошего?» – недоумевает раввин.

И тогда наконец один человек встает и заявляет: «Его брат был еще хуже».

Было ли такое, чтобы гость, разозлившись, ушел с вашего шоу? В 2007 году, впервые за 20 с лишним лет эфира, гость покинул студию CNN во время программы. Этим гостем был пластический хирург, который делал операцию матери Кейни Уэста[160], после которой она скончалась. Доктор Джен Адамс. Он сам согласился на интервью. Но родственники Уэста попросили его не выступать. Когда хирург приехал на студию, его поверенный советовал ему не давать интервью. Поэтому в самом начале программы он заявил, что уважает желание семьи покойной и не станет ничего говорить. Потом отстегнул микрофон и ушел. Я не особо расстроился. Я впадаю в бешенство, когда кто-то из моих родных опаздывает на обед, но тут я не стал беситься, несмотря на то что это был прямой эфир на национальном канале. Я просто сказал: «О'кей, у нас рекламная пауза».

После паузы мы продолжили эфир с участием зрителей в студии. Помню еще случай, когда гость, вернее, гостья покинула студию. Это было еще в мою бытность радиоведущим. Никогда не забуду ту даму. Ее звали Мики Дан. Она была медиумом. Перед

началом эфира я поинтересовался у нее: «Объясните мне, пожалуйста, одно. Вы утверждаете, что можете проникнуть в разум Джеки Кеннеди[161]. Мы с вами находимся в Майами. Она – в Хианнис-Порт. Между вами и ею примерно 40 млн других женщин. Так как же вам удается добраться до Джеки, не наткнувшись ни на кого из этих сорока миллионов?»

Она не смогла объяснить мне, как она делает то, что якобы делала.

И в конце концов ушла.

Что вы чувствовали, разговаривая с Владимиром Путиным?

Я обнаружил, что беседовать с ним очень занимательно. Больше всего меня поразило то, что он сказал, когда речь у нас зашла о любимых уголках земного шара. Он недавно побывал в Нью-Йорке. Я спросил, понравился ли ему этот город. Он ответил, что там хорошо, но не это его любимое место.

«А какое же тогда?» – спросил я. И он ответил: «Иерусалим».

Я был поражен. Оказалось, он бывал там еще во время своей службы в КГБ.

И еще не раз он удивлял меня. Помните затонувшую русскую подлодку? Я спросил у него: «Так что же на самом деле случилось с подводной лодкой?»

И он ответил: «Она утонула». Вот и все. Просто утонула.

«Ну ладно, утонула так утонула».

Расскажите о ваших завтраках в Nate n'Al.

На восьмой странице меню у них есть сырная закуска Ларри Кинга. Но, когда я прихожу туда, я не чувствую себя Ларри Кингом. Я просто посетитель, зашедший позавтракать в компании друзей.

Вот, например, Сид. У Сида больше друзей, чем у любого другого известного мне человека. Он очень заботится обо мне. Если со мной что-то случилось, он теряет покой и сон. Сид отказывает за меня людям, потому что я не умею говорить «нет». Еще одна характерная черта Сида: он может проиграть все футбольные пари в воскресенье, за исключением одного – того, что заключил со мной. И надо видеть, как он радуется, получая свой выигрыш. Будто остальные проигрыши вообще ничего не стоят.

Сид знаком с Эшером с детства. Даже теперь, когда его мучает артрит, Эшер склонен видеть во всем только положительное. Он доволен тем, что может за двое суток предупредить нас, что пойдет дождь. В последнее время у Эшера проблемы и с позвоночником, так что он не может больше присоединяться к нам каждый день. Когда он появился в ресторане в день выборов, его встретили овациями.

Говорим мы обо всем. За полчаса мы успеваем обсудить средства от астмы, происхождение «гусиного шага», Сару Пэйлин[162], новый фильм Билла Маэра, пользу витамина Е для потенции, ограбления банков Вилли Саттоном, питчеров Dodgers, стейки в Dan Tana's, законы об оружии и наглых лас-вегасских девиц. Наша компания может решить любую проблему. Не исключено, что решение будет неверным, но уж что-нибудь мы точно придумаем.

Еще мы ведем охоту на ирвинизмы. Это такие выражения, которые не может употребить ни один человек в мире, кроме Ирвина. Ирвин – очень успешный бизнесмен, но порой может выдать что-нибудь вроде: «Слушай, Ларри, а CNN будет транслировать инаугурацию?» После того как губернатора Иллинойса Рода Благоевича уличили в попытке продать сенатское кресло Барака Обамы, Ирвин спросил: «А как вы считаете, это повредит политической карьере губернатора?»

Заявления Ирвина всегда дают Джорджу повод для шуток:

«И *этот* человек выписывал рецепты на лекарства?»

Джордж раньше был продюсером шоу Laugh In. Он – демократ и смотрит канал Fox. В такое лично я верю с трудом. Но он возражает: «Если интересуюсь дорожной аварией, это не значит, что я получаю от этого удовольствие».

И просто прекрасно, что для равновесия у нас есть Дуайт – стойкий республиканец. Дуайт купил дом под ключ, якобы совершенно готовый к заселению. Прошло уже 12 месяцев, как там идут «небольшие доделки», а в доме он так и не живет.

Следующий в нашей теплой компании – Бадд. Он всегда молчит, держится за подбородок и ничего не ест.

Зато можно гарантировать, что, если официантка Глория принесет подгорелый тост, Бадд никогда не станет на нее кричать. А если нас обслуживает Вики, то она обязательно предупредит, чего не стоит сегодня заказывать.

Иногда у нам присоединяется Сэм. Он раз десять прослушал цикл семинаров Дейла Карнеги, 50 раз смотрел Tuesdays with Morrie («Вторники с Морри»)[163] и 60 раз ходил на Dances with wolves («Танцы с волками»)[164]. Сэм всегда сидит рядом с Брюсом, музыкальным промоутером. Брюс однажды познакомился со спортсменкой из бразильской команды по пятиборью. Она была примерно на фут его выше и на 30 лет моложе. Когда они пришли к судье зарегистрировать брак, он был весь заросший, нечесаный, с огромной бородой. Судья взглянул на невесту, на жениха, снова на невесту, а потом неуверенно обратился к ней: «Вы делаете это по доброй воле и без принуждения?»

Они женаты вот уже двадцать пять лет.

С нами еще Майкл Винер. Он каждый день завтракает дважды. Думаете, бутерброды с индюшатиной и печеные бобы – это несколько чересчур? А что вы скажете о куриной лапше на завтрак?

Иногда Майкл приводит с собой свою дочь, Тэйлор Роуз. Однажды она вслед за отцом заказала куриную лапшу, а потом заявила, что не будет ее есть.

«Слышала когда-нибудь про Мафусаила? – спросил у нее я. – Он прожил 900 лет. И все потому, что каждый день все эти 900 лет ел на завтрак куриную лапшу. А как только однажды не поел, так тут же упал и умер».

«Ты что, был знаком с Мафусаилом?» – спросила она.

«Конечно! – ответил я. – Он каждое утро завтракал за этим столиком».

Каково в вашем возрасте быть отцом сыновей, которым всего 8 и 9 лет?

Эта тема заслуживает отдельной главы.

Глава 21
Квеллинг

Неужели я действительно в семьдесят побывал на первом в жизни моего сына Чанса матче по детскому бейсболу?! Ни один из игроков в обеих командах не умел играть. Чанс вышел на свою позицию и запустил мяч в центр поля. Потом сам побежал за ним. Нет, не на первую базу, а прямо в центр поля. Все бывшие в поле игроки команды противника бросились за Чансом. Все игроки команды Чанса бросились за полевыми игроками команды противника. И устроили кучу-малу, пытаясь завладеть мячом. Я думал, что умру от смеха!

Я начал водить Чанса с Кэнноном на игры Dodgers. Во время первого матча они вообще не понимали, что происходит, и к четвертому иннингу заснули. На следующем матче они продержались до пятого. Но через какое-то время стали задавать вопросы: «А почему мячей четыре, а страйков три?»

Фред Уилпон предложил Чансу сделать первую подачу в игре Mets с Dodgers. Фред – владелец Mets, а мы с ним вместе учились в школе. Шон объяснила Чансу, что это большая честь и что он должен выйти на поле в майке Mets. Но Чанс заявил:

«Я не надену майку Mets. Я фанат Dodgers!» Она возразила: «Ты должен!»

«Не буду!»

«Так надо!»

«*Не буду!*»

В конце концов Шон запихнула сына в майку. Чанс тут же отправился в раздевалку Dodgers и объяснил каждому игроку: «Это меня мама заставила надеть!»

Потом он вышел на поле. Я стоял у него за спиной и стал свидетелем великолепного страйка в его исполнении. Вся скамейка запасных Dodgers аплодировала ему. Игрок второй базы Джефф Кент дал Чансу пакетик семечек, чтобы он мог лузгать их и сплевывать шелуху, как настоящий игрок.

Не успел я опомниться, как Кэннон сделал в одной игре три хоумрана. Один из тренеров сказал, что еще никогда в своей карьере не видал такого. Я смотрел на маленькую фигурку сына, который носился по базам. Откуда это в нем? Я же никогда не умел бить по мячу.

Я подарил им бейсбол, а они подарили мне юность. Ни за что бы не подумал, что меня еще ожидают в жизни такие чудесные минуты. Я возил их в Зал славы в Куперстауне, смотрел, как они

держат в руках первую форму Джеки Робинсона (для этого они должны были надеть белые перчатки). Мы были с ними в весеннем тренировочном лагере Dodgers. Во время этих тренировок можно посидеть в кафе с игроками и свободно пообщаться с ними. Когда-то я не мог позволить купить билет на игру в Эббетс-филд. А теперь наблюдаю, как Томми Ласорда вносит праздничный торт в день рождения Чанса и угощает его, его брата и их приятелей. Я могу описать чувства, которые испытываю при этом, только еврейским словом «квеллинга». Оно означает радость, которую испытываешь за других, разделяя их восторг. Когда дети впервые в жизни переживают что-то замечательное, частичка их счастья достается и тебе.

Это наивысшее достижение в жизни человека. Недавно в моей программе Брэд Питт сказал, что лучшая роль в его жизни – это роль отца. Все остальное не может даже близко с этим сравниться.

Я стал теперь еще лучшим отцом, потому что одновременно я уже прадед. Просто удивительно! Но вместе с огромной радостью дети приносят мне и огромную боль. Я ощущаю ее, когда они куда-нибудь уезжают. Или когда уезжаю я. Это все потому, что Чансу сейчас ровно столько же, сколько было мне, когда умер мой отец, а Кэннону – на год меньше.

Однажды я взял Чанса с собой в Бруклин, чтобы показать ему дом, где я рос. Мы побывали на том месте, где раньше был стадион Эббетс-филд. Теперь там что-то строят. Окна аптеки напротив забраны решеткой. Мы присели на бордюр, и я спел ему свою любимую песню.

There Used to Be a Ballpark Right Here

And there used to be a ballpark
Where the field was warm and green
And the people played their crazy game
With a joy I'd never seen
And the air was such a wonder
From the hot dogs and the beer
Yes, there used to be a ballpark, right here.
And there used to be rock candy
And a great big Fourth of July
With the fireworks exploding
All across the summer sky
And the people watch in wonder
How they'd laugh and how they'd cheer

And there used to be a ballpark, right here.
Now the children try to find it
And they can't believe their eyes
'Cause the old team just isn't playing
And the new team hardly tries
And the sky has got so cloudy
When it used to be so clear
And the summer went so quickly this year.
Yes, there used to be a ballpark, right here[165].

Я рассказал Чансу, что, когда Фрэнк Синатра собирался петь эту песню, он говорил, что она не только о стадионе. Она – о жизни, о переменах и взрослении.

«И лето в этом году пролетело так быстро…»

Чанс осмотрелся и спросил: «А мы сможем снова сюда переехать?» Я сказал ему, что это невозможно, и тогда он спросил: «А можно перевезти все это в Беверли-Хиллз?»

Стал бы я возвращаться на бывший Эббетс-филд, садиться на бордюр и петь эту песню, если бы не было Чанса? Нет, конечно. То, что дали и дают мне они с Кэнноном, просто непостижимо. К тому времени, как я переехал в Лос-Анджелес, моя страсть к бейсболу поутихла. Я перестал фанатеть по Dodgers, когда они покинули Бруклин, еще в 1950-х, а потом стал болеть за Orioles, наблюдая за их тренировками в Майами. Но, когда я встретил Шон, я давно уже перестал быть ярым фанатом. Я смотрел матчи по телевизору, и только.

Но чем старше становились мои сыновья, тем больше они проникались бейсболом, и я вместе с ними – снова. Два года назад я купил абонементы она весь сезон. И вернулся к давно забытому: теперь я вновь помешан на бейсболе. И это сделали со мной мои дети. Они вернули мне юность.

В последние несколько лет ко мне вернулось очень многое. Я не имел возможности завтракать с Ларри-младшим, когда он был мальчишкой. Но сейчас, когда он заходит в гости, Чанс и Кэннон виснут на нем, и они вместе угощаются блинчиками. Он – их большой брат, вот и все. Они не знают другой жизни.

Когда Ларри-младший появился в моей жизни, я должен был сказать об этом Хае, но не знал, как она отреагирует. А вдруг она разозлится? Она могла бы растеряться и расстроиться. Но никогда не знаешь, чего ждать от других людей. Когда мы с Гербом встретились с ней и сообщили ей новость, она раскинула руки, словно для объятий, и спросила:

«А когда я его увижу?»

Сейчас Ларри-младший вместе с Энди посещают футбольные матчи команд Университета Майами и Флоридского университета. А когда Энди через всю страну приезжает в гости на своем мотоцикле, Чанс и Кэннон тут же запрыгивают на него, чтобы их покатали. Для них это естественно, и благодаря этому естественно и для меня.

Однажды я комментировал футбольный матч между командами старшеклассников, в котором участвовал Дэнни, старший сын Шон. После того как он забил гол, я сказал в микрофон:

«Дэнни, сегодня можешь лечь спать попозже! Мама разрешает!» Теперь Дэнни тренирует школьную футбольную команду Чанса и Кэннона. Их няня, Либ Либ, снимает игры на камеру – она стала таким же членом нашей семьи, каким была в моем детстве для меня тетя Белла.

Ларри-младший подарил мне троих внуков. Энди – двоих, которые уже сделали меня дважды прадедушкой. Я подшучиваю над Шон, называя ее самой молодой прабабушкой в мире. Мои правнуки еще младенцы и пока не умеют говорить. Но надеюсь, скоро я узнаю, что чувствует человек, когда его называют прадедушкой.

Я не Соломон. Но у меня многообразный отцовский опыт. У меня есть приемный сын, дочь, с которой меня разлучили, сын, которого я нашел, дочь, две приемные дочери от брака с Шэрон, которым я всегда с радостью помогаю, приемный сын от первого брака Шон плюс Чанс и Кэннон. Это сложно описать. Но, может быть, в чем-то это можно сравнить с первым броском Чанса в Детской лиге. В какой-то мере каждый, кто хотел, мог присоединиться к куче-мале в центре поля.

Другая точка зрения

Шон Саусвик-Кинг

Когда я смотрю на Ларри с детьми, я испытываю подлинное благоговение. Чувствуешь, как раскрывается твое собственное сердце.

Хая Кинг

Всех нас по-разному била жизнь. И мы не можем осознать, что за процесс исцеления переживает сейчас его душа в общении с детьми.

Ларри Кинг-младший

Эволюция началась с рождением Чанса и Кэннона. С большинством своих детей он не был рядом в их ранние годы в традиционном смысле. Но Чанс и Кэннон дают ему возможность вложить в них все то, что он не смог когда-то вложить в нас.

Либ Либ

Няня

Мне никто не верит, но это на самом деле так. Никогда раньше я не видела настолько увлеченного отца. Он знаком со всеми приятелями своих сыновей. Он в курсе всех их дел. Если дети в школе получают грамоты, он обязательно с ними. И не потому, что должен. А потому, что хочет. Он отвозит их в школу по утрам и забирает после уроков. Он сидит на скамеечке, которую мы называем скамьей домохозяек, и ждет их. Это одно из его любимых мест. Мне кажется, это его успокаивает. Он будто впервые в жизни обрел настоящий семейный очаг.

Недавно мы ходили на «Занимательный случай с Бенджамином Баттоном» (The Curious Case of Benjamin Button). Ларри любит этот фильм. Я раньше думала, что он слишком затянут. Но Ларри постоянно говорил о нем, и постепенно я начала находить в нем все более и более глубокий смысл. Брэд Питт там все молодеет и молодеет. Этого на самом деле хочет и Ларри. Я думаю, сейчас с Чансом и Кэнноном он переживает лучшую пору своей жизни, и ему не хочется, чтобы она заканчивалась.

Я пообещала, что, если смогу, подарю ему на Рождество часы, которые идут в обратную сторону.

Ларри Кинг-младший

Когда Чанс с Кэнноном были совсем маленькими, мы ездили в БушГарденс во Флориде. Я катался с ними на карусели. Отец смотрел на нас. И каждый раз, проезжая мимо него, я кричал: «Папа, папа, посмотри на меня!»

Мне было 45, но я смеялся и кричал: «Папа, папа!»

Потом я сказал ему, что не мог делать этого, когда мне было пять. Поэтому и наверстываю упущенное теперь.

Возможно, кто-то на моем месте расстраивался бы из-за того, чего был лишен в жизни. Но я не смотрю на это с такой точки зрения благодаря воспитанию, которое дала мне мать. Я просто наслаждаюсь каждой минутой, проведенной с отцом.

Хая Кинг

Мой папа – одновременно отец и дед. Возможно, и я могу считать себя и сестрой, и тетей. В старину старшие дочери в

семье часто играли роль, больше соответствующую тетушкам. Сейчас, конечно, времена и традиции изменились. Но по отношению к Чансу и Кэннону я ощущаю себя сестрой именно в таком смысле. Конечно, я не нахожусь с ними рядом каждый день, ведь я живу на другом конце страны. Но мы все равно крепко любим друг друга.

Пытаясь рассказать об этом, я останавливаюсь, понимая, что понятие семьи у каждого из нас свое. В сознании любого человека укоренен образ того, что он считает «нормальной» семьей. В моем случае, вероятно, «норма» – не вполне корректное слово, потому что вряд ли можно назвать нормальной семейную жизнь моего отца. Но и скучной ее не назовешь. С ним всегда было интересно жить рядом.

Дэнни Саусвик
Сын

Когда в «Шоу Ларри Кинга» комментируют твой школьный футбольный матч, это необычно, если не сказать больше. Он вел репортаж не так, как обычный комментатор. Он улавливал все повороты игры и озвучивал их в эфире. Я до сих пор при взгляде на фотографии слышу как наяву его неповторимый голос: «Саусвик отходит назад, чтобы передать пас…»

Он никогда не боялся повеселиться на публике. Видели его в ванне с Джимом Кэрри в шоу Дэвида Леттермана? Если не видели, найдите этот ролик в Интернете.

Кэннон Кинг
Сын

Слышали когда-нибудь, как мой папка читает рэп? Это умора!

Чанс Кинг
Сын

В жизни он совсем не такой заумный, как в своей передаче.

Дэнни Саусвик

Но, кроме всего прочего, главное, чему он научил меня в жизни, – как добиться успеха. Он всегда точно знает, что ему нужно. Он говорит, что все успешные люди обладают этим качеством: умением четко определить свои цели. Если ты понял, что тебе необходимо сделать, ты должен делать это, не отступая ни на шаг, и как можно лучше.

Ларри-младший тоже искренне расположен ко мне. Энди и Хая живут во Флориде, но, когда мы встречаемся, они ведут себя по-дружески. Мне доставляет огромное удовольствие заниматься

с Чансом и Кэнноном футболом. Я и сам много играл в школе.

Ларри оказывает влияние на всех членов нашей семьи. Пережить развод родителей – это нелегко. Но зато теперь у меня есть семья, которую я не променяю ни на какую другую!

Ларри Кинг-младший

Когда я приезжаю к отцу, то могу делать все то же, что делаю дома со своими детьми. Я могу лепить пирожки в форме животных или букв L. A. для Dodgers. Я развлекаю братьев точно так, как развлекаю собственных детей. Но с нами за столом всегда и мой отец. Я здесь – сам ребенок, занимающийся с детьми. Это трудно описать. Но я не вижу в этом ничего противоестественного.

Мы все время спорим. Они болеют за Dodgers, я – за Rays. Точно так же мы спорим и с Энди, стоит нам оказаться вместе. Когда я, еще мальчишкой, сидел на трибуне на матчах Dolphins, наблюдая за своим отцом в бинокль и слушая его по радио, я не знал, что где-то у кромки поля смотрит на игру мой брат Энди. Теперь мы с ним вечно спорим, потому что он болеет за Gators, а я – за Hurricanes.

Энди Кинг

Мой отец относится к той породе одаренных людей, которые могут сосредоточиваться полностью на чем-то одном и вкладывать буквально всю жизнь в то, что им нравится. В юности он хотел быть Артуром Годфри. Он этого добился. И он превзошел своего кумира. Сейчас его карьера близится к завершению, и он отдает себя семье.

Хая Кинг

Его жизнь совершила полный оборот.

Чанс Кинг

А знаете, когда Хая была маленькой, она думала, что Pepto-Bismol – это такой напиток?!

Кэннон Кинг

Помню, я был совсем маленьким, а папа куда-то ушел. А потом мама включила телевизор, а он – там! Я сказал: «Папа, как ты туда залез?»

Чанс Кинг

Папа вам еще не рассказывал, как его выгнали со стадиона, когда я играл в команде Детской лиги? Я был питчером. Он начал

спорить с судьей. Судья сказал ему: «Идите командовать к себе на CNN! – Он не шутил. – Если вы сейчас же не отправитесь на парковку, – сказал судья, – результат игры не будет зачтен!» Так что папе пришлось отправиться на парковку. Он говорил, что никак не может удержаться и не спорить с судьей. Прямо как Лео Дюроше.

Кэннон Кинг

Мой папа сходит с ума по бейсболу. Когда он смотрит ESPN, он так кричит. А я ему всегда говорю: «Пап, они же тебя не слышат!»

Чанс Кинг

Иногда он орет, прямо как в Бруклине: «Вы козлы!» Смешно, когда он так выражается!

Молодость – для игр. Старость – для того, чтобы заботиться о других. Я просто чувствую, что отец со мной навсегда. Это действительно здорово. Это всегда живет в сердце, когда думаешь об отце.

Глава 22
Исцеление

Если бы восемь лет назад мне сказали, что черный парень с Гавайев, которого воспитала белая бабушка и который, окончив Гарвард, стал высоколобым юристом и политиком-демократом с наиболее либеральной историей голосований в Сенате, будет нашим президентом, выиграв выборы у белого и героя войны, я бы совершенно точно заявил: «Да вы рехнулись!»

Но четыре года назад я получил знак. Однажды вечером Барак Обама выступил на Демократической конвенции с потрясающей речью. Я в тот момент был с сенатором-республиканцем Бобом Доулом. Он наклонился ко мне и сказал: «Вы видите перед собой первого чернокожего президента Соединенных Штатов Америки».

Избрание Обамы – самый значимый исторический факт нашего времени. Рабство, существовавшее в нашей великой стране, – самое грязное пятно на нашей истории. Нам до сих пор трудно избавиться от его влияния. Его призрак маячит перед глазами, потому что внуки рабов до сих пор продолжают жить среди нас. А теперь вдумайтесь, насколько невероятно то, что случилось: внуки рабов стали свидетелями этих выборов. Ничего подобного этому нам уже не суждено увидеть.

Победа Обамы – доказательство силы красноречия. О красноречии можно говорить много. В нем есть нечто успокаивающее. Во времена кризисов люди поворачиваются лицом к красноречивым ораторам.

Приход Обамы к власти ознаменовал собой начало перемен, в которых мы очень нуждаемся. Несомненно, какие-то перемены произошли бы и в том случае, если бы избрали Хиллари Клинтон. Но менять Буша на Клинтона, Клинтона на Буша, а Буша – на Клинтона для нас уже недостаточно. Обама – знак надежды. Он одновременно и черный, и белый. Он олицетворяет собой гармонию и баланс.

И в него, конечно же, порой бросают грязью. Кое-кто называет его антиамериканцем. Или террористом. Или социалистом. Но все это бессмысленно, потому что его личность гораздо сложнее любого примитивного определения. Это заставляет меня убеждаться в том, что все легче и легче становится груз нашей тяжкой истории. И я думаю, что исцеление будет продолжаться.

Я наблюдал за первым матчем в карьере Джеки Робинсона и брал у него интервью за несколько дней до смерти. Он был болен

диабетом, ослеп, и человек, подошедший взять у него автограф, был вынужден повернуть книгу нужной стороной, чтобы он надписал ее правильно. Джеки говорил: «Не надо провожать меня в могилу с обещаниями. Они мне не нужны. Я слышал их на протяжении всей жизни. Давайте мне все и сейчас. Тогда я умру спокойно».

Я видел, как Мартин Лютер Кинг-младший шел впереди целой нации, а каждый его шаг отслеживали шпионы ФБР. Гарри Белафонте[166] рассказывал мне о церемонии в Белом доме, когда был принят Закон о гражданских правах. Он подошел, чтобы пожать руку Линдону Джонсону, и сказал ему: «Благодарю вас». А потом задумался и спросил у себя: «Подождите-ка! Я благодарю его за то, что дано мне при рождении. Почему я должен кого-то за это благодарить?»

Теперь у нас – черный президент, и эти выборы выявили в каждом из нас все лучшее. Моя жена голосовала за Джона Маккейна, но и она была тронута. Мой брат Марти заметил, что речь Маккейна после того, как стало известно о победе Обамы, была провозглашена в Европе образцом того, как должна осуществляться демократия. А Джордж Буш вдохновенно расписывал историческую природу избрания Обамы: я никогда не слышал от него ничего подобного.

Для Обамы управление страной не будет легким. Я всегда буду помнить, что сказал мне Билл Клинтон, когда мы с ним смотрели из окна Белого дома на людей, идущих по Пенсильвания-авеню.

«Я завидую этим людям, – сказал Клинтон. – Они могут ходить по улицам. А здесь так одиноко. Так одиноко».

Но всем нам так нужно исцеление, что мы обязательно будем помогать ему. Никогда не забуду, как радовались вечером в день выборов мои дети, узнав о результатах. Накануне они ходили обедать к своему другу. Данте – чернокожий, но им нет до этого никакого дела.

Может быть, именно наши дети довершат этот процесс исцеления.

Глава 23
Одна жизнь в день

Мне трудно говорить о Кардиологическом фонде Ларри Кинга, несмотря на то что именно его существование дарит мне одни из самых удивительных переживаний в жизни. Все это оттого, что люди подходят ко мне и говорят: «Я был на презентации вашего фонда. Вы делаете столько добра. Вы просто должны гордиться собой». И дело не в том, что эти слова приводят меня в смущение. Мне просто кажется, что я их не заслуживаю.

Что же я сделал? Идея Кардиологического фонда родилась из одного простого вопроса, и даже не я его задал.

Этот вопрос возник за столиком в ресторане Дюка Зейберта примерно через полгода после того, как мне была сделана операция на сердце. Это было в 1988-м. Кто-то спросил у меня, как работает мое сердце, и, когда я ответил, что прекрасно, меня спросили:

«А сколько стоит такая операция?»

«Понятия не имею, – честно ответил я. – Это входит в мою страховку».

Но этот вопрос заставил меня задуматься. Сколько *действительно* стоит такая операция и что же делать тем, у кого нет такой страховки? Кардиохирургия – вещь для избранных. У вас может быть тяжелая блокада сосудов, но далеко не все страховые компании готовы оплатить необходимое лечение. Вы ведь не обязаны ложиться на операционный стол. Можно правильно питаться, заниматься спортом. Оплатить кардиохирургические процедуры вам могут лишь в одном случае – при инфаркте. Только тогда вам сделают операцию, если в этом будет необходимость.

Когда я впервые заговорил об этом на радио, я сказал, что мы должны считать трагедией тот факт, что необходима организация, подобная Кардиологическому фонду Ларри Кинга. Такой фонд был бы не нужен, живи мы в Израиле, Швеции или Англии. Мы – единственная развитая страна в мире, в которой нет государственной программы медицинского страхования. Я не сомневаюсь, что такая система – истинно христианское дело. И совершенно убежден, что каждый человек обладает правом на здоровье, точно так же как правом на речь.

Так что я собрал друзей, и мы организовали сбор денег в высшей школе в Балтиморе. К нам пришел великий квотербек

Джонни Юнитас. И Томми Ласорда. Местный магазин провел показ мод. Я сказал речь. Многие смеялись. Томми тоже выступил и говорил очень проникновенно. Мы выручили примерно сто тысяч долларов.

Первое, что мы сделали, – оплатили операцию тренеру одной из католических школ. Проблема была в том, что он не работал в школе на полную ставку. Поэтому страховки, которая положена учителям, у него не было. Прелесть истории в том, что тренер выздоровел и у него родился сын. И он назвал его Ларри.

Мы пригласили этого тренера на вторую акцию по сбору денег, которая проходила в Вашингтоне. Для человека, которому спасли жизнь, совершенно естественно желание подняться и поблагодарить самыми искренними словами. Но что я сделал такого, чтобы помочь ему? Я всего лишь не знал, сколько стоила моя операция на сердце, а потом пришел в школьный спортзал и отмочил пару шуточек. Понимаете теперь, почему я чувствую, что не заслужил этих похвал?

Давайте взглянем на дело непредвзято. Что такого великого я сделал? Со мной случился инфаркт в приемном покое скорой помощи, и меня спас доктор Ричард Кац. Мне понадобилась операция, и ее провел доктор Уэйн Айсом. Я основал фонд. Кац присоединился к нам и связал нас с клиникой Университета имени Джорджа Вашингтона. Потом к нам присоединился Айсом с Нью-Йоркским пресвитерианским госпиталем. Теперь у нас были прекрасные доктора и прекрасные больницы, а я для этого всего-навсего курил по три пачки в день на протяжении почти 40 лет, ел жирные бараньи отбивные, а потом явился в больницу, жалуясь на боль в груди.

Вначале почти все средства Фонда поступали от наших ежегодных презентаций. Марвин Хамлиш[167] играл на фортепиано. Вик Дэмон[168] пел. Дон Риклс блистал со своими шуточками. Рядом с ними я чувствовал себя недостойным. Того, что говорил обо мне Риклс, я никак не заслуживаю.

Однажды он представил меня так: «И не надо все время стоять, не такой уж ты и большой человек».

Риклс поедает мои бифштексы вот уже 50 лет. Помню, как я познакомил его со своей матерью. Это было в Майами. За нашим столиком сидел еще Сидни Пуатье[169]. Моя мать восхищалась: «Какой милый молодой человек!» Но тут появился Риклс и заявил: «Господи, Ларри, ты тусуешься с кем попало!»

И продолжил: «Сидни, хорошо, что ты здесь. Не хочется тебя напрягать, но, кажется, все кончилось». А потом, как всегда в таких случаях, в притворном ужасе оглянулся на оркестр и вопросил:

«Он что, собирается лезть на сцену?»

На одну из презентаций Фонда пришел управляющий Morton's Steakhouse. Он весил примерно три сотни фунтов. Риклс сказал ему:

«Я должен бы попросить вас встать и представиться публике, но, увы, наш крановщик сегодня заболел».

В другой презентации был Синбад[170]. Он встретился на сцене с Джонатаном Тишем, управляющим сети отелей Lowes. Синбад сказал ему: «У вас хороший отель. Замечательные номера по пятьсот долларов за ночь. Свежие простыни. Мягкие подушки. Но пять баксов за "Сникерс"? Это перебор!»

Ведущим одной из презентаций был Дик Чейни[171]. Я помню, как он вел себя, когда узнал, что ему требуется операция на сердце. Он присел со мной рядом на лестничной площадке «Супердоума» в Новом Орлеане, где проходил съезд республиканцев в 1988 году.

«Расскажи, что со мной будет, – попросил он. – Только не упускай ничего, ни одной мелочи».

Джордж Скотт[172] позвонил мне накануне операции. Он играл генерала Паттона в одноименном фильме. Как же он был хорош там! Тверд, как скала. Но, открою секрет, операция на сердце напугала его чуть ли не до смерти. Звонил мне и Энтони Куинн[173], тоже желавший узнать, что ему предстоит. Я как-то очень быстро стал экспертом по кардиохирургии. Это именно тот случай, когда спрашиваешь себя: *а что это я здесь делаю?* Что делает на презентации Кардиологического фонда простой парень Ларри Зайгер? Разве он может петь со Стиви Уандером Ebony and Ivory[174]? Мой сын Чанс танцевал с Джеймсом Брауном[175]. Список знаменитостей, принимавших участие в наших шоу, поражает. Селин Дион. Глэдис Найт. Род Стюарт. Рики Мартин. Сил. Тим Макгро. Льюис Блэк. Марк Энтони. Тони Беннет. Шанья Твейн. Дана Карви. Колби Кэллет. Майкл Болтон.

На одной из презентаций фокусник Джо Рамано показал новый фокус: сделал так, чтобы в зале пошел снег. Там не было никаких аппаратов. Он просто создал снег из ничего. Никто до сих пор не видел ничего подобного.

По мере роста нашего фонда я мог уже шесть-восемь раз в год звонить людям, не имевшим страховки и средств на операцию, и сообщать, что фонд готов оплатить их операцию. Это так прекрасно – слышать дрожь в голосе собеседника, который не может поверить тому, что услышал.

Я думал, что будет замечательно, если мы сможем оплачивать по 20 операций в год. Можно ли желать большего? А потом пришел Ларри-младший. До этого он занимался делами

компании Intuit. Мы взяли его в свою команду.

Ларри Кинг-младший

В Intuit я был чем-то вроде пожарного. Я включался в разные проекты, налаживал их, запускал и переключался на другой проект. Мне постоянно приходилось переезжать. За одиннадцать лет мы с женой сменили семь мест. Когда мы жили в Тампе, я оказался перед выбором. Чтобы остаться работать в Intuit, я должен был либо вернуться в Калифорнию, либо переехать на новое место.

У нас только что родились близнецы. Теперь у нас было трое детей. Моей жене нравилось жить во Флориде. У нас с ней никогда не было настоящего дома. Дома были, а дома не было. В комнатах постоянно стояли коробки, которые мы так и не успевали до конца распаковать. Порой мы их перевозили из дома в дом нераспакованными. Хотя работа в Intuit мне нравилась, все же хотелось большего постоянства. И еще мне хотелось остаться во Флориде.

Я решил обсудить это с отцом. И он сказал: «Послушай, мы сейчас остались без президента фонда. Не хочешь полгодика побыть на этом посту, пока не разберешься окончательно, что тебе нужно?» Попав в Кремниевую долину, я бы имел возможность пообщаться с акулами этого бизнеса и присмотреться к тому, как они ведут дела. Мой отец был классическим примером основателя: у него возникла блестящая идея, и он воплотил ее в жизнь, однако для развития дела его непосредственное участие уже не нужно. Мне показалось, что я смогу помочь фонду и определить пути развития.

Если бы я занялся фондом, мои доходы стали бы намного меньше. Но ведь это всего на полгода. И не это было главным доводом против. Больше всего меня пугало то, что, принимая предложение отца, я как бы лишался своего «я». Если раньше я не распространялся о нашем родстве, пока меня не спрашивали прямо: «Вы сын Ларри Кинга?», то теперь это всем было ясно.

Я всегда хотел жить собственной жизнью. А теперь должен был протягивать собеседнику визитку Кардиологического фонда Ларри Кинга и представляться: «Я – Ларри Кинг-младший». Я понимал, что поначалу мне будет трудно. Правда, я занимался бы важным делом – спасением человеческих жизней, так что я решил попробовать.

Вначале я действительно с трудом свыкался с местом Ларри Кинга-младшего. Я встречался с руководителями компаний и чувствовал, что они считают меня пустышкой. Но когда я начинал говорить о стратегическом планировании и показателях

эффективности, то видел, что они начинают смотреть на меня по-другому.

Ларри Кинг

Однажды Ларри заявил, что мы должны провести какой-то мудреный анализ. Я не знал, что это такое, но Ларри объяснил, что этот анализ поможет определить, в каком состоянии находится наше дело сегодня, и сравнить его с тем, что мы хотим видеть завтра. Тогда станет ясно видна разница между этими двумя позициями.

Он сказал мне: «Папа, мы сможем оплачивать по операции в день».

По операции в день? Я подумал, что Ларри сбрендил. Операция в день – это же бешеные деньги.

Ларри Кинг-младший

Примерно через полгода, когда я наконец-то увидел реальные возможности фонда, мне стало по-настоящему интересно.

Чтобы спасать по одной жизни в день, нужно было получать в качестве пожертвований примерно 15 млн долларов в год. И здесь пригодился мой опыт, полученный за годы работы в компаниях из списка Fortune 500. Мы могли на 60 % снизить затраты на каждого пациента. Это было возможно, если бы врачи делали операции бесплатно, компании предоставляли бы свою продукцию на бесплатной основе, а больницы принимали больных по льготным тарифам.

А потом случилось то, что по-настоящему открыло мне глаза на важность нашего дела. У одного одиннадцатилетнего мальчика скончался отец от разрыва сердца. Ему было всего 43 года. Этого мальчика звали Мэтт. Вскоре после смерти своего отца он сделал несколько браслетов с надписью: «Будь разумен, спаси свое сердце». Эти браслеты напоминали желтые повязки, которые Лэнс Армстронг[176] использовал в кампании против рака. Мэтт начал продавать эти браслеты в школе, делая их все больше и больше, и выручил за них в общей сложности 2000 долларов. Он прислал эти деньги нам с письмом, в котором было сказано: «Мистер Кинг, пожалуйста, пусть эти деньги пойдут на спасение жизни отца какого-нибудь мальчика, чтобы его сыну не было так же плохо, как мне».

Мы пригласили Мэтта на нашу презентацию. Он произнес речь. А потом на сцене его познакомили с тем человеком, жизнь которого он спас. Это был поистине потрясающий момент.

Мэтт Маркел

Друг

Когда я выходил на сцену, очень нервничал. А когда обнял Эверетта, которому удалось спасти жизнь с помощью операции, я был так растроган. Я не могу описать, что я чувствовал. Я лишь могу сказать, что в этот момент понял, что в моей жизни есть цель. И еще мне казалось, что мой отец наблюдает за нами.

Я до сих пор не могу поверить, что отца больше нет. Всего лишь за несколько часов до смерти он прыгал с нами на батуте. Мы считали, что он здоров как бык. А ночью меня разбудил какой-то шум, я вышел из своей комнаты и увидел врачей.

Моя мама рассказала мне о Кардиологическом фонде Ларри Кинга. Я не слишком много знаю о том, как живут и что делают знаменитости. Я собрал деньги и послал их с письмом в надежде, что хоть кто-нибудь его прочитает. А потом мне неожиданно позвонил сам Ларри Кинг.

Мы говорили с ним о том, что произошло. Он рассказал мне, что его отец умер от сердечного приступа, когда он был еще моложе меня. И пригласил меня на презентацию своего фонда.

Я сам толком не понял, что сделал, пока не оказался на сцене. Но, когда я сошел с нее, люди стали подходить ко мне и говорить, что я совершил удивительный поступок. И мне захотелось сделать еще больше.

Ларри Кинг-младший

Все находившиеся в зале были просто потрясены. Я и близко не могу описать, что чувствовал в тот момент. Там был мой отец. Он потерял своего отца, когда ему было девять. Тот погиб от сердечного приступа. И вот благодаря основанному им фонду 11-летний мальчик смог спасти жизнь отца другого ребенка. И я присутствовал при этом. Я не был рядом со своим отцом, когда был ребенком. Но зато теперь я получил возможность работать ради таких моментов и видел, что испытывает мой отец.

Но мне хотелось бы знать, о чем он думал, когда видел, как тот отец обнимает спасшего его мальчугана.

Ларри Кинг

Это было нереально. Такого на моей памяти еще не было. Только подумайте, что сделал этот мальчишка!

Я не думал тогда о смерти моего отца. И больше не считаю, что он меня бросил. Я понимаю, что в этом не было его вины. Он не хотел меня покидать. Я стал жить своей жизнью и благодаря этому стал тем, кто я есть. Я не могу этого толком объяснить, могу только сказать, что сам с трудом верю в свою жизнь.

Ларри Кинг-младший

Разве мог я теперь уйти на другую работу, продавать компьютерные программы или кредитные карточки? Мэтт заработал для фонда еще 30 000 долларов, и на эти деньги мы спасли еще десять чьих-то отцов.

В первый год моего президентства мы смогли оплатить 22 операции.

На второй год – около 100.

На следующий год – примерно 150.

В 2008 году на деньги нашего фонда было сделано 300 операций на сердце.

Мы приближаемся к целевому показателю – одна операция в день. И это получится, потому что все больше людей узнают о нас и хотят нам помочь. Сегодня в Лос-Анджелесе 110 людей живы благодаря Ларри Кингу. Но он работает не только с американцами. Происходят действительно невероятные истории.

Ларри Кинг

Одна из наиболее запомнившихся историй – та, что произошла с афганским мальчиком. Его доставили к нам на военном самолете, и операцию сделали в Детской больнице Вашингтона. Я приходил к нему и общался как с самим мальчиком, так и с его отцом. Они не говорили по-английски. Но мне не нужно было понимать язык, на котором они говорили, потому что я читал все на их лицах.

Ларри Кинг-младший

Помню еще молодую женщину. Она была настолько плоха, что не могла преодолеть даже один лестничный пролет. Ее сестра написала нам удивительное письмо с просьбой о помощи. И ей сделали операцию. После этого она нашла работу, вышла замуж и прямо на Рождество родила своего первого ребенка. Теперь она помогает нам спасать других. У парня по имени Крис, который держал маленькую фотомастерскую, не было страховки, но ему была необходима операция. Теперь он каждый год приходит на наши презентации и бесплатно фотографирует. И продолжать в том же духе я могу целый день.

Я хочу сделать для отца что-то такое, чего он не делает для себя сам. У него уже есть имя в журналистике. Но я говорю о другом. Пройдет еще лет тридцать или сорок, и вы не увидите Ларри Кинга в передачах CNN. Может быть, только изредка будут показывать какие-нибудь наиболее интересные кусочки его шоу. Но сейчас он каждый день спасает чью-то жизнь. Так что имя моего отца будут помнить и тогда, когда вырастут наши внуки.

Как сказал на последней презентации фонда Энтони Роббинс[177]: «Лучшее, что мы можем, – потратить жизнь на что-нибудь, что продлится дольше, чем она сама».

Ларри Кинг

Говорят, я взял интервью более чем у 40 тысяч людей. Может, и так. Никто не станет отрицать, что я встречался с массой народа. Но никто из них не производил на меня большего впечатления, чем Ларри-младший.

Ларри Кинг-младший

На мне не просто замкнулся круг. Все пошло дальше. Чанс и Кэннон тоже имеют отношение к нашему фонду. Мои дети – Эшер, Макс и Стелла – когда-нибудь тоже продолжат дело. Пока это будет необходимо, наша семья будет заниматься фондом.

Не так давно мои дети продавали в школе кексы, чтобы отдать деньги в фонд. Я видел, как к ним подходили детишки с красными ленточками на руках, теми самыми, что придумал Мэтт три года назад. Я могу лишь сказать, что все восхищает меня и не дает мне забыть, кто я такой.

Мой старший сын написал моему отцу письмо о том, как он гордится тем, что имеет отношение к фонду. Он чувствует естественную связь с дедом. Он никогда не поймет, что я не был близок с отцом, пока был маленьким. Он видит только то, что есть сегодня.

Мы только что отправили команду врачей в Уганду, чтобы они помогали спасать жизни там и учили местных врачей, чтобы те могли помочь еще большему числу людей. Мой сын видел, как я писал благодарственное письмо человеку из Германии, который пожертвовал всего лишь один доллар. Теперь и в Германии есть кто-то, кто связан с моим отцом, со мной и моим сыном.

Глава 24
Соня

Как-то ночью, когда я был молод и только начинал работать в Майами, я пришел домой, чувствуя легкую усталость. Была ночь пятницы, и в прошедший день я вел шоу на радио, на телевидении, а потом еще комментировал собачьи бега. Следующие два дня были выходные. Поэтому будильник я ставить не стал. Я решил, что когда проснусь, тогда и проснусь. Вечером у меня должно было быть свидание. А если мне удастся все-таки встать пораньше, я могу еще провести день на стадионе.

И я лег спать. Когда проснулся, я чувствовал себя прекрасно. Я взглянул на часы. Они показывали десять. Прекрасно! Значит, у меня еще масса времени для того, чтобы позавтракать, побывать на скачках, прийти домой, принять душ и отправиться на свидание.

Я жил в многоквартирном доме и спустился в холл, чтобы забрать свою газету. День был замечательным. Я взял газету и… не поверил своим глазам: там было написано, что сегодня воскресенье.

Я что, с ума сошел? Не мог же я проспать целый день! Я стоял и долго размышлял над этим. Наверное, я все же просыпался и ходил в туалет – но я этого не помнил. А как же девушка, которая ждала меня субботним вечером? Она больше со мной не встречалась.

Я вспомнил 19 ноября прошлого года. В то утро я проснулся и обнаружил, что мне уже 75. Семьдесят пять! Как такое возможно? Еще вчера я был ребенком. Я совершенно не хотел думать о том, что мне 75. Мне было плохо, когда даже исполнилось 50… Я помню, как сел в машину, включил радио и услышал рекламу: «Вам за 50? Вы можете вступить в AARP…»

Я сменил станцию и услышал: «Если вам 50 или больше, вы можете получить 20 %-ную скидку на билет…»

Но семьдесят пять?! В детстве, когда мы встречали кого-нибудь в возрасте около 75, мы думали: «О боже!» В те времена очень многие не доживали до этих лет. И вдруг мне самому 75 лет. «Это невозможно!» – сказал я, стукнув кулаком по столу за завтраком в Nate'n Al.

«Посмотри на это с другой стороны, – сказали мне. – Допустим, тебе сегодня 75. Но при этом ты еще можешь стучать кулаком по столу».

«Ну да, – отозвался я. – Правда, теперь у меня из-за этого

болит рука».

Оглядываясь назад, я кое о чем сожалею. Я точно не должен был жениться восемь раз. Но я не зацикливаюсь на этих мыслях. Думая об этом, я вспоминаю о том, чему был свидетелем во время моего брака с Шэрон. Ее отец был бейсболистом-любителем и очень хорошим спортсменом. Но он пошел служить в Военноморские силы, а потом отец устроил его на почту. Однажды я взял его с собой на матч Orioles. Мы были на поле во время тренировочных бросков, стояли прямо за ограждением и смотрели, как игроки наносят удары. Это была совершенно обычная сцена, которую можно наблюдать год за годом, матч за матчем. Но когда я обернулся к отцу Шэрон, то увидел, что по его щекам текут слезы.

Я спросил: «В чем дело?»

И он ответил: «Мне стоило попытаться».

Я никогда этого не забуду. Может быть, я о чем-то и сожалею. Но одного я никогда не говорил и не скажу: как жаль, что я не рискнул.

Многое из того, что я делаю, объясняется тем, что я до сих пор остался тем же любознательным мальчишкой, который пришел на радиостанцию в Майами в поисках работы. Йоги Берра как-то сказал: «Я не хочу, чтобы во мне умер ребенок». Я на сто процентов с этим согласен. Но нужно быть реалистом. Хотя временами я не чувствую себя на 75, бывает, что я встаю из-за стола в Nate

‘n Al и выдаю очередную замечательную еврейскую идиому: «Oy, abrucht…» Нравятся мне еврейские идиомы. Эти выражения соответствуют заключенному в них смыслу. Ничто не суммирует прожитые 75 лет так, как «Oy, abrucht». Моя мать часто ее повторяла. Теперь я знаю, что это означает. В 2011-м, когда закончится мой контракт с CNN, мне будет 78. В эти годы люди обычно не получают новые контракты на долгий срок.

Многие забывают, что пенсионный возраст наступает в 65. Уолтера Кронкайта[178] CBS отправила на пенсию. Это политика компании. Но, может быть, сегодняшние 78 можно приравнять ко вчерашним 60. У меня до сих пор высокие рейтинги. И если я перестану выходить в эфир, что будет с 99-летней старушкой, которая считает, что жива до сих пор лишь потому, что смотрит каждый вечер мою программу? Я как раз накануне звонил ей, чтобы поздравить с днем рождения.

Я получил замечательное письмо от Питера Дженнингса[179] прямо перед тем, как он скончался от рака. Он писал: «У меня раньше никогда не было времени для того, чтобы смотреть твое шоу. Но теперь, когда я болен, я смотрю его часто. И теперь я

могу сказать, что оно замечательно».

Из-за подобных писем очень сложно представлять себе, что когда-нибудь по утрам мне не придется готовиться к очередной программе. Недавно в возрасте за 90 скончался Арти Шоу, один из лучших кларнетистов всех времен. Это был исключительный человек. Когда я брал у него интервью, он сказал, что перестал играть на кларнете где-то после 50.

«Почему?» – спросил я.

Он ответил: «Мне больше нечему было учиться. И нечего больше играть».

Я чувствую себя совершенно иначе. Одна из причин, по которым мне так жаль скоропостижно скончавшегося Тима Рассерта[180], связана с тем, что он так много потерял из-за своей смерти. Он любил политику, дышал ею. И оттого, что он не мог присутствовать при том шуме, что возник при выдвижении Сары Пэйлин, меня гложет печаль. Если он смотрел на это оттуда, сверху, как уверяют меня те, кто в это верит, то, наверное, до смерти хотел оказаться здесь, среди нас. Конечно, он и так уже умер. Но все равно до смерти хотел бы оказаться в гуще событий.

Как сказал мне Кирк Керкорян, одна из самых тяжелых вещей в старости – смотреть, как умирают твои друзья. Я помню, как Синатра говорил незадолго до кончины: «Все, кого я знал, уже умерли». Меня убьет, если Герби, Сид или Эшер уйдут раньше меня. Не хочу испытывать этой боли. Лучше уж мне умереть первым, хотя я ужасно боюсь смерти.

Но я не могу сейчас уйти. Не могу, потому что у меня есть дети. Мои младшие сыновья настолько крепко вошли в мою жизнь, что это даже пугает меня. Я понимаю, что однажды меня не станет. Сомневаюсь, что я дотяну до девяноста. Допустим, я доживу до восьмидесяти пяти. Значит, я по крайней мере увижу, как они закончат школу. Иногда я наблюдаю за тем, как спортсмены говорят о своих отцах. Мне хотелось бы быть свидетелем того, как Чанс и Кэннон будут вспоминать о том, как отец ходил с ними на матчи, когда они были маленькими.

Не так давно я занялся своим наследством. Когда собираешься подписывать завещание, волей-неволей начинаешь задумываться о смерти. Но все, что я мог придумать, – это шутки. Я вспоминал, как пошутил по поводу своего завещания Хенни Янгмен[181]: «Моему брату Генри, который утверждал, что я не упомяну его в своем завещании: “Привет, Генри!”»

Так что я сказал, чтобы в моем завещании написали следующее: «Если когда-нибудь меня подключат к системе жизнеобеспечения, и я буду продолжать дышать, и мне не будет больно, *не* отключайте систему. Даже если мы из-за этого

обанкротимся. Пусть дети продают лимонад на улице. Только не отключайте систему!»

Я поддерживаю Вуди Аллена. Я не то чтобы боюсь смерти. Мне просто не хочется при этом присутствовать.

А если я умру, заморозьте меня! Заморозка – это хороший способ покинуть этот мир, потому что это хороший способ его не покидать.

Мне не нравится идея быть зарытым в землю. И сожженным тоже. Мне все-таки хочется остаться где-то здесь. Заморозьте меня – вдруг когда-нибудь получится меня оживить.

В связи с этим я вспоминаю фильм Вуди Аллена «Соня». В нем человеку сделали операцию по поводу язвы желудка, а он очнулся через двести лет после погружения в контейнер с жидким азотом. Вся прелесть сцены его пробуждения – угол, под которым она снята. Вы не слышите, что говорят ему врачи и медсестры. Все снято из-за оконного стекла. Так что вы просто видите, что ему что-то говорят, а он подпрыгивает на месте и совершенно теряет голову.

Что я скажу, если меня разбудят лет через двести? «Ну что, Cubs хотя бы раз выиграли “Всемирную серию”?» И уверен, что быстро доберусь до своего любимого вопроса: *А что я здесь делаю?* Это значит, что все будет не слишком отличаться от моей теперешней жизни.

Но на самом деле у меня нет времени, чтобы долго раздумывать о подобных вещах. У меня почти нет времени даже на то, чтобы просмотреть альбом с фотографиями семидесятого дня рождения или взглянуть на фото, где мы с Сэнди Куфакс и группой ребятишек стоим на углу, еще в школьные годы. Я не оглядываюсь назад. Знаете, почему?

У меня звонит мобильник, и он прозвонит еще раз двадцать за час. Венди скажет мне, с кем сегодня я буду беседовать в программе. Пэтти, моя помощница, зачитает список из двадцати пунктов, что я должен сделать.

Ирвин будет ждать меня на ипподроме, чтобы заключить со мной пари.

Ларри-младший попросит меня позвонить нескольким людям, которым мы готовы оплатить операции. Можете в это поверить? Шон и Ларри договорились с Cubs, чтобы мы с мальчиками пели Take Me Out to the Ball Game («Возьми меня с собой на бейсбол») на их матче. Откуда он узнал? Я сто лет не был на Ригли-филдс.

Мне нужно сходить в банк. Чанс и Кэннон только что узнали, что такое сберегательный счет. Чанс дал мне шесть долларов на хранение, а когда Кэннон услышал о чудесах процентных ставок,

то дал мне восемьдесят пять центов, чтобы я открыл для него счет.

Нужно сделать еще очень многое до того, как я поеду за сыновьями в школу.

А потом мне надо в студию. Меня ждет эфир. Так что мне пора.

Благодарности

Я хочу выразить благодарность многим, кто помогал мне в моем удивительном путешествии по жизни, так что даже простое их перечисление заняло бы целый том.

Но скажу честно: за всю свою жизнь я ни разу не прочитал страницу с благодарностями ни в одной книге. Так что в общем-то не вижу смысла ее писать.

Но все-таки нескольких людей мне хотелось бы отметить особо. Я должен передать привет Гарви Вайнштейну с благодарностью за его энтузиазм, поддержку и помощь.

Еще – Майклу Винеру из Phoenix Books и агенту Дэвиду Вильяно за их мудрость и за то, что они направили мою книгу по правильному пути.

Еще – издателю Джуди Готтенсен, Кристин Пауэрс и всем остальным из Weinstein Books за замечательную атмосферу в редакции и их профессионализм.

Гербу Коэну, Сиду Янгу и Эшеру Дэну за то, что они на всю жизнь остались друзьями Ларри Зайгера.

А писатель Кэл Фассмен доказал мне, что даже в 75-летнем возрасте можно заводить новых друзей.

И никак не могу не упомянуть всех патриархов, которые проводят со мной время в Nate ‘n Al Deli – им-то не нужно читать эту книгу, чтобы знать историю моей жизни.

Конечно, я должен поблагодарить команду шоу Larry King Live, на которую я всегда могу положиться. Иногда кто-нибудь из них называет меня боссом. Меня от этого передергивает. Мне просто повезло быть ведущим. Но работаем-то мы вместе.

И всех остальных, кого я обязательно поприветствую, если вдруг встречу их на улице. А если этого не произойдет, то тогда, извините, вы все равно не попали бы на эту страницу.

notes

Примечания

1

35-й президент США.

2

37-й президент США.

3

Борец за гражданские права черных в США.

4

32-й президент США.

5

Супруга Билла Клинтона, 42-го президента США, в настоящее время – Государственный секретарь США.

6

Американский общественный деятель, супруга 32-го президента США.

7

Основной кандидат от республиканцев на выборах президента США 2008 года; потерпел поражение от демократа Барака Обамы.

8

Губернатор штата Нью-Йорк в 1983–1994 годах.

9

Расположен в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка. До 1954 года был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США.

10

Знаменитый американский бейсболист.

11

Кварталы Бруклина, одного из районов Нью-Йорка.

12

Научно-фантастический телесериал.

13

Знаменитый американский бейсболист. Известен не только победами в спорте, но и афоризмами.

14

Популярный актер и радиоведущий.

15

Популярный киноактер («В джазе только девушки», «Спартак», «Большие гонки» и др.).

16

Звезда Голливуда, один из величайших мастеров музыкального жанра в кино.

17

Звезда Голливуда, актриса и танцовщица, обладательница премии «Оскар» 1940 года. Стала наиболее известна благодаря совместным выступлениям в паре с Фредом Астером.

18

35-й президент США. В те годы сенатор штата Массачусетс.

19

Политический деятель. В 1952 и 1956 годах был выдвинут кандидатом от Демократической партии на пост президента.

20

Сенатор, в 1950–1951 годах возглавлял комитет по борьбе с организованной преступностью.

21

Один из самых популярных исполнителей рок-н-ролла и кантри, поэт-песенник, киноактер.

22

Splish Splash (англ. всплеск) – песня, написанная Бобби Дарином благодаря радиодиджею Мюррею Кею, который побился об заклад, что Дарин не сможет написать песню, начинающуюся со слов «Splish Splash, I was takin'a bath» («Шлеп-шлеп, я принимал ванну»), как предложила мать Мюррея Джина Кауфман. Летом 1958 года эта песня стала гимном американских подростков.

23

Знаменитый профсоюзный лидер, исчезнувший при загадочных обстоятельствах.

24

Популярный комик, киноактер, продюсер.

25

Сатирик, мастер юмористической импровизации, автор книг, статей и пластинок.

26

Сатирик, актер эстрады, кино и телеведущий.

27

Известный американский радиоведущий.

28

Ротари (Rotary) – всемирная сеть клубов, объединяющая представителей делового мира и интеллигенции, занимающихся оказанием гуманитарной помощи; благотворительная организация.

29

Герои сериала – водитель автобуса Ральф Крэмден (Джеки Глисон) и ассенизатор Эд Нортон (Арт Карни) – одержимы навязчивой идеей разбогатеть во что бы то ни стало и переехать из Бруклина в престижный район. Чтобы реализовать свою мечту, они участвуют в лотереях, играют на собачьих бегах, пытаются с помощью металлоискателей отыскать клады и т. д. А их молодые женушки во всем их поддерживают.

30

Популярный в 1950-е годы в Америке комик, актер и музыкант.

31

Епископ (с 1969 года – архиепископ), проповедник, автор более 60 книг о вере и нравственности.

32

14-кратный олимпийский чемпион по плаванию.

33

В 2007 году – командующий коалиционными силами в Ираке, в настоящее время – глава Центрального командования ВС США.

34

Речь идет о возмущении в суннитской провинции Анбар (Ирак) в начале 2007 года.

35

Отель в Майами-Бич.

36

Наиболее известные тележурналисты в США: Барбара Уолтерс (NBC/ABC), Кэйти Курик (CBS), Чарли Джибсон (ABC), Брайан Уильямс (NBC), Дайан Сойер (ABC) и Ларри Кинг (CNN).

37

Яша Хейфец, один из величайших скрипачей XX века.

38

Джазовый музыкант.

39

Одно из наиболее шикарных казино Лас-Вегаса.

40

В 1960 году на сессии ООН при обсуждении довольно острых вопросов Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС, стукнул башмаком по трибуне и угрожающе крикнул американской делегации: «Я вам покажу кузькину мать!»

41

«У меня есть мечта» (англ. I have a dream) – название самой известной речи Мартина Лютера Кинга, в которой он провозгласил свое видение будущего, когда белые и черные будут сосуществовать как равные.

42

Американский борец за права афроамериканцев.

43

Легендарный американский боксер, афроамериканец.

44

Война между Израилем и рядом арабских стран (Египет, Сирия, Иордания, Ирак и Алжир). Длилась шесть дней и закончилась победой Израиля.

45

Астронавты Н. Армстронг и Э. Олдрин в лунном модуле Eagle 20 июля 1969 года совершили посадку на Луну, а 21 июля впервые вышли на лунную поверхность.

46

Борец за гражданские права афроамериканцев.

47

Министр обороны Израиля.

48

Премьер-министр Израиля.

49

Популярный телесериал, вестерн. Шел 14 сезонов – с 1959 по 1973 год.

50

Ведущий популярной программы «Позднее шоу с Дэвидом Леттерманом» на телеканале CBS.

51

Bunny (Зайчик) – так называли официанток/хостес в клубах Playboy. Одетые в облегающее боди, с заячьими ушами на голове и пушистым хвостом красотки быстро стали секс-символом 1960-х. В Playboy девушку-Bunny подавали как профессию: им обещали карьерный рост и заработки до 200 долларов в неделю.

52

В Америке люди моложе 21 года считаются несовершеннолетними.

53

Герои семейного телесериала «Приключения Оззи и Гарриет», в котором Оззи, довольно милого и чудаковатого отца семейства, всегда выручают любящая понимающая жена и терпеливые дети.

54

Pied Piper (Крысолов) – герой немецкого фольклора, который спас город от нашествия крыс, заманив их в реку, играя при этом на флейте; перен. человек, дающий невыполнимые обещания, заманивающий в ловушку.

55

Ле хаим!

56

Американский кинорежиссер, мастер кинопародий («Продюсеры», «Двенадцать стульев», «Сверкающие седла», «Молодой Франкенштейн», «Немое кино», «Страх высоты» и др.).

57

Разговорный комический альбом.

58

Главный игрок нападения в американском футболе.

59

Звезда американского футбола.

60

Фильм Акиры Куросавы.

61

Знаменитый ипподром в штате Кентукки.

Адвокат, консультант Департамента труда.

63

В то время губернатор штата Техас.

64

17 июня 1972 года (за четыре месяца до президентских выборов, на которых кандидат от Республиканской партии Ричард Никсон был переизбран на второй срок) в штабе кандидата в президенты от Демократической партии Джорджа Макговерна, расположенном в вашингтонском отеле «Уотергейт», были задержаны проникшие туда путем взлома пять сотрудников секретной службы, которые занимались настройкой подслушивающей аппаратуры и, по некоторым данным, фотографированием внутренних документов штаба демократов.

65

Популярный консервативный радиокомментатор.

66

Профессиональный футбольный клуб, выступающий в Национальной футбольной лиге.

Репортеры *The Washington Post.*

68

Популярный тележурналист (ABC), вел шоу Nightline.

69

Речь идет о Мухаммеде Резо Пехлеви.

Coen H. You Can Negotiate Anything (1982). Издание на русском языке: Коэн Г. Обо всем можно договориться. – М.: АСТ, 2010.

71

Город в штате Нью-Йорк.

72

Американский актер, сатирик, режиссер и писатель. Известен своей сатирической новостной передачей The Colbert Report (Comedy Central).

73

Актер, сценарист («Серенада Солнечной долины», «Этот безумный, безумный, безумный мир» и др.).

Известный адвокат, владелец Orioles.

75

Так в Америке называют беркута, самого крупного из орлов.

Новости куриной лапши (*англ.*).

В то время продюсер CNN.

Ведущий Saturday Night Live.

79

Певец, актер, композитор.

80

Награда, учрежденная Университетом штата Джорджия в 1940 году, за достижения в области масс-медиа.

81

Радиожурналист (BBC).

82

Специальный помощник президента Рональда Рейгана (1984–1986). Главный составитель речей вице-президента Джорджа Буша в период его первой президентской кампании (1988).

83

Телеведущий, один из основателей жанра вечерних развлекательных телешоу (NBC).

84

Река, на берегу которой расположен г. Вашингтон.

85

Журналист, писатель-сатирик.

86

Знаменитый проповедник, евангелист.

87

Вариант ковбойской шляпы. В американской культуре – головной убор стереотипного образа жителя Техаса.

88

Тележурналист, вел вечерний выпуск новостей CBS на протяжении 19 лет – с 1962 по 1981 год.

89

Букмекерские конторы ОТВ (Off-Tracking Betting) принимают ставки на скачки.

90

Североамериканское соглашение о свободной торговле.

91

16-й президент США.

92

Член демократической партии. Соперник Авраама Линкольна на выборах 1858 года.

93

Глава ABC.

Тележурналист, ведущий вечерних новостей на канале CBS.

95

Джордж Буш-старший, 41-й президент США.

96

В то время политический консультант Билла Клинтона.

97

Политический деятель, в то время – министр торговли.

Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения.

В то время кандидат в вице-президенты.

100

Орентал Джеймс «О. Джей» Симпсон – известный игрок в американский футбол, актер.

101

Крупнейшая компания по прокату автомобилей, в рекламе которой снимался О. Джей.

102

Знаменитые спортсмены: Майкл Джордан (баскетбол), Дерек Джетер (бейсбол), Тайгер Вудс (гольф).

103

Адвокат Симпсона.

104

Детективный телесериал (69 серий), в российском прокате выходил под названием «Меня зовут Коломбо».

105

Палестинец, антисионист, застреливший Роберта Кеннеди.

106

Адвокат.

107

Футбольная команда Университета Майами.

108

В 1954 году Мерилин Монро вышла замуж за Джо ДиМаджио. Брак продлился 9 месяцев.

109

Популярный музыкант, играющий в стиле кантри.

110

Знаменитый бейсболист.

111

Представитель США в ООН, поставивший представителя СССР в затруднительное положение фотографиями советских ракет на Кубе и требованием ответить «Да или нет» на вопрос о размещении советских ракет.

112

Известная ювелирная фирма, славящаяся дороговизной и изысканностью украшений.

113

Сеть магазинов розничной торговли.

114

Одна из крупнейших кинокомпаний США.

115

Крупнейшие звукозаписывающие компании.

116

Популярная американская рок-группа.

117

Певец и гитарист. Премия «Грэмми» за лучший альбом 1968 года.

118

Брат и сестра из знаменитой семейной поп-группы The Osmonds. После распада группы выступали дуэтом, а также с сольными концертами.

119

Телесериал, который шел на CBS с 1964 по 1967 год.

120

Игрок, отвечающий за план игры нападения и являющийся лидером всех атак в американском футболе.

121

Пауэлл, советник по национальной безопасности в администрации президента Рональда Рейгана, выйдя в отставку, основал благотворительную организацию America’s Promise, призванную помогать детям из всех социальных слоев.

122

Эксцентричный быстрый танец с резкими движениями, популярный в 30-х годах XX века.

123

Популярный американский поэт, писатель, художник, драматург. Проводил радикальные эксперименты с формой, пунктуацией, синтаксисом и правописанием. В некоторых его стихах заглавные буквы не используются; строки, фразы и даже отдельные слова часто прерываются в самых неожиданных местах; знаки препинания или отсутствуют, или расставлены странным образом.

Перевод Н. Семонифф.

125

Сатирик, мастер юмористической импровизации.

Шло на CBS в 1998–2000 годах.

127

Член Демократической партии, претендент на выдвижение кандидатом в президенты на выборах 1988 года.

128

Любовница Джона Кеннеди.

129

Актриса, сделала себе имя как бывшая любовница Клинтона.

130

Коллега и подруга Моники Левински, которая передала независимому прокурору Старру аудиозапись признаний Моники о ее отношениях с Биллом Клинтоном.

131

Знаменитый журналист, телеведущий NBC.

132

Комментатор CNN.

133

Независимый прокурор, обвинивший Клинтона в лжесвидетельстве.

134

Знаменитый американский футболист.

135

Позывной любого летательного аппарата Корпуса морской пехоты США, на борту которого находится президент США. Здесь вертолет, на котором улетал президент с семьей.

136

38-й президент США. Как вице-президент вступил на пост президента США после отставки Никсона в связи с Уотергейтским скандалом.

137

Известный политик, газетный колумнист и телеведущий со скандальной репутацией; придерживается ультраконсервативных взглядов.

138

Банкир, государственный деятель, текущий глава дома Рокфеллеров.

139

Премьер-министр Израиля.

140

Президент Египта.

141

Средство против затрудненного дыхания.

142

Вице-президент.

143

Кандидат от Демократической партии на президентских выборах 1972 года.

144

Марди Гра (фр. mardi gras, буквально – «жирный вторник») – карнавал во вторник на Масляной неделе, в последний день перед Пепельной средой и началом католического Великого поста. Аналог Масленицы. Празднуется во многих странах. Самые массовые и пышные празднования проходят в Новом Орлеане.

145

Инвестор, самый известный в мире портфельный менеджер и бизнесмен. В феврале 2008 года У. Баффетт признан самым богатым человеком в мире (его состояние было оценено примерно в 62 млрд долларов).

146

Миллиардер, президент и владелец холдинговой компании Tracinda Corporation, а также гостиниц, казино, высококлассных авиалиний и «Тим-парка» в Лас-Вегасе.

147

Схема выплат, при которой проценты по инвестициям выплачивались за счет притока новых клиентов. Названа по имени основателя финансовой пирамиды Чарльза Понцы, впервые применившего эту схему в 1920-х годах.

148

Бывший председатель NASDAQ, основатель и глава Madoff Investment Securities, считавшегося одним из наиболее надежных и прибыльных инвестиционных фондов США.

149

33-й президент США.

150

Генерал, в 1950-м – командующий войсками ООН в корейской войне. Недооценка им сил китайской армии, готовившейся вступить в войну, привела к катастрофическим последствиям для сил ООН во время китайского наступления в конце 1950 года. Был отправлен в отставку президентом Трумэном из-за разногласий во взглядах на ведение войны и необходимость ее расширения на территорию Китая.

151

Бывший губернатор штата Нью-Йорк (ранее генеральный прокурор штата), ярый борец с коррупцией и проституцией и, как выяснилось, постоянный посетитель публичного дома, потративший на «девочек по вызову» более $80 000 бюджетных средств.

152

Член Верховного суда, афроамериканец. Выступает против многочисленных социальных программ, развивающих у афроамериканцев представления о доступности благ и привилегий лишь благодаря цвету их кожи, чем превращает их в социальных нахлебников.

153

Журналист, писатель-сатирик.

Gore Albert. Earth in the Balance – Ecology and the Human Spirit. – Boston: Houghton Mifflin, 1992. Издание на русском языке: Гор Эл. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух. – М., 1993.

155

NAFTA (North American Free Trade Agreement) – Североамериканское соглашение о свободной торговле.

156

Schmuck (англ.) – болван, тупица.

157

Один из самых почитаемых живущих ныне мастеров йоги.

158

Известная финансистка и телеведущая (ее часто называют телевизионным финансовым гуру). Ведет собственную программу на CNBC, посвященную финансам и экономике.

159

Эстрадный артист, певец и киноактер.

160

Музыкальный продюсер, исполнитель (хип-хоп, рэп).

161

Жаклин Кеннеди, жена Джона Кеннеди, 35-го президента США.

162

Губернатор штата Аляска.

163

Телефильм по мотивам одноименного произведения Митча Элбома, триллер.

164

Фильм Кевина Костнера. Получил семь «Оскаров», признан лучшим фильмом 1990 года.

165

Здесь был когда-то стадион,
Здесь был когда-то стадион,
С таким теплым зеленым полем,
Где люди играли в сумасшедшую игру,
Радуясь, как дети.
И в воздухе плыл чудесный
Запах хот-догов и пива…
Да, здесь был когда-то стадион.
А еще здесь продавали леденцы,
А на праздник Четвертого июля
Устраивали салют.
И вспыхивало все небо,
И люди надивиться не могли.
Они смеялись и веселились…
Да, здесь был когда-то стадион.
А теперь дети ищут его.
И не верят своим глазам.
Ведь старая команда уже не играет,
А новички и не пытаются.
И небо, что когда-то было ясным,
Теперь почему-то затянулось облаками,
И лето в этом году пролетело так быстро…
Да, вот здесь когда-то был стадион.

166

Актер, певец, общественный деятель, борец за гражданские права.

167

Композитор («Информатор», «Фрэнки и Джонни», «У зеркала два лица», «Трудности перевода» и др.).

168

Популярный певец (поп, соул).

169

Первый чернокожий киноактер, получивший «Оскара» за лучшую роль («Скованные одной цепью», «Полевые лилии», «Учителю с любовью», «Душной южной ночью» и др.).

170

Киноактер («Подарок на Рождество», «Малыш Чероки», «Яйцеголовые» и др.).

171

Вице-президент в администрации Дж. Буша-младшего.

172

Актер («Анатомия убийства», «Доктор Стрейнджлав», «Патон» и др.), режиссер и продюсер.

173

Актер («Жажда жизни», «Дорога», «Грек Зорба», «Прогулка в облаках» и др.), писатель, художник.

174

Ebony and Ivory («Черное дерево и слоновая кость») – песня, которую Стиви Уандер, негритянский певец и музыкант, исполнял дуэтом с Полом Маккартни.

175

Певец, одна из самых влиятельных фигур в поп-музыке XX века.

176

Знаменитый велогонщик, создавший Фонд по борьбе с раком.

177

Писатель, предприниматель, оратор.

178

Телеведущий, тележурналист.

179

Телеведущий (ABC News).

180

Телеведущий, глава NBC.

181

Актер, сценарист.